

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Шмыгина Ольга Валерьевна

**УГРОЗА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ**

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель

доктор юридических наук, доцент

Боровских Роман Николаевич

Новосибирск 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. НОРМАТИВНЫЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ	22
§ 1.1. Угроза как уголовно-правовая категория.....	22
§ 1.2. Угроза как способ совершения преступлений против собственности: концепция «чувствительной» информации	40
ГЛАВА 2. ВИДЫ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ	62
§ 2.1. Угроза насильственной информацией	62
§ 2.2. Угроза информацией имущественного характера.....	76
§ 2.3. Угроза компрометирующей информацией	87
ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ.	100
§ 3.1. Вопросы квалификации угрозы неопределенной (неявной) и комбинированной информацией	101
§ 3.2. Вопросы квалификации угрозы информацией насильственного, имущественного и компрометирующего характера в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	134
Приложение 1. <i>Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ в общей структуре преступлений против собственности</i>	174
Приложение 2. <i>Анализ судебных решений за 2008–2023 годы по характеру сведений, содержащихся в угрозе при шантаже (ст. 163 УК РФ)</i>	176

Приложение 3. Сведения по результатам изучения судебной практики о применении угроз, соединенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ст. 163 УК РФ)	177
Приложение 4. Анализ судебных решений за 2008–2023 годы по способам выражения угроз	Error! Bookmark not defined.
Приложение 5. Анкета	178
Приложение 6. Анкета	181
Приложение 7. Анкета	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Конституция РФ гарантирует право каждого человека на личную неприкосновенность (ст. 22), а также устанавливает, что право частной собственности охраняется действующим законодательством (ст. 35). Во исполнение данных конституционных гарантий уголовное законодательство РФ содержит нормы об ответственности за преступления против собственности, совершенные путем физического и психического воздействия на личную неприкосновенность.

Обратимся к официальным статистическим данным.

Так, по сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России в 2018 г. количество зарегистрированных преступлений против собственности составило 1 113 367, в 2019 г. – 1 172 290, в 2020 г. – 1 220 806, в 2021 г. – 1 195 838, в 2022 г. – 1 169 495, в 2023 г. – 1 136 957, в 2024 г. – 1 040 969 преступлений¹. В соответствии с данными статистики, посягательства против собственности, совершенные с применением угрозы, не доминируют в общей структуре указанных преступлений и занимают 13,8 % (прил. 1).

Тем не менее, их количество является значительным, что представляет серьезную общественную опасность. Ситуация крайне усугубляется тревожными тенденциями широкого распространения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. / Отчеты главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.пф/folder/101762> (дата обращения: 12.05.2023).

По данным официальной уголовной статистики, в 2022-2024 гг. в России зарегистрировано в 2022 г. – 522 тыс., в 2023 г. – 677 тыс., в 2024 г. – 765 тыс. данных преступлений, соответственно².

Содержательная взаимосвязь указанных статистических трендов является принципиально важной для настоящего исследования, что объясняется:

- масштабным использованием информационно-телекоммуникационных технологий для совершения преступлений против собственности, в том числе с применением различных видов угрозы;
- широкими возможностями формирования и реализации угрозы различного содержания с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и появлением в этой связи новых видов угрозы как способа совершения преступлений против собственности;
- обретением угрозой новых общественно опасных качеств, иного характера и степени общественной опасности, обусловленных технологическими возможностями использования информационно-телекоммуникационных технологий;
- значительным распространением в криминальной практике современных видов угроз насильственной, имущественной и компрометирующей информацией, наряду с традиционными видами угрозы как способа совершения преступлений против собственности;
- существующими и вновь возникающими проблемными вопросами уголовно-правовой оценки и квалификации рассматриваемых угроз, которые вызываются современными способами их выражения и реализации в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года / Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.пф/reports/item/35396677> (дата обращения: 12.05.2023); Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года / Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.пф/reports/item/47055751> (дата обращения: 12.03.2025); Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года / Отчет главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.пф/reports/item/60248328> (дата обращения: 12.03.2025).

Принимая во внимание вышеизложенное, актуальность избранной темы диссертационного исследования определяется следующим.

Первое. В уголовном законодательстве РФ и доктрине уголовного права не сформирован единый подход к пониманию угрозы как уголовно-правовой категории. Отсутствует единообразное понимание сущностных свойств угрозы как способа совершения преступлений, в том числе преступлений против собственности. Не сфокусировано решение вопроса об отграничении угрозы от смежных уголовно-правовых категорий.

Второе. В условиях стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий назрела необходимость формирования новых научно-обоснованных подходов к определению уголовно-правовой категории «угроза».

Третье. Требуют систематизации и анализа современные криминальные реалии, выражающиеся в появлении новых форм выражения и реализации угрозы как способа совершения преступлений против собственности (так называемое кибер вымогательство, шантажистские хакерские атаки, противоправная деятельность администраторов telegram-каналов, проявления корпоративного шантажа и т.д.). Необходима комплексная уголовно-правовая оценка данных криминальных проявлений.

Четвертое. Требуется провести актуализацию имеющихся и вновь возникающих проблемных вопросов квалификации угрозы как способа совершения преступлений против собственности, причем угрозы как в ее «традиционных исполнениях» (угроза убийством, причинением вреда здоровью, иным насилием, клеветой и т.п.), так и в современных формах выражения, связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

Состояние научной разработанности темы исследования. Вопросы насилия в уголовно-правовой и криминологической науке исследованы достаточно обстоятельно. Одни из первых исследований связаны с именами видных представителей отечественной школы уголовного права:

Н.А. Неклюдова, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого и др. Изучению категорий «насилие», «угроза» посвятили свои труды такие ученые, как Ю.М. Антонян, Р.А. Базаров, Л.Д. Гаухман, О.Р. Рузевич, А.В. Тюменев и др.

К проблемам уголовной ответственности за применение физического насилия в своих научных исследованиях обращались С.Н. Абельцев, А.В. Иванцова, Ф.А. Меликов, Ю.В. Радостева, Р.Д. Сабиров, Р.Д. Шарапов. Ряд авторов свои исследования посвятили непосредственному изучению психического насилия (Е.Н. Бархатова, В.В. Векленко, С.М. Воробьев, Ф.Б. Гребенкин, В.Е. Дворцов, Л.Н. Ключенко, И.В. Лукьянова, Л.В. Сердюк, М.С. Фокин и др.). В научных трудах перечисленных выше авторов рассматриваются вопросы, связанные с физическим либо психическим насилием. Ученые предлагают авторские определения насилия, обосновывают различие между физическим и психическим насилием.

Значительное внимание в доктрине уголовного права уделено отдельным аспектам угрозы (как деянию и как последствию в уголовном праве) либо угрозе как способу совершения преступления в целом. В данном направлении работали Р.А. Левертова, В.И. Симонов, Н.В. Стерехов, А.Д. Чернявский. Соответствующие вопросы были исследованы в советский период, и в силу этого остались без рассмотрения изменения, внесенные в действующее законодательство. В результате вне научного познания оказались вопросы, требующие конкретизации относительно видов угроз, выступающих способом совершения преступлений против собственности.

В диссертационном исследовании проводился критический анализ работ тех ученых, которые занимались изучением физического и психического насилия в контексте принуждения и предлагали различные варианты соотношения насилия, угроз, понуждения, принуждения. Данные положения анализируются в работах С.В. Девятовской, С.В. Шевелевой, А.В. Косарева, В.Г. Зарипова, А.Е. Полякова, Ф.М. Мадлаевой, Е.Г. Луценко, Т.Ю. Орешкиной, Т.Д. Устиновой и др.

На уровне диссертационных исследований вопросы уголовной ответственности за угрозы рассматривались О.И. Коростылевым, Г.Н. Костровым А.А. Крашенниковым, М.А. Овчинниковым, В.П. Петруневым, М.А. Фомичевой, М.В. Хабаровой. Предметом проведенных исследований было рассмотрение отдельных вопросов, связанных с различными угрозами. При этом без должного внимания остались вопросы определения угроз в качестве способа совершения преступления и их содержания.

Отдельные аспекты различного вида угроз освещались в многочисленных публикациях таких исследователей, как О.И. Ганченко, Д.Ю. Жданухин, Ф.Ю. Сафин, Н.В. Стерехов, Т.Р. Тагиев, А.Д. Челябова, А.Д. Чернявский и др.

Несмотря на бесспорную ценность указанных работ в области исследования насилия вообще и отдельных его видов, приходится констатировать, что результаты рассмотрения целого ряда аспектов часто противоречивы, имеются проблемы, требующие осмысления и дальнейшего изучения, а также возникают новые проблемы, связанные с развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

Цель исследования состоит в том, чтобы с учетом имеющихся предпосылок определить основные положения авторского концептуального подхода для дальнейшего изучения уголовно-правовой категории «угроза» как способа совершения преступлений против собственности, а также предложить научно обоснованные подходы к совершенствованию уголовно-правовых средств противодействия данным преступлениям.

Цель исследования предопределила постановку следующих **задач**:

- 1) проанализировать понятие и содержание уголовно-правовой категории «угроза» в нормативном и доктринальном дискурсах;
- 2) предложить оригинальную концептуальную идею для понимания уголовно-правовой категории «угроза» как способа совершения преступлений против собственности;

3) охарактеризовать уголовно-правовое содержание различных видов угрозы как способа совершения преступлений против собственности с учетом современных криминальных реалий;

4) рассмотреть отдельные вопросы квалификации угрозы как способа совершения преступлений против собственности, в том числе обусловленные развитием информационно-телекоммуникационных технологий на современном этапе;

5) сформулировать практические рекомендации по решению вышеуказанных вопросов квалификации.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений против собственности, где угроза выступает способом совершения общественно опасного деяния, в том числе когда данная угроза выражается и реализуется с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Предметом исследования послужили нормы действующего уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности, где способом совершения данных преступлений выступает угроза, а также практика их применения.

Методология и методы исследования. В процессе проведенного исследования для решения поставленных задач использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.), а также специально-юридические методы (системно-правовой, формально-юридический) и иные специальные методы исследования (статистический метод, метод контент-анализа документов и др.). Использование системных методов научного познания позволило рассмотреть объект и предмет исследования комплексно, во взаимодействии с другими явлениями. С помощью формально-юридического метода были проанализированы юридические факты и тексты, проводилось их толкование. Применение метода контент-анализа документов способствовало изучению судебной практики по ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ. На его основе проанализировано, как на практике

разрешается проблема понимания угрозы как способа совершения преступлений при квалификации подобных посягательств. При применении метода экспертных оценок были выявлены мнения сотрудников органов внутренних дел, судей, адвокатов по отдельным вопросам исследования.

Указанные методы позволили выявить содержание основных признаков угрозы в преступлениях против собственности, предложить пути решения проблем квалификации преступлений, сопряженных с угрозой.

Статистический метод применялся для изучения и анализа статистических данных МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве зарегистрированных преступлений, совершенных с применением угрозы, о количественной характеристике осужденных за такие посягательства, о сроках и видах назначенных наказаний, что позволило определить степень эффективности противодействия различного вида угрозам в преступлениях против собственности.

Теоретическую основу исследования составили труды известных отечественных и зарубежных ученых по уголовному праву, криминологии и другим отраслям права, а также психологии, психиатрии, филологии, таких как Ю.М. Антонян, С.Н. Абельцев, Р.А. Базаров, А.Г. Безверхов, Е.В. Благов, А.И. Бойцов, Я.М. Брайнин, Л.Д. Гаухман, В.И. Гладких, Ф.Б. Гребенкин, Н.В. Иванцова, А.Ю. Кизилов, О.И. Коростылева, О.Н. Кравченко, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Мальцев, А.А. Меликсетян, П.А. Осьмина, Л.М. Прокументов, О.Р. Рузевич, В.И. Симонов, Н.В. Стерехов, Т.Р. Тагиев, К.Г. Ушаков, П.А. Фефелов, И.Я. Фойницкий, М.А. Фомичева, А.Д. Челябинова, З.М. Чернявский, Р.Д. Шарапов, А.В. Шеслер и др.

Нормативную правовую основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, федеральных законов РФ и других нормативных правовых актов.

Эмпирическая основа исследования представлена:

- результатами статистического анализа данных ГИАЦ МВД России о совершенных преступлениях против собственности, сопряженных с угрозой;

- данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015-2023 гг. о количестве лиц, осужденных за данный вид преступлений, сроках и видах назначенных наказаний;
- материалами выборочно изученных 346 судебных решений по преступлениям против собственности (ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ), рассмотренных судами различных субъектов Российской Федерации (Приморский край, Ставропольский край, Пермский край, Алтайский край, Новосибирская область, Кемеровская область, Красноярская область, Республика Коми и др.) за 2008–2023 гг.;
- материалами 78 апелляционных определений Верховного Суда Российской Федерации, апелляционных судов общей юрисдикции, названных субъектов Российской Федерации, вынесенных в 2010–2023 гг.;
- данными проведенного в период с марта 2018 г. по январь 2022 г. опроса 171 эксперта (из них 32 — судьи районных судов, 57 — сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, 82 — адвокаты).

Объем проанализированных эмпирических данных позволил обеспечить репрезентативность проведенного диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в работе сформулированы основные положения авторского концептуального подхода для дальнейшего изучения уголовно-правовой категории «угроза» как способа совершения преступлений против собственности. Положения данного подхода определены в диссертации как концепция «чувствительной» информации.

Основные преимущества предлагаемой концепции:

- а) подход адекватно отражает современные криминальные реалии информационного общества;
- б) концепция перспективна для преодоления сохраняющихся в науке уголовного права трудностей объяснения сущности угрозы как способа совершения преступлений, в том числе преступлений против собственности;

в) концепт «чувствительной» информации может рассматриваться как интегративная сущностная характеристика угрозы как способа совершения данных преступлений;

г) подход позволяет выделить полный спектр актуальных криминально-релевантных угроз, включая те, которые формируются с использованием информации ограниченного доступа, а также любой общедоступной информации.

Предлагаемая концепция позволила охарактеризовать особенности угроз при совершении преступлений против собственности, а также сформулировать рекомендации по решению вопросов квалификации данных преступлений.

Научная новизна нашла свое отражение в следующих основных положениях, выносимых на защиту:

1. Феномен уголовно-правовой категории «угроза» требует новых концептуальных подходов для дальнейшего изучения, что обусловливается рядом объективных предпосылок:

а) диссонансом в уголовно-правовом понимании категории «угроза» в нормативном и доктринальном дискурсах;

б) уголовно-правовыми рисками цифровизации общественных отношений;

в) обретением угрозой в ее современных цифровых формах нового качества и более высокой степени общественной опасности;

г) широким распространением новых видов угрозы в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий и др.

2. Качество угрозы при совершении преступлений против собственности может приобрести любая информация, «чувствительная» для ее владельца.

3. «Чувствительная» информация – это информация негативного, социально-нейтрального либо, в ряде случаев, социально-положительного характера, которая в зависимости от контекста ее передачи адресату и его субъективного восприятия данной информации при ее распространении и других противоправных действиях с ней представляет угрозу правам и

законным интересам адресата, его близких либо иных лиц, а также способна причинить указанным лицам моральный вред и (или) имущественный ущерб.

4. Актуальными видами угрозы как способа совершения преступлений против собственности являются:

а) в аспекте информации насильственного характера – угроза, выражающаяся в разнообразном девиантном онлайн-поведении (кибербуллинг, кибертроллинг, преследование спам-сообщениями, выражение онлайн-остракизма в отношении потерпевшего и других подобные психотравмирующие деяния), а также угроза насильственной информацией в условиях иммерсивной реальности;

б) в аспекте информации имущественного характера – угроза, состоящая в незаконном владении «чувствительной» информацией, а также угроза широкого спектра противоправных действий с «чувствительной» информацией (незаконное копирование, модификация, декомпиляция и т.д.), угроза кибер вандализма;

в) в аспекте информации компрометирующего характера – угрозы, проявляющиеся в недобросовестных практиках интернет-блогерства, оказании псевдо услуг по рафинированию медийного имиджа публичных персон, а также корпоративном шантаже.

5. В свете концепта «чувствительной» информации угроза как способ совершения преступлений против собственности имеет следующие особенности:

а) общественная опасность современных угроз информацией насильственного характера во многом связана с целенаправленным использованием преступниками определенного информационного фона (контекста) для оказания большего устрашающего воздействия (например, использование информации о чрезвычайных происшествиях, террористических актах, вооруженных нападениях, эпидемиях, эпизоотиях, массовых панических настроениях, а также различной социально значимой дезинформации);

б) угрозой информацией имущественного характера может выступать сам факт утраты лицом контроля за владением и сохранностью «чувствительной» информацией, незаконное обладание ею посторонним;

в) уголовно-правовая характеристика компрометирующей информации находится за пределами дискредитации, и «чувствительная» информация может быть связана с любыми фактами жизни конкретного человека (местом жительства, привычками, кругом знакомств, родословной, особенностями карьеры, деловыми контактами, имиджем и пр.);

г) современные виды имущественных и компрометирующих угроз мимикрируют под гражданско-правовые отношения.

6. На основе концепции «чувствительной» информации предложены рекомендации по решению отдельных вопросов уголовно-правовой квалификации угрозы как способа совершения преступлений против собственности:

а) при определении характера и интенсивности угрозы неопределенной (неявной) информацией необходимо учитывать информационный фон (контекст) выражения такой угрозы;

б) при уголовно-правовой квалификации комбинированной угрозы (сочетающей в себе угрозу применения насилия и применение насилия как такового), не исключаются ситуации, когда данная угроза не может поглощаться признаком применения насилия;

в) вымогательская угроза распространением определенных сведений является концептом длящегося преступления;

г) псевдо услуги по рафинированию медийного имиджа публичных персон не носят гражданско-правовой характер, являются вымогательством;

д) квалификация угрозы компрометирующей информацией высказанных суждений возможна как в случае утверждения факта, так и при выражении личного мнения;

е) угроза компрометирующей информацией при корпоративном шантаже является вымогательской угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред и не поглощается угрозой деловой репутации.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что практические рекомендации, полученные в результате проведенного исследования, могут быть использованы в развитии уголовного законодательства в сфере регламентации уголовной ответственности за применение угрозы как способа совершения преступления против собственности. Выявлены проблемы в области совершенствования понятийного аппарата уголовно-правовой науки и определены направления для дальнейшего научного поиска по совершенствованию уголовно-правовых норм и недопущению ошибок при квалификации данных деяний.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что выводы и предложения, изложенные в диссертации, могут быть использованы в качестве рекомендаций в законотворческой деятельности в части регламентации уголовной ответственности за угрозу, выступающую способом совершения преступлений против собственности; в правоприменительной деятельности при решении вопросов квалификации преступлений; в научных исследованиях по проблемам уголовного права; в образовательном процессе в юридических и иных учебных учреждениях при преподавании курсов уголовного права, теории квалификации преступлений, а также на курсах повышения квалификации практических работников.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена методологической обоснованностью, анализом нормативных правовых актов Российской Федерации, трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных исследуемой проблеме; толкованием уголовно-правовых норм, содержащихся в гл. 21 УК РФ, предусматривающих в качестве способа совершения преступления угрозу; результатами анализа опубликованных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики,

ГИАЦ МВД России; результатами проведенного экспертного опроса по вопросам, относящимся к теме исследования.

Апробация результатов исследования. Сформулированные в диссертационном исследовании основные положения, выводы и рекомендации апробированы в выступлениях на международных, всероссийских и межвузовских научно-практических конференциях: «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (г. Томск, 26–28 января 2017 г.), «Актуальные проблемы юриспруденции в современном мире», (г. Йошкар-Ола, 12–13 апреля 2017 г.), «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики» (г. Красноярск, 20–21 апреля 2017 г., 04–05 апреля 2024 г.), «Уголовная политика и перспективы развития уголовного права, процесса и криминалистики» (г. Красноярск, 22–23 мая 2017 г.), «Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы» (г. Курск, 1 апреля 2018 г.), «Состояние и перспективы инновационного развития стран Евразийского экономического союза: курс на конкурентоспособность», (г. Новосибирск, 20–22 марта 2019 г.), «Междисциплинарная интеграция как двигатель научного прогресса» (г. Новосибирск, 5 июня 2020 г.), «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы» (г. Новосибирск, г. Новокузнецк, 26 мая 2022 г.), «Наука и образование — важнейший фактор развития общества в современных условиях» (Республика Казахстан, г. Караганда, 23 апреля 2021 г., 14 апреля 2023 г.).

Теоретические положения диссертационной работы внедрены в учебный процесс Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск) и используются при проведении лекций и семинарских занятий. Основные теоретические выводы по итогам диссертационного исследования отражены в 29 публикациях, 7 из которых — в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных положений диссертационных исследований.

Статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых ВАК РФ:

1. *Шмыгина О.В.* Общественная опасность психического насилия // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3 (44). С. 139–141 (0,43 п.л.).
2. *Шмыгина О.В.* Дифференциация насильственной угрозы в преступлениях против собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 195–200 (0,43 п.л.).
3. *Шмыгина О.В.* К вопросу о сведениях, позорящих потерпевшего или его близких при шантаже // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 217–219 (0,37 п.л.).
4. *Шмыгина О.В.* К вопросу об объективной стороне вымогательства // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 313–314 (0,25 п.л.).
5. *Шмыгина О.В.* Вопросы разграничения смежных составов преступлений против собственности, сопряженных с угрозой // Власть закона. 2023. № 4. С. 354-363 (0,6 п.л.) (входит в перечень изданий, утвержденный ученым советом РАНХиГС).
6. *Боровских Р.Н., Шмыгина О.В.* Квалификация угроз уничтожения или повреждения чужого имущества при совершении преступлений против собственности // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № . С. 74-79. (0,8 п.л.).
7. *Боровских Р.Н., Шмыгина О.В.* Угроза как уголовно-правовая категория // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 1. С. 64-70 (0,9 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных журналах и сборниках научных конференций:

1. *Шмыгина О.В.* Особенности криминологического анализа личности насильственного преступника // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Новосибирск, 2015. № 3 (21). С. 156–158 (0,25 п.л.).
2. *Шмыгина О.В.* Личность насильственного преступника как объект криминологического исследования // Дни науки-2016: сб. тр. VII Всерос. науч.-

практ. конф. с междунар. участием, посвященной 60-летию Сиб. ун-та потреб. кооперации. Новосибирск, 2016. С. 200–202 (0,2 п.л.).

3. *Шмыгина О.В.* Особенности толкования понятия «насилие» // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2016. № 3-4 (18). С. 103–106 (0,3 п.л.).

4. *Шмыгина О.В.* Признаки насильственной угрозы как способа совершения преступлений против собственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат. XX Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч.; Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск, 2017. С. 111–113 (0,25 п.л.).

5. *Шмыгина О.В.* Анализ тяжкой насильственной преступности в Сибирском федеральном округе и Дальнем Востоке // Дни науки-2017: сб. тр. VIII Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 3 ч. Новосибирск, 2017. С. 221–226 (0,3 п.л.).

6. *Шмыгина О.В.* Угроза как способ совершения преступлений против собственности // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. по итогам Всеросс. науч.-практ. конф. Томск, 2017. С. 21–23 (0,2 п.л.).

7. *Шмыгина О.В.* Формы выражения угрозы как способа совершения преступлений // Актуальные проблемы юриспруденции в современном мире: сб. ст. по мат. VII Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. Н.М. Швецова, Н.В. Иванцовой. Йошкар-Ола, 2017. С. 281–284 (0,25 п.л.).

8. *Шмыгина О.В.* Теоретические аспекты понятий «принуждение» и «понуждение» // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2018. № 3 (25). С. 84–86 (0,25 п.л.).

9. *Шмыгина О.В.* История развития уголовного законодательства об ответственности за угрозу в преступлениях против собственности // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. / редкол.: А.А. Гребеньков и др. Курск, 2018. С. 103–107 (0,37 п.л.)

10. *Шмыгина О.В.* Угроза как способ совершения преступлений против собственности в зарубежном законодательстве // Дни науки-2018: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. С. 356–361 (0,37 п.л.).

11. *Шмыгина О.В.* Уголовно-правовое значение угрозы как способа совершения преступлений против собственности // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 140-летию Томского гос. ун-та и 120-летию юрид. образования в Сибири / ред. О.И. Андреева и др. Томск, 2018. С. 35–36 (0,13 п.л.).

12. *Шмыгина О.В.* Классификация угрозы в зависимости от предмета посягательства // Проблемы развития современного общества: сб. науч. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 406–409 (0,25 п.л.).

13. *Шмыгина О.В.* Психический вред как преступное последствие // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: мат. Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. Кишинев, 2019. С. 149–153 (0,31 п.л.).

14. *Шмыгина О.В.* Имущественная угроза как способ совершения преступления против собственности // Состояние и перспективы инновационного развития стран Евразийского экономического союза: курс на конкурентоспособность: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Междунар. науч. форума «Дни науки-2019». Новосибирск, 2019. С. 529–534 (0,31 п.л.).

15. *Шмыгина О.В.* Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), совершенного с применением насилия или угрозы насилием // Современные проблемы государства и права: сб. мат. II Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участием (12 декабря 2019 г.) / под общ. ред. Р.А. Прощалыгина; АНОО ВО Центросоюза РФ «СибУПК». Новосибирск, 2019. С. 430–433 (0,3 п.л.).

16. *Шмыгина О.В.* Применение гипноза при совершении преступлений против собственности // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2020. № 3 (33). С. 65–68 (0,3 п.л.).
17. *Шмыгина О.В.* Шантаж в вымогательстве // Междисциплинарная интеграция как двигатель научного прогресса: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2020. С. 356–359 (0,2 п.л.).
18. *Шмыгина О.В.* Признак реальности в угрозе как способе совершения преступлений // Современные проблемы государства и права: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК) / под ред. Р.А. Прощалыгина. Новосибирск, 2020. С. 282–285 (0,2 п.л.).
19. *Шмыгина О.В.* К вопросу об объективной стороне вымогательства по уголовному законодательству Российской Федерации // Наука и образование — важнейший фактор развития общества в современных условиях: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Караганда, 23 апреля 2021 г.) / Центрально-Казахстанская академия. Караганда: Кент-LTD; Досжан, 2021. С. 154–156 (0,3 п.л.).
20. *Шмыгина О.В.* К вопросу об объекте вымогательства // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск-Новокузнецк, 2022. С. 254–256 (0,2 п.л.).
21. *Шмыгина О.В.* Анализ судебной практики по делам, связанным с шантажом и вымогательством // Наука и образование - важнейший фактор развития общества в современных условиях: сб. мат. X Междунар. науч.-практ. конф.; Министерство образования и науки Республики Казахстан; Центрально-казахстанская академия. Караганда, 2023. С. 105-106 (0,3 п.л.).
22. *Шмыгина О.В.* Криминологический портрет насильственного преступника // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. кн. мат-лов XXVII междунар. науч.-практ. конф. В 2-х частях. Красноярск, 2024. С. 59-61 (0,3 п.л.).

Структура диссертации обусловлена объектом, предметом, а также целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для диссертационных исследований.

ГЛАВА 1. НОРМАТИВНЫЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

§ 1.1. Угроза как уголовно-правовая категория

Угроза как уголовно-правовая категория широко используется при формулировании положений уголовного законодательства РФ, как в рамках Общей, так и Особенной частей УК РФ, в различных смысловых значениях.

В нормах Общей части УК РФ термин «угроза» упоминается восемь раз³:

а) при формулировании в статье 14 УК РФ понятия «преступление» («...под **угрозой** наказания») он символизирует собой неблагоприятные правовые последствия совершенного общественно опасного деяния;

б) при перечислении в ст. 33 УК РФ разных форм подстрекательства он указывает на способ воздействия на склоняемое к преступлению лицо («...путем **угрозы**»);

в) при определении в ст. 37 УК РФ понятия необходимой обороны, угроза выступает формой проявления насильственного посягательства («...сопряжено ...с непосредственной **угрозой** применения такого насилия»);

г) при характеристике в ст. 39 УК РФ крайней необходимости, угроза являет собой уголовно-релевантное содержание сложившейся опасной обстановки («...устранения опасности, непосредственно **угрожающей**...»);

д) при разъяснении в ст. 41 УК РФ того, когда риск не признается обоснованным, рассматриваемый термин обозначает возможные и недопустимые общественно опасные последствия деяния («...если он заведомо

³ Здесь и далее уголовное законодательство РФ приводится по состоянию на 23.02.2024 г.

был сопряжен с *угрозой* для жизни многих людей, с *угрозой* экологической катастрофы или общественного бедствия»).

Таким образом, термин «угроза» в нормах Общей части УК РФ используется законодателем, как минимум, в четырех смысловых значениях: как уголовно-правовое последствие, как способ воздействия на человека, как форма насильственного посягательства, как характеристика обстановки.

Примечательно, что во всех вышеприведенных значениях угрозу следует рассматривать в контексте информации:

— применительно к понятию преступления угроза звучит как предупреждение, информирование об уголовно-правовых последствиях совершения лицом преступного деяния;

— относительно склонения при подстрекательстве угроза также представляет собой информирование склоняемого к преступлению лица о неблагоприятных последствиях его отказа участвовать в преступлении;

— при формулировании положений о необходимой обороне угроза являет характеристику общественно опасного посягательства с точки зрения его информационного содержания;

— в последних двух случаях (при крайней необходимости и обоснованном риске) угроза выступает информационной характеристикой обстановки.

В нормах Особенной части УК РФ ситуация более разнообразная.

1. Тридцать четыре состава преступлений содержат указание на угрозу как на конститутивный признак объективной стороны (ч. 1 ст. 110, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 120, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 133, ст. 149, ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151², ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 172⁴, ч. 1 ст. 179, ч. 1 ст. 183, ч. 1 ст. 205, ст. 207¹, п. «а» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 227, ч. 1 ст. 236, ч. 1 ст. 247, ч. 1 ст. 267, ст. 267¹, ч. 1 ст. 274², ч. 2 ст. 274², ч. 1 ст. 283¹, ч. 1 ст. 296, ч. 2 ст. 296, ч. 1 ст. 302, ч. 1 ст. 318, ч. 1 ст. 321, ч. 1 ст. 333, ч. 1 ст. 360, ч. 1 ст. 361 УК РФ).

В данных составах уголовно-правовой «статус» угрозы различен:

а) угроза – само общественно опасное деяние (например, «угроза убийством», «действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств», «угроза применения насилия в отношении представителя власти», «угроза нападения» и др.);

б) угроза – характеристика предмета преступления («...распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»);

в) угроза – способ совершения преступления (например, «путем угроз», «с угрозой применения насилия», «путем угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества» и т.п.);

г) угроза – признак обстановки совершения преступления (например, «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений» и др.).

2. В 47 составах преступлений угроза указывается законодателем как квалифицирующий признак (п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «е» ч. 2 ст. 127¹, п. «г» ч. 2 ст. 127², п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132, ч. 2 ст. 139, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 3 ст. 144, п. «б» ч. 4 ст. 148, ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151, п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 166, ч. 4 ст. 166, ч. 3 ст. 170¹, п. «б» ч. 2 ст. 178, ч. 3 ст. 178, ч. 2 ст. 185⁵, ч. 2 ст. 203, п. «в» ч. 2 ст. 211, п. «б» ч. 2 ст. 215⁴, п. «г» ч. 2 ст. 221, п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «г» ч. 3 ст. 226, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «г» ч. 2 ст. 229, п. «в» ч. 3 ст. 229, п. «г» ч. 2 ст. 230, п. «в» ч. 2 ст. 230¹, п. «а» ч. 2 ст. 240, п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 2 ст. 243⁴, п. «в» ч. 2 ст. 244, ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274, п. «а» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 283², п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 2 ст. 309, ч. 3 ст. 313, ч. 3 ст. 322, ч. 2 ст. 330, ч. 2 ст. 356¹, п. «в» ч. 3 ст. 356¹, п. «в» ч. 4 ст. 356¹ УК РФ). Здесь чаще всего указывается угроза применения насилия, но встречаются и другие виды угроз (например, «...сопряженное с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну» и др.).

Следует также отметить, что законодатель часто использует синонимичные угрозе либо сходные с ней по содержанию термины: принуждение, понуждение, склонение, устрашение, воздействие и др. Это

означает, что фактическое использование законодателем категории «угроза» при формулировании норм уголовного закона оказывается значительно шире числа случаев, когда термин «угроза» непосредственно употребляется в лексиконе уголовно-правовых норм.

Анализ указанных выше нормативных положений показывает, что категория «угроза», используемая законодателем прямо или опосредованно (путем употребления иных сходных терминов), в качестве того или иного конститутивного либо квалифицирующего признака, может быть интерпретирована как определенная уголовно-релевантная информация.

Содержание уголовно-релевантных угроз отличается многообразием. Так, можно выделить:

- угрозу «широкого спектра противоправных деяний» (законодатель не раскрывает содержание угрозы, подразумевая угрозу совершения любых противозаконных деяний в отношении потерпевшего или иных лиц);
- угрозу насилием, в том числе угрозу убийством, угрозу причинения тяжкого и иного вреда здоровью человека;
- угрозу уничтожением, повреждением или изъятием имущества;
- угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких;
- угрозу распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких;
- угрозу распространения сведений, составляющих государственную тайну;
- угрозу наступления тяжких последствий;
- угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде;
- угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан;

- угрозу уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц;
- угрозу безопасной эксплуатации транспортных средств;
- угрозу устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории РФ информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи;
- угрозу нападения;
- угрозу взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан.

Это то, что касается всего содержания Уголовного кодекса РФ. Теперь обратимся к термину «угроза», используемому применительно к составам преступлений против собственности. Здесь возможно несколько подходов.

Первый подход. В широком понимании угрозу как признак преступлений против собственности следует изучать не только на примере уголовно наказуемых деяний, предусмотренных гл. 21 УК РФ, но на основе всех тех преступлений, где объектом посягательства выступают отношения собственности. По нашим расчетам таких преступлений в Особенной части УК РФ 19: ч. 1 ст. 133, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151², ч. 1 ст. 172⁴, ч. 2 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 1 ст. 183, ч. 2 ст. 185⁵, ч. 2 ст. 215⁴, ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 236, ч. 1 ст. 267, ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274, ч. 1 ст. 296, ч. 1 ст. 302, ч. 2 ст. 309 УК РФ).

Второй подход. В узком смысле угроза рассматривается как способ совершения преступлений, предусмотренных только гл. 21 УК РФ. Здесь об угрозе законодатель говорит, раскрывая признаки грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ), вымогательства (ч. 1 ст. 163 УК РФ), угона (ч. 2, 4 ст. 166 УК РФ). Косвенно угроза как признак преступления подразумевается в ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность» (когда, например, формой данного хищения выступает разбой).

Важно отметить, что приведенные выше подходы различны не только по объему охватываемых ими нормативных положений УК РФ, они также отличаются в содержательном аспекте.

Так, угроза как признак составов преступлений против собственности, понимаемых в узком значении (ст. 161-163, 166 УК РФ), характеризует способ совершения данных преступлений:

— в составах насильственного грабежа, разбоя и угона законодатель фиксирует угрозу как способ совершения преступления словами: «с *угрозой* применения такого насилия»;

— в составе вымогательства угроза также являет собой способ совершения преступления и определяется посредством формулы «*под угрозой* применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно *под угрозой* распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких»).

Угроза как признак составов преступлений против собственности в широком понимании (см. выше: 19 составов, где отношения собственности выступают дополнительным непосредственным объектом) - тоже, как правило, употребляется законодателем как способ совершения преступления (как правило, «*под угрозой* применения насилия»). Но есть и иные примеры, когда:

— угроза выступает информационной характеристикой обстановки совершенного преступления (в ч. 1 ст. 267 УК РФ указывается на разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние транспортного средства, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, а равно умышленное блокирование транспортных коммуникаций, объектов транспортной инфраструктуры либо воспрепятствование движению транспортных средств и пешеходов на путях сообщения, улично-дорожной сети, если эти деяния создали... «*угрозу уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц*»);

— угроза олицетворяет собой информационную характеристику предмета и (или) общественно опасных последствий преступного посягательства (в п. «в» ч. 4 ст. 215⁴ УК РФ предусматривается деяние, сопряженное с умышленным созданием *«угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну»*).

В связи с установленными ограничениями объема данного исследования полагаем возможным принять для исследования узкий подход к изучению уголовно-правовой категории «угроза» в качестве способа совершения преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ).

Рассмотренные нами положения позволяют сформулировать исходную гипотезу диссертационного исследования: угрозу как способ совершения преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ) надлежит рассматривать в контексте противоправного информационного воздействия.

Обратимся к исследованию уголовно-правовой категории «угроза» в доктринальном дискурсе. Изучение специальной юридической литературы показывает, что категория «угроза» в самом широком смысле может пониматься по-разному: как запугивание, принуждение, обещание применить физическое насилие, возбуждение у человека чувства тревоги, психическое воздействие и т.д.⁴.

Так, суть угрозы И.Я. Фойницкий определяет в «воздействии на психическую сторону угрожаемого, в возбуждении в нем страха и в принуждении его к действию или бездействию»⁵.

Л.Д. Гаухман также рассматривает угрозу как «воздействие на психическую сферу организма человека путем запугивания его применением

⁴ См. напр.: Симонов В.И., Шумихин В.Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация насильственных посягательств на собственность: учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 44; Сухарев А.Я. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 187; Социально-правовые проблемы борьбы с насилием: межвуз. сб. науч. тр. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. С. 146; Безверхов, А.Г., Норвартян Ю.С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 4. С. 522-534.

⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 85.

физического насилия»⁶. Сущностным признаком угрозы является причинение психической травмы потерпевшему⁷.

Действительно, любая угроза, доведенная до сведения человека, заключается в воздействии на его психику посредством информирования его о готовности совершить немедленно или в будущем определенных действий и возбуждении у потерпевшего тем самым чувства страха, безысходности, тревоги, дискомфорта, зависимости и т.п., чем потерпевший понуждается к совершению определенных действий (бездействию) либо отказу от их совершения (прил. 5, 6, 7)⁸. Угроза – есть целенаправленное воздействие на психику человека определенной информацией.

В современном обществе информационное воздействие приобретает всеобъемлющее значение, и с углублением процессов информатизации изменяется также социальная опасность различного вида информационных угроз. Причем воздействие также может осуществляться на информационную систему, тем самым формируя информационные угрозы⁹.

Некоторые специалисты в этой связи говорят о феномене информационного насилия, т.е. о «форме социального насилия, где информационная составляющая в результате инверсии приобретает самостоятельную сущность на основе силовых, вещественных и

⁶ Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юрид. лит., 1974. С. 3.

⁷ См.: Данелян Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 8; Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Учеб. пособие. Волгоград, 1981. С. 15.

⁸ Здесь нелишними видятся результаты проведенного нами анкетирования, где респондентами выступили 171 человек (из них 32 судьи районных судов, 57 сотрудников органов внутренних дел, 82 адвоката). На вопрос о том, что следует понимать под угрозой, ответы данных респондентов распределились следующим образом:

а) ответы респондентов из числа судей: любое давление на психику человека (46,88 %); применение различного вида угроз (21,88 %); запугивание потерпевшего (12,15 %); принуждение лица (6,25 %); понуждение (6,25 %); гипноз (3,13 %); доставление психических страданий (3,13 %);

б) ответы респондентов из числа сотрудников органов внутренних дел: любое давление на психику человека (47,37 %), принуждение (7,02 %); различного рода угрозы (17,55 %); запугивание (10,53 %); понуждение и иное доставление психических страданий (5,27 %) и гипноз (7,02 %);

в) ответы респондентов из числа адвокатов: любое давление на психику человека (75,61%).

⁹ См.: Шпак А.А. Современные угрозы информационной безопасности // Современное право. 2024. № 1. С. 106.

энергетических процессов»¹⁰. Информация, представленная в таком качестве для восприятия человеком, может негативно влиять на его психологическое состояние, может причинять прямой вред или быть опасной для жизни¹¹, т.е. фактически имеет качество угрозы.

Некоторые исследователи считают, что так называемое информационное насилие сегодня имеет характер массового явления, так как оно «проникло во все сферы общественной жизни людей – экономику, политику, культуру, преследуя одну единственную цель – удовлетворить корыстные интересы сильных мира сего»¹². Но несмотря на сложившуюся ситуацию, такое информационное насилие носит характер скрытого воздействия на человека, тем самым определяя сложности противодействия ему¹³.

Как отмечают специалисты, «информационное воздействие представляет собой внешнее побуждение к действию, заставляющее или вынуждающее человека активизировать действия определенным образом, и, тем самым, является побудительным стимулом»¹⁴.

Исследования информационного воздействия в контексте угроз рассматривают, как правило, механизм воздействия в отношении массового сознания и общества в целом¹⁵. Средствами, которыми пользуются для информационного воздействия, выступают угрозы основным традиционным ценностям, угроза финансовой безопасности, пропаганда, фейки

¹⁰ Борщов Н.А. Социально-философские проблемы информационного насилия: Автореф. дис ... канд. филос. наук. Саратов, 2004. С. 12.

¹¹ Борщов Н.А. Информационное насилие в современном обществе // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. № 1 (45). С. 282–290.

¹² Кузина С.И. Информационное насилие: подход к постановке вопроса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3 (131). С. 23.

¹³ Кузина С.И., Мякинченко Д.А. Информационное насилие: аспекты национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 208.

¹⁴ Горелкин А.В., Яницкий М.С. Проблема негативного информационного воздействия в Интернет-среде и основные направления обеспечения информационной безопасности молодежи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (43). С. 212.

¹⁵ См.: Горелкин А.В., Яницкий М.С. Указ. соч. С. 210-214; Крупин С.М. Информационная безопасность войск и защита личного состава от негативного информационного воздействия // Новые информационные технологии в нефтегазовой отрасли и образовании: мат-лы VI Всерос. науч.-техн. конф. с междунар. участием, Тюмень, 10–11 нояб. 2015 г. / под ред. О.Н. Кузякова. Тюмень, 2015. С. 135-138.

(дезинформация), использование эмоций, формирование убеждений и создание определенного образа восприятия событий, сокрытие информации и др.¹⁶. Очевидно, что в отношении отдельной личности данные средства могут носить как скрытый характер, так и явно проявляться при совершении общественно опасных деяний. Сама информация и смысл, который вкладывает в неё носитель, могут представлять угрозу для того, кому она предназначена. В современных реалиях информация может быть способом психических преследований и длительных разрушительных психологических воздействий на личность, которые до сих пор остаются вне оценки уголовного закона¹⁷.

С учетом сказанного в рамках настоящего исследования считаем необходимым реализовать широкий подход к пониманию того, что есть угроза как способ совершения преступлений против собственности. В рамках идеи о том, что угроза есть информационное воздействие, исходим из того, что определенная информация может объективно иметь качество угрозы либо приобретать его под воздействием злоумышленника.

В продолжение темы следует также обратиться к вопросу о разграничении категории «угроза» и смежных категорий.

Как показывает анализ научной литературы, в настоящее время в уголовно-правовой науке отсутствует четкое понимания о соотношении и разграничении категории «угроза» и смежных уголовно-правовых категорий: насилие, психическое насилие, принуждение, понуждение и др. Прежде всего, это касается категорий «угроза» и «насилие».

Существующие в уголовно-правовой литературе точки зрения относительно того, что являет собой насилие, могут быть консолидированы в

¹⁶ См.: Попова О.А. Распространение негативного информационного контента (фейков) как детерминанта роста криминального поведения личности в информационном обществе // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): Сб. мат-лов III Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 марта 2023 г. М., 2023. С. 537; Крупин С. М. Указ. соч. С. 137; Кузина С.И. Указ. соч. С. 25; Лебедев И.М., Шныренков Е.А. Негативное информационное воздействие на военнослужащих. Психологические способы противодействия // Человеческий капитал. 2024. № 4 (184). С. 141.

¹⁷ См. подробнее: Радченко К.Н. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки психического насилия // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2 (36). С. 68-76.

несколько групп мнений. Так, одна группа авторов под насилием понимает «не переходящее в иное преступное деяние умышленное применение физической силы против личности потерпевшего, т.е. всякое существенное посягательство на телесную неприкосновенность личности»¹⁸. Другие авторы в содержание понятия насилия включают «умышленное применение физической силы к другому человеку, направленное на нарушение его телесной неприкосновенности, на причинение вреда здоровью или жизни (физическое насилие) либо выражение угроз этому лицу (психическое насилие)»¹⁹. Третья группа авторов к насилию относит действия, которые совершаются вопреки воле, при отрицании воли, а отсутствие воли является основой для принуждения²⁰, т.е. содержание термина «насилие» определяется через категорию «принуждение».

В рамках каждого из указанных укрупненных подходов имеется рациональное зерно и заслуживающие внимания аргументы. При этом, на наш взгляд, отдать безусловное предпочтение какому-либо их данных подходов невозможно. Здесь лишь отметим, что нам импонирует позиция авторов, которые разделяют насилие на физическое и психическое. Но укажем, что отождествление понятий «психическое насилие» и «угроза», по нашему мнению, является далеко не очевидным.

Так, А.Ю. Кизилев правильно формулирует проблему соотношения рассматриваемых понятий, говоря о том, что авторы, которые интерпретируют «видовое понятие (угроза) через родовое (психическое насилие), являющееся более широким по объему, не соблюдают законы логики, так как при

¹⁸ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 88; Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / под ред. проф. И.С. Ноя. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 22.

¹⁹ Шпаковский С.Н. Насилие как уголовно-правовая категория // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием: межвуз. сб. науч. тр. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. С. 34–35.

²⁰ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 20; Насильственная преступность: новые угрозы: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко. Рязань; М.: Академия права и управления Минюста России, Ин-т гуманитарного образования, 2004. С. 37.

построении определения часть не может вводиться ранее целого»²¹. Соглашаясь с А.Ю. Кизиловым с тем, что уголовно-правовые категории «психическое насилие» и «угроза» не совпадают, от себя добавим, что их также не следует рассматривать в соотношении общего и частного.

Обратимся далее к понятию психического насилия. Многими авторами психическое насилие определяется как «угроза применения только физического насилия»²². Отмечается, что психическое насилие «представляет собой страдание лица применения к нему физической силы для достижения определенной цели»²³; оно есть «обещание применить физическое насилие с целью принуждения лица к определенным действиям либо воздержаться от этих действий»²⁴. Выразим согласие с мнением специалистов, что данные суждения в той части, в которой они сводят понимание угрозы к угрозе физического насилия, следует рассматривать с критической точки зрения.

Так, Р.А. Базаров психическое насилие объясняет через угрозу применения насилия и иные угрозы: «угроза применения насилия состоит в словесном и жестовом устрашении при помощи демонстрации оружия, предметов, используемых в качестве оружия, или иного способа применения физической силы к потерпевшему»²⁵. Под иными угрозами автор понимает любые из перечисленных способов запугивания, которые используются при угрозе применения насилия в отношении потерпевшего или его близких,

²¹ Кизилов А.Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С. 65.

²² Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 3.

²³ Симонов В.И., Шумихин В.Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация посягательства на собственность: Учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 45.

²⁴ Изосимов С.В., Овчинников М.А. Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью: Учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятск. акад. гос. службы, 2006. С. 42–43.

²⁵ Базаров Р.А. Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. Екатеринбург, 1995. С. 32–33.

истребления их имущества²⁶. Очевидно, что к иным угрозам можно отнести и угрозы распространения сведений, которые носят личный характер²⁷.

Р.А. Левертова также рассматривает психическое насилие как «угрозу применения физического насилия, угрозу морального и имущественного вреда, лишения каких-либо благ, ограничения в волеизъявлении»²⁸.

А.Д. Чернявский предлагает «в качестве психического насилия рассматривать общественно опасное, принудительное, прямое или опосредованное воздействие на человека или группы людей, выраженное в угрозе причинить какие-либо лишения физического, морального, материального или иного свойства»²⁹.

Отождествляет угрозу с психическим насилием и А.Б. Кирюхин: «...Это внешнее воздействие одного человека на сознание и волю другого, осуществляемое информационным и иным путем... с целью причинения психической травмы (преступная угроза)»³⁰.

Процитированные нами авторы правы в том, что психическое насилие не сводится исключительно к угрозе применения физического насилия, поскольку очевидно, что содержание угроз может быть много более разнообразным. Однако приведенные мнения, на наш взгляд, отражают точку зрения о том, что любая угроза есть лишь форма внешнего проявления психического насилия. По сути, угрозе в таком понимании отводится лишь роль формы, лишенной самостоятельных уголовно-значимых качеств, что видится спорным.

Есть и иной взгляд на рассматриваемую проблему. Под угрозой С.В. Пархоменко и А.А. Радченко понимают противоправное, общественно

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Джемелинский, В.А., Лукин В.К. Предъявление имущественного требования и психическое насилие (угроза) как основные составляющие объективной стороны вымогательства // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2017. № 3 (75). С. 25-28.

²⁸ Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. С. 13–19.

²⁹ Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1991. С. 11.

³⁰ Кирюхин А.Б. Сущность психического насилия // Закон и право. 2009. № 2. С. 52.

опасное информационное воздействие на потерпевшего³¹. Угроза, нарушающая личную неприкосновенность гражданина и способная причинить ему психическую травму и иные отрицательные последствия, в виде информационного воздействия является основой понимания М.А. Фомичевой³².

Ф.Б. Гребенкин рассуждает несколько иначе, говоря о том, что под психическим насилием нужно понимать любое информационное воздействие на психическую деятельность человека разнообразными способами, которые могут вызвать у него разнообразные эмоции, такие как гипнотическое состояние, состояние страха или угнетение его воли, что способно ограничить способность к свободному самовыражению³³.

В вышеуказанных суждениях, конечно, есть оригинальность и здравый смысл, но они, к сожалению, не отражают соотношение и различие категорий «психическое насилие» и «угроза». Однако то, что данные категории не совпадают по содержанию, является очевидным. Психическое насилие, согласимся, представляет собой угрозу физического насилия (убийства, умышленного причинения вреда здоровью, побоев и т.д.). Иные по содержанию виды угрозы, носящие ненасильственный характер, нельзя относить к проявлениям психического насилия.

Далее обратимся к проблеме соотношения понятий «принуждение», «понууждение» и «угроза» (все используются в уголовном законодательстве).

Так, одни авторы отмечают, что «данные понятия различаются только в степени насильственного воздействия на психику человека: при понуждении допускается определенное проявление воли потерпевшего, а при принуждении воля потерпевшего, как правило, игнорируется, и возможности выбора

³¹ См.: Пархоменко С.В., Радченко А.А. Угроза как способ преступного воздействия на личность в процессе доказывания в российском судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3. С. 6.

³² См.: Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10.

³³ Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 9.

поведения этим лицом суживаются до предела»³⁴, либо что «несмотря на большое сходство, эти понятия не тождественны, на что указывает хотя бы тот факт, что законодатель употребляет их как совершенно самостоятельные и отличные друг от друга»³⁵. Ряд специалистов полагают, что суть у этих понятий одинакова – насильственным путем заставить потерпевшего подчиниться требованиям виновного³⁶; данные категории являются синонимами³⁷. Считаем, что с такой позицией сложно согласиться.

Принуждать потерпевшего к определенному действию или отказу от совершения действия возможно только с использованием насильственного способа воздействия. Это напрямую следует из многих положений уголовного законодательства, где уголовная ответственность предусмотрена, например, за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения (ст. 120 УК РФ), либо принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия (ст. 179 УК РФ).

В свою очередь, понуждение всегда совершается без применения насилия, при котором виновный воздействует на волю потерпевшего, но не применяет при этом насилие либо угрозу его применения, а использует иные способы воздействия, например, шантаж, угрозы имущественного характера либо различные виды зависимости потерпевшего (например, ст. 133 УК РФ).

В научной литературе находим подтверждения нашей точки зрения.

Так, в содержание «принуждения» авторы включают не только противоправное принуждение, но и правомерные формы воздействия на человека – воздействие непреодолимой силы, третьих лиц или государства. При этом к криминальным формам принуждения относят «насилие или угрозу его

³⁴ Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1979. С. 10.

³⁵ Иванов В.Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 1986. С. 9.

³⁶ Девятковская С.В. Физическое или психическое принуждение в Российском уголовном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д, 2011. С. 8–9.

³⁷ Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2006. С. 115–116.

применения, в том числе и угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, издевательства и пытки; уничтожение, повреждение или изъятие чужого имущества или угрозу этими действиями; шантаж; использование материальной или иной зависимости потерпевшего; угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких»³⁸.

Как справедливо считают А.Г. Безверхов и Ю.С. Норвартян, угроза в зависимости от её направленности может представлять собой форму противоправного принуждения, если намерение причинить вред реализуется не сразу, а в будущем (путем запугивания жертвы)³⁹.

И.Ю. Бунева также рассматривает угрозу как один из видов принуждения в составах преступлений против правосудия: «Угроза — это вид психологического принуждения, выражающегося в запугивании участников процесса намерением осуществить любое неправомерное деяние, опасность возможной реализации которого, по мнению виновного, должна повлиять на свободу волеизъявления указанных лиц и сформировать у последних желание дать показания для предотвращения последствий, вредных их интересам»⁴⁰.

Отметим положительно мнения авторов о том, что психическое принуждение включает два способа воздействия на психику человека:

— прямое воздействие на бессознательную сторону психической деятельности человека (например, с применением гипноза, электронной стимуляции мозга и т.п.)⁴¹;

— информационное воздействие, при котором виновный угрожает причинением вреда объектам, находящимся под уголовно-правовой охраной⁴².

³⁸ Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. С. 9.

³⁹ Безверхов, А.Г., Норвартян Ю.С. Указ. соч. С. 528.

⁴⁰ Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 7.

⁴¹ См.: Семенова Д.А. Гипноз как вид психического принуждения в уголовном праве // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S3-2 (38). С. 210.

Таким образом, выразим согласие с мнением тех специалистов, которые рассматривают принуждение как более широкое понятие, чем насилие⁴³.

Еще более широкой уголовно-правовой категорией выступает «понуждение», которое определяется как «информационное воздействие на свободу лица с целью заставить потерпевшего совершить нежелательные для него действия либо бездействия в интересах понуждающего»⁴⁴.

В подавляющем большинстве случаев в научных источниках категория «понуждение» рассматривается при изучении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. В контексте данного состава под понуждением Н.А. Конорезов, например, предлагает понимать «требование о совершении конкретных действий сексуального характера, сопряженные с шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости потерпевшего лица»⁴⁵.

Относительно других авторских подходов к пониманию категории «понуждение» отметим широкую палитру мнений⁴⁶, которые кроме прочего

⁴² Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2004. С. 7.

⁴³ См.: Иванова В.В. Преступное насилие: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮИ МВД РФ, 2002. С. 50; Кобозева Т.Ю. Социально-правовая характеристика принуждения в уголовном праве России // Журнал российского права. 2008. № 9 (141). С. 80; Колосова В.И., Поднебесный А.Н. Психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия как способ совершения мошенничества // Уголовное право. 2007. № 3. С. 37; Курганов С.И. Категория «принуждение» в уголовном праве // Российское правосудие. 2007. № 6 (14). С. 60 и др.

⁴⁴ Иванов В.Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1986. С. 9.

⁴⁵ См.: Конорезов Н.А. Понуждение к действиям сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 64

⁴⁶ См. напр.: Бердников С.В. Имущественная выгода: вымогательство или понуждение к совершению сделки? // Актуальные научные исследования: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 10 сент. 2024 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 141-143; Гнилицкая Д.А. Сексуальное принуждение и сексуальное понуждение как формы сексуального насилия // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5. С. 10-14; Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации незаконного понуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4(34). С. 86-90; Идиятуллин А.Д. Общественная опасность преступлений, связанных с понуждением к суициду // Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований: сб. научн. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф.: в 3-х ч., Белгород, 30 марта 2018 г. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Ч. I. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2018. С. 121-124; Коновалов Н.Н. Понимание зависимости как способа совершения понуждения к действиям сексуального характера // Российский следователь. 2018. № 6. С. 19-22; Пантюхина И.В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1(55). С. 118-128; Лобанова Л. Понуждение к нарушению обязанности

отличаются разнообразием взглядов по вопросу об отграничении «понуждения» от «принуждения», «психического насилия», «угрозы» и т.п.

Принимая во внимание ограничения объема диссертации, а также учитывая широту нормативной базы и спектра доктринальных воззрений, полагаем невозможным акцентированно определить здесь соотношение таких уголовно-правовых категорий, как психическое насилие, принуждение, понуждение и угроза.

Некоторые искомые положения, конечно, нами обнаружены и зафиксированы. Например, считаем очевидным, что категория «угроза» не тождественна указанным смежным категориям, а также что понимание угрозы не следует ограничивать формой психического насилия и др. Но в целом вопрос для данной работы слишком сложен. Существующую на сегодняшний день в научной литературе ситуацию излишне резко характеризовать как запутанную, но доводы к тому определенно имеются.

Вместе с тем изучение соответствующих уголовно-правовых норм и научных источников позволяет сформулировать ряд важных для целей настоящего исследования выводов.

1. «Угроза» является самостоятельной уголовно-правовой категорией, содержание которой не находится в соотношении «частного» и «общего» с содержанием смежных категорий: психическое насилие, принуждение, понуждение.

2. Содержание угрозы как способа совершения преступлений, в том числе преступлений против собственности, составляет определенная информация, причем не обязательно негативного свойства. Дальнейшее рассмотрение категории «угроза» нужно осуществлять в русле «информационного воздействия» на потерпевшего.

содействовать правосудию // Российская юстиция. 1998. № 5. С. 12-13; Теунаев А.С.У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3(29). С. 72-77; Шмыгина О.В. Теоретические аспекты понятий «принуждение» и «понуждение» // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2018. № 3(25). С. 84-86 и др.

3. Имеются предпосылки для формирования относительно нового концептуального подхода к пониманию угрозы как способа совершения преступлений против собственности. С известной долей условности данный подход можно обозначить как концепцию «чувствительной» информации.

§ 1.2. Угроза как способ совершения преступлений против собственности: концепция «чувствительной» информации

Положения предыдущего параграфа результированы выводом о том, что угроза – это всегда определенная информация, осмысленно выраженная человеком вербальным, письменным, жестикулярным, мимическим, конклюдентным, электронным либо иным образом.

В современном обществе в условиях повсеместной информатизации, компьютеризации, роботизации, виртуализации, цифровизации и т.п. многие сущности, в том числе правовые, должны рассматриваться через призму информации, концепт информации. Является закономерным, что концепт «информация» широко представлен исследованиях, посвященных вопросам правового регулирования и правовой охраны общественных отношений, уголовно-правовые исследования также не являются исключением.

В уголовно-правовой литературе можно обнаружить много публикаций, посвященных информационной безопасности, информационной гигиене, информационным рискам, информационным угрозам и, в частности, информационному насилию⁴⁷. Выполненный анализ данных научных

⁴⁷ См. напр.: Артюшина О.В., Шабанов Д.Е. Философские представления о насилии и уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 4 (58). С. 25-31; Барковская Я.В., Годовникова А.М., Гаврилов С.Т. Особенности правовой защиты несовершеннолетнего от информационного насилия нормами российского уголовного права // Территория науки. 2019. № 2. С. 54-60; Дмитренко А.П., Подгайный А. М., Супатаева Ж. Э. Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости // Право и практика. 2019. № 4. С. 98-101; Кулеша Я. Уголовное право в виртуальных мирах. Kulesza J. Prawo karne w wirtualnych swiatach // panstwo i Prawo. W-wa, 2014. n 5. S. 45-59 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4 «Государство и право». Реферативный журнал. 2015. № 2. С. 153-157; Стяжкина С.А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и

исследований показывает, что основное внимание специалистов в сфере уголовного права в настоящее время сфокусировано на следующих предметных областях:

- 1) преступления в сфере компьютерной *информации*⁴⁸, киберпреступления или преступления с использованием современных *информационных технологий*⁴⁹ (курсив наш. – *О.Ш.*);
- 2) так называемый кибер-⁵⁰ или *информационный*⁵¹ терроризм, включая посягательства на критическую *информационную* инфраструктуру РФ (курсив наш. – *О.Ш.*);
- 3) мошенничество в сфере компьютерной *информации*⁵² (курсив наш. – *О.Ш.*);
- 4) экстремистские и иные отдельные виды преступлений, совершаемых с использованием *информационно-телекоммуникационных технологий* или с использованием компьютерной *информации*⁵³ (курсив наш. – *О.Ш.*).

систематизации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. №4. С. 722-728; Тарабрина К.С. Влияние цифровых технологий на совершение насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 8. С. 161-166 и др.

⁴⁸ См. напр.: Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Преступления в сфере компьютерной информации: критический взгляд // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 152-176; Шаталов А.С. Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. №2. С. 68-83 и др.

⁴⁹ См. напр.: Никульченкова Е. В. Неопределенность терминологии и проблемы квалификации киберпреступлений (по материалам судебной практики) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29. № 3 (98). С. 361-366 и др.

⁵⁰ См. напр.: Баранов В. В., Пашин В. М. Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 3. – С. 200–212; Улезько С.И., Овсянников В.А. Кибертерроризм в сетевом пространстве: актуальность квалификации и способы предупреждения // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. 2022. № 2(141). С. 115-119 и др.

⁵¹ Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б. Современный кибернетический терроризм и информационная безопасность // Наука. Культура. Общество. 2016. № 4. С. 67-77; Кобец П.Н. Противодействие терроризму в информационной сфере: опыт и проблемы // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 18-26; Ковлагина Д.А. Информационный терроризм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 181-184.

⁵² Петрякова Л.А. социально-правовая и информационно-технологическая обусловленность криминализации и проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Сибирский юридический вестник. 2023. №3 (102). С. 63-69; Тарасова М.Ю. О современных способах и видах мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. № 3 (73). С. 42-45; Хилота В.В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 111–118 и др.

Характерно, что в подавляющем большинстве случаев авторы указанных исследований отводят информации второстепенную роль, говоря о ней, как о предмете, способе или средстве совершения определенного преступления. Это, безусловно, верно и никоим образом не умаляет ценности упомянутых работ, но применительно к теме нашего исследования требуется несколько иначе взглянуть на проблему.

Так, следует задаться вопросом о том, возможно ли использование концепта «информация» не только в контексте уголовно-правовой характеристики тех или иных преступлений, но с целью агрегирования и дальнейшего изучения иных комплексных, «сквозных»⁵⁴ категорий уголовного права, уголовно-правовых сущностей. Например, для системного рассмотрения различных видов уголовно-релевантной информации (компьютерной, текстуальной и др.), уголовно-правового понимания дезинформации как общественно-опасного явления, рассмотрения в «информационном» ключе категории угроза и т.д.

Напомним, что применительно к преступлениям, предусмотренным гл. 21 УК РФ, категория «угроза» указывается законодателем при описании данных преступлений в следующих случаях:

- 1) угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ);
- 2) угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 1 ст. 162 УК РФ);
- 3) угроза применения насилия любой интенсивности (ч. 1 ст. 163 УК РФ);
- 4) угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких (ч. 1 ст. 163 УК РФ);

⁵³ Аникаева О.В., Бобровничай И.Н. Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в современных условиях // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 565–577 и др.

⁵⁴ Под «сквозным» характером уголовно-правовой категории «угроза» понимается ее употребление как в рамках положений Общей, так Особенной частей УК РФ, а также использование при описании составов преступлений различной родовой и видовой принадлежности.

5) угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (ч. 1 ст. 163 УК РФ);

6) угроза уничтожения или повреждения чужого имущества (ч. 1 ст. 163 УК РФ).

При первом приближении виды рассматриваемых угроз по содержанию столь различны, что видится затруднительным применение концепта «информация» для их агрегированного рассмотрения, объясняющего их единство во всем многообразии. Однако при абстрагировании от конкретного содержания угроз, возможно представить, что любая из них (насильственная, клеветническая, диффамационная, компрометирующая и иная деструктивная угроза) – суть информация, объективированная определенным образом. Невозможно представить себе осознанно выраженную угрозу без определенной информации, наполняющей ее.

Разумеется, информация еще не есть угроза. Далеко не любая информация, доведенная до сведения человека, становится для него угрожающей. Здесь даже возможны любопытные противоположности: так, негативная информация о человеке, т.е. объективно содержащая для него угрозу, нередко не воспринимается им в таком качестве (например, когда адресат не имеет оснований опасаться такой угрозы); и, наоборот, часто вполне нейтральные либо, в ряде случаев, положительные сведения могут быть для их адресата серьезной угрозой (например, информация о человеке как владельце крупного денежного приза и т.д.).

В современной правоприменительной практике можно обнаружить немало примеров вымогательских требований и других преступных действий, совершаемых под угрозой придания гласности информации о каких-либо конфиденциальных обстоятельствах личной и общественной жизни человека. Свежи в памяти примеры вымогательства в отношении высокопоставленных

лиц и медийных персон, совершенные администраторами телеграм-каналов и владельцев пабликов в социальных сетях⁵⁵.

Информационный портал лаборатории Касперского называет подобные деяния доксингом – от англ. сленговых слов drop dox (скинуть документы), dox (документы)⁵⁶. Речь идет о ситуациях, когда требование передачи имущества сопровождается угрозой собирать из открытых источников и распространять (делать «вбросы» в информационное пространство) разнообразной информации о человеке, не относящейся к личной или иной тайне (хобби, увлечения, приобретения, посещение публичных мест, знакомства, награждения, работа и пр.).

Важно отметить, что уголовно-правовая оценка содеянного как вымогательства в таких случаях не всегда является возможной. Причиной тому является формальное несоответствие той информации, которую злоумышленники обещают придать огласке, пониманию угрозы в традиционном уголовно-правовом смысле⁵⁷.

⁵⁵ Александров А. Блок не помешал процессу. Администраторов telegram-каналов судят за вымогательства // Коммерсантъ. 2024. 3 янв. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797> (дата обращения: 27.02.2025); Гордеев В., Серков Д. Полиция задержала владельцев сети телеграм-каналов с «токсичными» именами // РБК. 2023. 17 мая. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2023/6464bc639a7947ee6cb65e3d> (дата обращения: 27.02.2025).

⁵⁶ Что такое доксинг – определение и описание // Информационный портал «Kaspersky» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-doxing> (дата обращения: 27.02.2025).

⁵⁷ См.: Гребеньков А.А. Кибервымогательство как информационное преступление // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 154; Лопатина Т.М. Условно-цифровое вымогательство или кибершантаж // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 118; Матросова Л.Д. Системный анализ понятия средств реализации и принятия решений по совершенствованию мер защиты от вымогательства в сети Интернет // Закон и право. 2018. № 11. С. 152; Могунова М.М. Уголовно-правовой анализ киберугроз в деловой среде // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2021. Т. 18. № 1. С. 86; Мосечкин И.Н. Совершенствование перечня угроз, регламентированного в ст. 163 УК РФ, как мера противодействия вымогательству // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 264; Овсяков Д.А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 16. № 2. С. 144 и др.

В уголовно-правовой литературе подобное преследование со стороны недобросовестных журналистов и других лиц иногда называют stalkingом или сталкерством⁵⁸.

В интернете можно найти много примеров рассматриваемых общественно опасных практик, когда в целях совершения преступлений против собственности злоумышленниками используется определенная (часто внешне безобидная) информация: использование шерентинга (размещения родителями чрезмерного контента о детях в социальных сетях), груминга (тесной дружбы для дальнейшей эксплуатации), «тёмных» паттернов (вводящих в заблуждение дизайнов интерфейсов) и другой дезинформации. Специалисты предупреждают, что серьезным имущественным ущербом угрожает обернуться обладание и использование хакерами такой незначительной информации, как адрес личной электронной почты⁵⁹.

Весьма любопытны в рассматриваемом плане ряд исследований, которые показывают, что пригодную для целей шантажа информацию злоумышленники могут получить на основании контент-анализа любой информации, «потребляемой» человеком в информационном пространстве, поскольку такая информация – форма проявления идентичности человека, т.е. информация о нем самом⁶⁰.

Из приведенных примеров и рассуждений следует вывод о том, что качество угрозы может приобрести любая информация, исходя из определенных

⁵⁸ См.: Барышева К.А. Преследование как новый вид уголовно наказуемого деяния // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 178-182; Клейманов М.С. Проблема криминализации stalkingа в Российской Федерации // Закон и право. 2021. №5. С. 133-135; Куликов А.В., Егорычева Е.А. Проблемы и перспективы криминализации stalkingа в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 29-35; Мясникова А.М., Цуканова Е.Г. Криминализация stalkingа // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 53-56; Сапранкова Т.Ю. К вопросу о совершенствовании направлений уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 389-391; Сторублёнкова Е.Г., Самуткин В.Л. Stalking: синдром навязчивого преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 278-281; Юрченко И.А. Сталкер как субъект уголовной ответственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С. 53-61 и др.

⁵⁹ Что могут сделать хакеры, зная адрес вашей электронной почты? Информационный портал «Kaspersky» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/hackers-and-email-addresses> (дата обращения: 27.02.2025).

⁶⁰ Шилова В.А., Яковлева А.А. // Потребление информации как форма проявления идентичности (часть 1) // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6. № 2. С. 98-119.

факторов: конкретного содержания, формы и нюансов выражения и трансляции адресату, а также особенностей субъективного восприятия адресатами такой информации. Возникает вопрос: возможно ли существование некой интегративной характеристики всех подобных факторов, которая определяла бы конвертацию определённой информации в угрозу, и являлась бы пригодной для целей уголовно-правовой характеристики соответствующих имущественных и иных преступлений.

Существующее в научной литературе понимание того, когда определенная информация может становиться уголовно-релевантной угрозой, в основном связано с критериями оценки реальности такой угрозы. Имеющиеся подходы к определению реальности угрозы можно классифицировать как субъективный, объективный, субъективно-объективный. Данная классификация зависит от того, какой смысл вкладывают сторонники того или иного подхода в оценку реальности угрозы.

Возможно выделить следующий классический перечень критериев реальности угрозы:

1) основания опасаться ее исполнения: эти основания обусловлены субъективной оценкой обстоятельств получения угрозы, а также иных сведений, имеющихся в распоряжении потерпевшего лица, к которому эта угроза была обращена;

2) форма угрозы: оценка потерпевшим угрозы как реальной может быть связана со способом получения требования вымогателя, но этот способ не влияет на квалификацию действий как вымогательства, хотя форма угрозы, например, конклюдентные действия, может свидетельствовать о намерении вымогателя привести ее в исполнение (например, виновный подошел к потерпевшим с ружьем, произвел выстрел в землю, потребовал передачи ему денежных средств; угрозы он не высказывал, но потерпевшие имели основания

опасаться наступления отрицательных последствий, обусловленных последующими действиями со стороны виновного⁶¹);

3) угроза необязательно может быть реализована незамедлительно, это могут быть действия, совершаемые виновным в последующем, если потерпевший не выполнит его требования.

В исследовании Л.В. Цой представлены следующие критерии оценки реальности угрозы:

а) «место и время ее предъявления потерпевшему (очевидно, следует учитывать время суток, поскольку в ночное время высказанная угроза представляется более реальной);

б) количество лиц, участвовавших в высказывании угрозы;

в) наличие у вымогателя предметов, позволяющих привести угрозу в исполнение, например, оружия;

г) демонстративные действия, дающие потерпевшему понять, что высказываемая вымогателем угроза реальна;

д) предшествующий характер отношений, из которого потерпевший может сделать вывод, что угроза может быть приведена в исполнение»⁶².

Отметим, что потерпевший может воспринять требования в качестве реальных, независимо от того осознает ли он, что могут наступить неблагоприятные последствия для него или не осознает их характера. «Оценивая реальность угрозы, потерпевший может судить не только по ее содержанию, но и из имеющейся информации, на основании которой он может сделать вывод о вероятности неблагоприятного исхода для него»⁶³. В качестве примера приведем ситуацию, когда потерпевший на требование виновного передать ему деньги беспрекословно подчинился и выполнил его условие. При

⁶¹ См. напр.: приговор Коченевского районного суда Новосибирской области от 25.09.2019 по делу № 1-147/2019 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/44473737> (дата обращения: 01.08.2023).

⁶² Цой Л.В. Реальность как признак угрозы при вымогательстве // Алтайский вестник гос. и муниципальн. службы. 2019. № 17 (17). С. 74.

⁶³ Сафин Ф.Ю. Угроза как форма психического насилия в составе вымогательства // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 198–203.

озвучивании требования виновный никак не демонстрировал свое агрессивное состояние и не высказывал никаких угроз и, тем не менее, потерпевший добровольно передал деньги, так как ему было известно, что виновный является членом преступной группировки и занимает в ней лидирующую позицию. В некоторых случаях сам факт знания о том, кем на самом деле является виновный уже можно рассматривать как угрозу. Квалификация действий как вымогательства была признана обоснованной⁶⁴.

Ряд специалистов под реальностью понимают «способность угрозы вызвать убеждение в ее осуществимости. Угроза должна оцениваться в том виде, как она совершена, а не как она воспринята потерпевшим»⁶⁵. То есть при оценке реальности угрозы уделяется внимание преступному действию без учета его восприятия потерпевшим. Другие под реальностью угрозы понимают не только готовность лица исполнить ее, но и наличие объективных оснований опасаться осуществления угрозы (даже в тех случаях, когда виновный не намеревался привести угрозу в исполнение). А субъективное восприятие потерпевшим опасения осуществления угрозы предлагается устанавливать в процессе проверки материалов и производства предварительного следствия⁶⁶. Тем самым, полагаем, снижается значение субъективного восприятия угрозы потерпевшим при оценке ее реальности. Наличие реальных оснований опасаться реализации угрозы характерно для объективного подхода в определении признака реальности угрозы.

Интересна авторская позиция, при которой учитываются в совокупности все признаки, обуславливают степень общественной опасности психического насилия для здоровья потерпевшего. К ним следует отнести «интенсивность действий преступника, различные способы выражения угрозы, с субъективной

⁶⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.06.2017 по делу № 81-АПУ17-5 // ЛексАкт. URL: <https://legalacts.ru/sud/apellatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09062017-n-81-aru17-5/> (дата обращения: 01.08.2023).

⁶⁵ Костров К.Г. Уголовно-правовое значение угрозы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 8.

⁶⁶ Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Хабаровск, 1972. С. 7.

стороны осознание виновным возможности применения высказываемой угрозы в действительности и субъективное восприятие потерпевшим реальности осуществления в отношении него угрозы»⁶⁷.

Сторонники субъективного подхода при определении признака реальности угрозы непосредственный акцент делают на восприятии ее потерпевшим и осознании этого виновным, который желает такого восприятия⁶⁸.

Представители субъективно-объективного подхода в признание реальности угрозы вкладывают возможность восприятия и понимания значения угрозы потерпевшим (субъективный критерий) и наличие объективной опасности реализации угрозы (объективный критерий). Реальность угрозы определяется не только ее восприятием и тяжестью вреда благу, но и наличием объективных условий для реализации угрозы. И в качестве критериев определения реальности угрозы учитываются следующие факторы: а) характер внешнего выражения готовности причинить вред благу потерпевшего; б) осознание потерпевшим содержания угрозы; в) наличие внешних условий, облегчающих совершение преступления⁶⁹.

Оценивая вышеприведенные подходы, выразим согласие с авторами в том, что реальность угрозы – важное ее свойство, которое определяется многочисленными факторами как объективного, так и субъективного характера. Вместе с тем выскажем мнение о том, что взгляды и понимание угрозы по признаку ее реальности основываются на формально-юридическом подходе, но в силу широкого спектра информации, которая в настоящее время при определенных обстоятельствах может быть конвертирована злоумышленником в угрозу, такой подход лишен возможности определить ту интегративную

⁶⁷ Волошин П.В. Проблема законодательного определения психического насилия, сопровождающего хищение чужого имущества // Вестник Владимирск. юрид. ин-та. 2012. № 1 (33). С. 76–78.

⁶⁸ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 401.

⁶⁹ Стерехов, Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Свердловск, 1972. С. 18.

характеристику, которая определяет угрожающее качество транслируемой адресату информации.

Показательна ситуация массовой, многоадресной рассылки электронных писем о якобы имевшем место аморальном поведении адресата, с требованием передачи денежных средств за неразглашение таких сведений. Злоумышленник действует в таком случае наугад. Получатель информации уверен, что угроза в такой информации реально не осуществима (например, аморального поведения с его стороны не было), но и транслятор информации-угрозы не имеет достаточных оснований считать, что его угроза возымеет действие. При всем этом рассылаемая информация, очевидно, получает «эффект», качество угрозы. Критерий реальности угрозы в таких случаях оказывается не вполне пригодным. Следовательно, повторим, качество угрозы информация приобретает далеко не только исходя из критерия реальности соответствующей угрозы. В этой связи полагаем и предлагаем, что искомой интегративной характеристикой может выступать категория «чувствительности» информации или концепт «чувствительной» информации.

Словосочетание «чувствительная информация», при всем очевидном скепсисе в ее юридическом измерении в последнее время стало весьма популярным в информационном пространстве⁷⁰ и научной литературе⁷¹. Как правило, термин «чувствительная информация» используется в сфере финансов: это информация, несанкционированное раскрытие, модификация или

⁷⁰ Чувствительные данные: как отделить важное от обычного // Информационный портал // «Securitymedia.org» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://securitymedia.org/info/chuvstvitelnye-dannye-kak-otdelit-vazhnoe-ot-obychnogo.html> (дата обращения: 27.02.2025); Чувствительная информация: когда утечка становится шоком // Информационный портал «Infowatch.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/chuvstvitelnaya-informatsiya-kogda-utechka- stanovitsya-shokom> (дата обращения: 27.02.2025).

⁷¹ См. напр.: Вопросы применения на объектах критической информационной инфраструктуры инновационных автоматизированных рабочих мест Интернет, обеспечивающих защиту чувствительной речевой и визуальной информации / А.А. Сидак, В.В. Василенко, С.В. Рыженко, Д.А. Сидак // Информационные войны. 2023. № 4(68). С. 42-46; Дудкин Н.И., Никонов В.И. Исследование популярных приложений для обмена мгновенными сообщениями на предмет сбора чувствительных данных о пользователях // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2020. Т. 7, № 4. С. 18-23; Каштанов С.А. Защита «чувствительной» информации в органах государственной власти с точки зрения информационной безопасности // Информационная безопасность регионов. 2011. № 2(9). С. 97-100 и др.

сокрытие которой может привести к ощутимому убытку или (денежному) ущербу⁷².

В российском нормативном поле данный термин в настоящее время отсутствует, однако следует упомянуть об отдельных попытках законодателей предложить законопроекты, в которых данный термин использовался.

Так, например, по информации главы комиссии Совета Федерации РФ по защите государственного суверенитета А. Климова, в 2020 г. парламентариями был разработан законопроект об изменениях в УК РФ, который предусматривал «норму о наказании для физлиц, занимающихся сбором информации чувствительного характера и нарушающего законодательство об иноагентах»⁷³. В результате в соответствующем законопроекте была исключена формулировка «чувствительные данные», а сам законопроект снят с рассмотрения⁷⁴.

Однако в правоприменительной практике можно встретить судебные решения, где термин «чувствительная информация» упоминается⁷⁵.

Полагаем верным исходить из того, что «чувствительная» информация – это, прежде всего, информация ограниченного доступа. Здесь выразим признательность за труд специалистам справочно-правовых систем, которые предложили обобщенный перечень такой информации в сопровождении нормативных правовых актов, закрепляющих соответствующий юридический статус данной информации.

⁷² Словарь финансовых терминов // Информационный портал «Finam.ru» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/chuvstvitel'naya-informatsiya-20230629-1119> (дата обращения: 27.02.2025).

⁷³ В Совфеде предложили сажать иноагентов за сбор чувствительной информации // Информационный портал «РБК» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2020/5fc14a0d9a79476ebc96b739> (дата обращения: 22.02.2025).

⁷⁴ Законопроект № 1057914-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности» // Портал «Система обеспечения законодательной деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057914-7> (дата обращения: 22.02.2025).

⁷⁵ См. напр.: Определение № 33-8111-10 от 17.11.2010 Иркутского областного суда; Постановление № А82-7538/12 от 01.10.2015 Арбитражного Суда Волго-Вятского округа; Определение № А40-132453/2021 от 04.05.2022 Арбитражного Суда Московского округа; Определение № А40-132453/2021 от 18.05.2022 г. Арбитражного Суда Московского округа // Чувствительная информация – гражданское законодательство и судебные прецеденты [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/chuvstvitel'naya-informatsiya> (дата обращения: 22.02.2025).

Так, в справочном материале «Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа», подготовленном специалистами, приводится развернутый перечень различного рода сведений, которые обладают статусом информации ограниченного доступа⁷⁶.

К таким сведениям по определенным правовым основаниям и с конкретными наименованиями отнесены:

- государственная тайна;
- коммерческая тайна;
- конфиденциальная информация;
- персональные данные;
- охраняемые законом тайны (налоговая, банковская, врачебная, нотариальная, адвокатская, аудиторская, тайна страхования, тайна ломбарда, тайна связи, тайна завещания, тайна усыновления, тайна исповеди, тайна следствия, тайна совещания судей, служебная тайна в области обороны, тайна патентного поверенного);
- информация ограниченного доступа (информация ограниченного доступа, содержащаяся в АИС страхования);
- отдельные виды сведений (сведения о судебно-экспертных исследованиях; сведения, содержащиеся в личном деле и документах учета сотрудника органов внутренних дел, в реестре сотрудников органов внутренних дел, а также сведения о гражданах, поступающих на службу в органы внутренних дел и др.);
- отдельные виды информации (информация, относящаяся к процедуре медиации; информация о содержании корпоративного договора, заключенного участниками непубличного общества; информация о новых решениях и технических знаниях, полученных сторонами по договору подряда; инсайдерская информация и др.);

⁷⁶ Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93980 (дата обращения: 25.02.2025).

- секрет производства;
- отдельные факты (факт передачи в Росфинмониторинг информации, предусмотренной ст. 7.1 Федерального закона РФ от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ и др.);
- отдельные перечни сведений (перечень иностранных государств или административно-территориальных единиц иностранных государств, обладающих самостоятельной правоспособностью, на территории которых зарегистрированы иностранные банки, эмитировавшие платежные карты, операции с использованием которых подлежат обязательному контролю, и др.);
- первичные статистические данные;
- отдельные виды документов (документы и информация, представляемые Банку России операторами финансовых платформ, связанные с деятельностью оператора финансовой платформы, и др.);
- отдельные виды электронных документов (электронные перевозочные документы и сведения, содержащиеся в них);
- отдельные виды сведений (сведения о заказе легкового такси и др.);
- отдельные виды решений (решения об учреждении личных фондов и уставы таких фондов, сведения об учредителях личных фондов, содержащиеся в государственных реестрах, и др.);
- ключи электронных подписей.

При этом, исходя из содержания рассматриваемого документа, следует, что многие виды перечней являются открытыми и вряд ли могут являться исчерпывающими. Фактически, любые сведения в неограниченных объемах могут быть признаны их законными обладателями сведениями ограниченного доступа, конфиденциальными и т.п.

Например, большинство коммерческих и некоммерческих организаций ограничивают доступ для посторонних лиц, кроме сотрудников, к информации,

содержащейся в корпоративных почтовых клиентах⁷⁷, формируют так называемые цифровые информационные периметры⁷⁸.

Более того, рассмотренный выше перечень показывает, что те или иные сведения могут быть отнесены к сведениям ограниченного доступа не только по формальным основаниям, т.е. с фиксацией такого статуса в конкретном нормативном правовом акте, но и без такого нормативного закрепления. Следовательно, сущностные свойства информации – чувствительная она либо нет – формально-юридический подход не отражает в полной мере.

С учетом сказанного сформулируем далее несколько критериев, которые, на наш взгляд, наделяют определенную информацию качеством «чувствительность».

Во-первых, характер информации (здесь укажем, что такой характер может быть негативным, социально нейтральным и, в ряде случаев, социально положительным). Во-вторых, контекст передачи (объективации, выражения, трансляции) информации, учитывающий форму и обстановку выражения, а также сопутствующую транслируемым сведениям дополнительную информацию (фон). В-третьих, особенности субъективного восприятия конкретным адресатом информации.

Рассмотрим более подробно названные критерии.

1. Характер информации.

Очевидно, что качество угрозы определенная информация может приобретать при остро негативном характере последней. Это может быть клеветнические заявления и диффамационные сведения о порочащих поступках, а также иная компрометирующая человека информация. Здесь вкратце следует обратить внимание на несколько аспектов⁷⁹.

⁷⁷ См. напр.: Юрченко И.А. Уголовно-правовые основы обеспечения безопасности корпоративной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 53.

⁷⁸ Шевко Н.Р., Казанцев С.Я. Кибербезопасность: проблемы и пути решения // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 188.

⁷⁹ Более подробно данные вопросы будут рассмотрены в гл. 2.

Прежде всего, нет определенности в том, что следует считать компрометирующими сведениями. Изучение специальной литературы показывает, что к компрометирующей специалисты относят «информацию, удовлетворяющую следующим условиям: материалы должны содержать указания на поступки, которые могут вызвать неодобрение, осуждение, полное неприятие общественностью в целом, с точки зрения религиозных, традиционных, моральных, профессиональных, этических, правовых норм; представлять собой обвинение в этих поступках; содержать факты или домыслы, подтверждающие обвинение, которое представляется на суд общественного мнения»⁸⁰.

В политической сфере на основе анализа СМИ выделяют несколько видов компрометирующих материалов: «компромат-разоблачение — связан с исполнением тем или иным лицом своих профессиональных функций; компромат личного плана — представляет объект в качестве персоны, вызывающей негативное отношение к себе на основании информации о его приватной жизни, обычно безотносительно к профессии и гражданским обязанностям; компромат-обвинение — связан с любой областью деятельности и сферой жизни объекта, но требует того или иного вида преследования, судебного или общественного наказания; компромат-нападки — представляет собой эмоционально насыщенное сообщение, содержащее в основном эпитеты или описания от ироничного до оскорбительного оттенка; компромат-слухи — в неявной, завуалированной форме или с оговорками передаваемое негативное сообщение, опирающееся на неперсонифицированные источники; компромат-оскорбление — умышленное или «по неосторожности» унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»⁸¹.

Отметим, сколь разнообразными могут быть по содержанию угрозы в форме компрометирующей информации.

⁸⁰ См.: Митрохина Т.Н., Федорова С.А. Компрометирующие материалы в прессе как средство борьбы за политическую власть // ПОЛИТЭКС. 2009. № 3. С. 160.

⁸¹ Там же.

Второй аспект связан с проблемой декамуфляжа информации, скрыто носящей негативный характер. Так, например, специалисты указывают, что «экспертный научный интерес представляет выявление скрытых (имплицитных) утверждений, к которым относятся те из них, для установления содержания которых недостаточно установить поверхностную форму высказывания, т. е. они не всегда отражаются в лексико-синтаксической структуре предложения, для их выявления необходимо проведение дополнительных смысловых преобразований»⁸².

И, в-третьих, следует обратить внимание на проблему оценки высказанных суждений как личного мнения или утверждения о факте. В современной практике негативная информация часто предается огласке с оговоркой о личном мнении, что в ряде случаев нейтрализует возможности ее юридической оценки как компрометирующей и, как следствие, уголовно-релевантной⁸³.

Не менее проблематичными являются ситуации, когда характер информации при угрозе предстает в социально нейтральном либо даже социально положительном свете. Здесь показателен пример, связанный с информацией о поведении человека в сфере электронной коммерции.

Так, специалисты утверждают, что любой человек как потенциальный или реальный покупатель товаров и услуг в интернете оставляет определенную информацию: так называемый «экономический след», который возможно использовать как угрозу.

О.Ю. Красильников предлагает относить к указанной информации следующие сведения: «в виде личных кабинетов и электронных кошельков на сайтах банков, страховых и инвестиционных компаний, трейдеров и других финансовых организаций; в виде кабинетов и аккаунтов на сайтах интернет-

⁸² См.: Вандышева А.В., Середа П.В. Альтернативные способы представления негативной информации о физическом либо юридическом лице: опыт лингвиста-эксперта // Известия ВГПУ. 2019. № 10 (143). С. 185.

⁸³ См. напр.: Гаджиалиева Н.Ш., Абдурахманов Д.К. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. № 3. С. 129-133.

магазинов, маркетплейсов, транспортных агрегаторов, компаний по продаже пассажирских и зрительских билетов; данные, содержащие информацию о денежных переводах и платежах по банковским картам, товарным покупкам, выдаче и погашению кредитов, заказам транспортных средств; информацию о сделках купли-продажи иностранной валюты, кибервалюты и ценных бумаг; данные, содержащие информацию о благотворительных пожертвованиях, спонсорских перечислениях, выигрышах в виртуальных лотереях и казино, роялти, выплатах за рекламу; информацию о потребительских предпочтениях индивидов»⁸⁴.

О криминальных возможностях использования подобных сведений говорят также крупные специалисты в области уголовного права⁸⁵.

Видно, что большинство из указанных сведений носит, как правило, социально нейтральный характер, но они вполне могут быть использованы злоумышленником в качестве «чувствительной» информации и конвертированы в угрозу при совершении вымогательства или другого преступления против собственности. То же самое можно сказать о случаях, когда в преступных целях как угроза может быть использована социально положительная информация (например, о человеке как об участнике специальной военной операции либо как о победителе лотереи, получателе крупного денежного приза и т.п.).

Таким образом, характер информации – важный, но не единственный критерий отнесения информации к категории «чувствительная».

2. Контекст передачи информации (объективации, выражения, трансляции) информации, понимаемый как совокупность фактов и обстоятельств, в окружении которых происходит какое-либо событие, существует какое-либо явление, какой-либо объект.

⁸⁴ Красильников О.Ю. Проблемы обеспечения безопасности экономического следа личности в интернете // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2022. № 2. С. 153.

⁸⁵ См. напр.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски // Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 137.

Выше уже говорилось, контекст передачи информации оказывает существенное влияние на оценку данной информации как угрожающей. Например, весьма распространенным явлением является так называемый шерентинг (от англ. *sharenting* - сочетание англ. слов *share* – совместное использование и *parenting* – воспитание), представляющий собой практику родителей публиковать большое количество потенциально конфиденциального контента о своих детях на интернет-платформах.

Как верно указывают специалисты, шерентинг таит в себе и много опасностей, таких как кража персональных данных и потенциальное внимание со стороны злоумышленников. Кроме того, шерентинг может привести к негативным последствиям для ребенка, когда он вырастет. Например, повлиять на возможности его трудоустройства»⁸⁶.

Здесь следует добавить, что при шерентинге и в других подобных случаях избыточного использования социальных сетей формируются серьёзные предпосылки использования в преступных целях информации, контроль над которой при попадании в интернет полностью утрачивается. В частности, такая информация может быть конвертирована преступником в угрозу путем направления потерпевшему фотографий и видеозаписей о его детях и близких без какого-либо текста, но с намеком на слежку за ребенком, его преследование, контроль за ним, сексуальный интерес и т.п.

Ярким примером такой угрозы, проявляющейся из контекста транслируемой информации, может служить сюжет популярного детективного сериала «Спрут», когда комиссару полиции, ведущему расследование, преступники присылали фото дочери, сделанное тайно и в ходе слежки за ней, с надписью: «Какая у вас красивая дочь, комиссар!»

Контекст информации, безусловно, выступает еще одним из критериев оценки информации как «чувствительной».

⁸⁶ О чем должны подумать родители, прежде чем публиковать фотографии детей в интернете // Информационный портал «Kaspersky» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/children-photos-and-online-safety> (дата обращения: 27.02.2025).

Подчеркнем, что вышеизложенное – лишь постановка проблемы, и соответствующие вопросы будут подробно рассмотрены в гл. 2 диссертации.

3. Особенности субъективного восприятия адресатом информации.

Особенности субъективного восприятия информации субъектом как угрозы связаны со многими факторами: здесь важную роль играют мотивы, эмоции, установки и социальный опыт человека; когнитивные процессы (когда человека осмысливает информацию, руководствуясь необходимостью сформировать понятную ему картину реальности, подчиняя осмысление фактов эмоциям и потребностям); социально-культурные особенности человека, его половозрастные характеристики и т.д.

Специалисты отмечают, что информационная безопасность является серьезной психологической проблемой, поскольку «особенности информационного воздействия состоят в том, что, кроме специальных технологий воздействия, используются приемы, направленные на запугивание людей и, что самое главное, на нивелирование их собственной активности, направленной на проверку поступающей информации и ее селекцию»⁸⁷.

М.И. Вещикова приводит весьма полезный для целей настоящей диссертации обзор социо психологических научных исследований, предметом которых выступало восприятие опасности. Автор особо выделяет в таких исследованиях те, которые посвящены рассмотрению группы индивидуальных факторов, в числе которых перцептивные искажения в сознании человека, его мотивация и индивидуальные особенности⁸⁸.

В частности, говоря о перцептивных искажениях, автор пишет о том, что «суждения человека о риске основываются на данных ограниченной достоверности и обрабатываются по правилам эвристики. Эвристики сводят сложные задачи оценки вероятности и прогнозирования значения величин к

⁸⁷ Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / [Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова, М.А. Падун]; Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 45-46.

⁸⁸ Вещикова М.И. Обзор исследований восприятия опасности и перспективы его изучения в клинической психологии развития // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 171.

более простым операциям суждения и одновременно провоцируют ошибочные выводы»⁸⁹. И далее: «Использование эвристики доступности обуславливает немалое количество страхов и предубеждений человека. Исследования оценки частоты смертельных событий показали, что люди переоценивают редкие причины смерти и недооценивают распространенные. Завышается оценка частоты смертельных случаев, связанных с драматическими и необычными событиями, в то же время недооцениваются события, жертвы которых единичны либо малочисленны, а сами события в несмертельной форме являются привычными. Источником таких искажений являются средства массовой информации»⁹⁰.

Сказанное убеждает в том, что субъективно воспринимаемая информация часто является для конкретного человека чувствительной и, как следствие, может использоваться для формирования угрозы в отношении этого человека.

С учетом изложенного для целей настоящего исследования представляется возможным определить понятие *«чувствительная информация»* следующим образом: это информация негативного, социально нейтрального либо, в ряде случаев, социально положительного характера, которая в зависимости от контекста ее передачи адресату и его субъективного восприятия данной информации при ее распространении и других противоправных действиях с ней представляет угрозу правам и законным интересам адресата, его близких либо иных лиц, а также способна причинить указанным лицам моральный вред и (или) имущественный ущерб.

Выводы по первой главе:

1. Концепт «чувствительной» информации для целей рассмотрения угрозы как способа совершения преступлений против собственности представляется адекватно отражающим современные криминальные реалии, связанные с развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

⁸⁹ Вещикова М.И. Указ соч. – С. 172.

⁹⁰ Там же.

2. Данный концептуальный подход видится перспективным для преодоления сохраняющихся в науке уголовного права трудностей объяснения сущности угрозы как способа совершения преступлений против собственности. В частности, предлагаемый подход, как представляется, дает объяснение сущности угрозы как определенной информации любого содержания (насильственного, клеветнического, диффамационного, компрометирующего и иного деструктивного, а также социально нейтрального и положительного характера). В этом смысле концепт «чувствительной» информации выступает интегративной сущностной характеристикой угрозы как способа совершения рассматриваемых преступлений.

3. Концепция «чувствительной» информации позволяет выделить более полный спектр актуальных криминально-релевантных угроз, в том числе тех, которые могут формироваться злоумышленниками с использованием как информации ограниченного доступа (при формально-юридическом подходе), так и общедоступной информации.

4. Концепция дает возможность более четко определить понимание угрозы с учетом традиционных взглядов о критериях ее реальности путем характеристики механизма конвертации определённой информации в криминально-релевантную угрозу: от фактического содержания (характера) информации через контекст трансляции к ее субъективному восприятию.

5. Подход обеспечит рассмотрение в числе криминально-релевантных закамуфлированную угрозу (с объяснением вопросов декамуфляжа угрозы информацией социально нейтрального и социально положительного характера), а также многоадресную угрозу (угрозу без конкретизации адресата), угрозу-дезинформацию и др.

ГЛАВА 2. ВИДЫ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

§ 2.1. Угроза насильственной информацией

Анализ уголовно-правовой литературы показывает, что вопрос об угрозе применения насилия как способе совершения преступлений против собственности является объектом пристального внимания специалистов и тщательно изучается в следующих основных аспектах:

1) интенсивность насилия, применением которого угрожает виновный, и ее уголовно-правовая оценка (в частности, при отграничении угрозы насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, от угрозы не опасным для жизни или здоровья насилием, а также квалификация соответствующих угроз)⁹¹;

⁹¹ См. напр.: Бельский А.И., Михайлова И.А. Корыстно-насильственные преступления против собственности, сопряженные с убийством потерпевшего: проблемы квалификации // Вестник БелЮИ МВД России. 2012. № 1. С. 44-47; Волколупова В.А. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4 (11). С. 49-56; Волошин П.В. Оптимизация законодательного определения насильственного хищения чужого имущества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 1 (48). С. 8-10; Гармышев Я.В. Правовая характеристика преступного насилия в преступлениях против собственности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1(23). С. 36-43; Геворков Г.Э. Отграничение грабежа с применением насилия от разбоя // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 111-113; Карманов М.Л. Разбой и грабеж: проблемы правоприменительной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2. С. 110-113; Красненкова Е.В., Толмачева А.С. Анализ уголовно-правового понятия насилия в преступлениях против собственности и личности / Е.В. Красненкова, // Современное право. 2023. № 5. С. 85-88; Курбатова А.О. Об особенностях объективной стороны вымогательства // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 67-69; Рожков С.А., Буркина О.А. Отграничение преступлений против собственности, совершаемых с применением насилия, от преступлений смежных составов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 164-174; Сверчков В.В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства и практики его применения // Russian Journal of Economics and Law. 2018. № 1 (45). С. 101-111; Токарчук Р.Е. Социально-правовая природа и вопросы квалификации разбоя, совершаемого путем угроз насилием, опасным для жизни или здоровья // Научный портал МВД России. 2013. № 4 (24). С. 27-33; Челябова З.М. Вопросы отграничения вымогательства от насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 34-36 и др.

2) содержание угрозы применения насилия (угроза убийством; угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья; угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья)⁹²;

3) проблемы квалификации угрозы применения насилия, носящего неопределенный характер⁹³;

4) формы объективации (выражения) угрозы применения насилия (прежде всего вербальные и невербальные, в том числе оптико-кинетические, паралингвистические, экстралингвистические и их подвиды)⁹⁴;

5) проблемные вопросы уголовно-правовой оценки реальности исполнения угрозы применения насилия, фактического и юридического моментов реализации угрозы и др.⁹⁵;

⁹²См. напр.: Курбатова А.О. Понятие и виды вымогательских угроз // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3(37). С. 42-44; Жариков Ю.С., Сарапулова Н.В. Насильственный грабеж: проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 3. С. 200-205; Маргушев А.А. Вопросы квалификации насильственного грабежа // Закон. Право. Государство. 2023. № 2(38). С. 210-213; Кириллов С.И., Кирюхин А.Б. Вопросы толкования действующего уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с применением насилия или с угрозой его применения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 111-114; Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. Потребности дифференциации ответственности за различные виды насилия // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 32-35; Сон Э.В. Спорные вопросы уголовно-правовой оценки признаков объективной стороны в составе разбоя // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2(51). С. 63-70 и др.

⁹³См. напр.: Векленко В.В., Буркина О.А. Угроза неопределенного характера при завладении имуществом // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. №2. С. 16-17; Челябова З.М. Особенности завладения чужого имущества с применением угрозы насилием, носившей неопределенный характер: проблемы квалификации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2(31). С. 62-65 и др.

⁹⁴См. напр.: Никитин Ю.А. Проблемы толкования объективной стороны вымогательства // Законодательство и практика. 2016. № 1(36). С. 70-72; Тыдыкова Н. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // Юрислингвистика. 2023. № 28 (39). С. 36-42; Хилюта В.В. Противоречивые признаки вымогательской угрозы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 3 (21). С. 89-97 и др.

⁹⁵См. напр.: Бабурин В.В., Шарипова О.В., Ильина М.Г. Угрозы как способ совершения вымогательства // Закон и право. 2021. № 9. С. 86-88; Бархатова Е.Н. К вопросу о квалификации угона: насильственный угон // Преимущество и новации в юридической науке: мат-лы межвуз. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей / отв. за вып. А.А. Морозов. Омск, 2014. С. 46-50; Быкова Е.Г. Неявная угроза как способ вымогательства // Уголовное право. 2021. № 1(125). С. 13-16; Лавицкая М.И. Ефремова О.В. К вопросу об отграничении вымогательства от смежных составов преступлений // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 24-27; Огарков А.В. Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4 (47). С. 114-118; Шляхин Ф.В. Особенности оценки психического насилия и определения момента окончания разбойного нападения // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2 (77). С. 37-40; Шмыгина О.В. Вопросы разграничения смежных составов преступлений против собственности, сопряженных с угрозой // Власть Закона. 2023. № 4(56). С. 354-362; Цой Л.В.

6) оценка угрозы применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в том числе животных⁹⁶;

7) толкование юридических терминов «применение», «использование», «демонстрация» оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при соответствующей угрозе⁹⁷.

Эмпирические результаты настоящего исследования убедительно подтверждают актуальность вышеизложенных проблем.

Так, в частности, проведенное обобщение и анализ 346 судебных решений, принятых судами за 2008–2023 гг., показали, что в большинстве случаев виновные доводят информацию до потерпевших, используя смешанные способы выражения различных угроз (62,4 %); угрозы, соединенные с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также угрозы, соединенные с иными противоправными действиями, составляют 22,2 %; вербальные угрозы — 15,3 % (прил. 4). Невербальные угрозы в «чистом» виде не встретились ни разу. Как правило, угрозы подкрепляются словами, демонстрацией оружия и т.д.

Реальность как признак угрозы при вымогательстве // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2019. № 17. С. 72-75 и др.

⁹⁶См. напр.: Плешаков А.М. Преступное психическое насилие с использованием животных // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122–128; Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 155 и др.

⁹⁷См. напр.: Бугера Н.Н. Уголовно-правовая оценка применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №3 (33). С. 55-62; Гертель Е.В. Угроза применения насилия при грабеже и разбое // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2002. № 4. С. 55-61; Каплунов А.И. О понятиях «использование» и «применение» огнестрельного оружия как элементах оборота оружия / А. И. Каплунов // Государство и право. 2003. № 7. С. 51-58; Помнина С.Н., Николаева О.А. Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как квалифицирующий признак разбоя // Актуальные проблемы права и правоприменения: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., Саранск, 26 нояб. 2019 г. / Ответственный редактор Ю.Н. Сушкова. Саранск: ООО «ЮрЭксПрактик», 2019. С. 71-80; Пугачев А.В., Суханов Г.В. Понятие «оружие» в современной уголовно-правовой науке // Закон и право. 2016. № 9. С. 81-83; Швединская Г.И., Грасько А.А. Соотношение понятий «применение оружия», «демонстрация оружия», «угроза оружием» в уголовном праве России // Научные меридианы-2017: Сб. мат-лов VII Междунар. науч.-практ. конф., Новороссийск, 5–6 октяб. 2017 г. Т. VII. Новороссийск: Научно-издательский центр «Академия знаний», 2017. С. 12-16 и др.

По результатам изучения 104 судебных актов угрозы, соединенные с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также угрозы, соединенные с иными противоправными действиями при совершении вымогательства, составили 21,4 %. При этом предметами, используемыми в качестве оружия, являлись различные предметы, с помощью которых можно было причинить вред здоровью и жизни потерпевшего. Анализ материалов официальной судебной практики по делам о вымогательстве с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, показал, что наиболее распространенными являются колюще-режущие предметы (ножи, заточки, топоры) – 51 %, огнестрельное оружие применялось в 22 % случаев (пистолеты, ружья, обрезы), тупые предметы (бита, дубина) – 16 %, пневматическое оружие – 9 %, в 2 % случаев в качестве средства устрашения и подавления воли потерпевшего использовались собаки (прил. 3).

Безусловно, вышеуказанные вопросы содержат в себе много остающихся дискуссионными теоретических и практических проблем и заслуживают дальнейшего изучения. Однако в рамках нашего исследования, с учетом принятого нами концептуального подхода, полагаем целесообразным сосредоточиться на рассмотрении вопросов насильственной угрозы, которые обнаруживают себя в современных реалиях цифровизации общественных отношений.

Согласно авторитетному свидетельству исследователей Организации Объединенных Наций, «в результате технологического прогресса меняется характер развития конфликтов. В этом трансформационном процессе важную роль будут играть достижения в области искусственного интеллекта и машинного обучения, в результате чего будет меняться природа угроз»⁹⁸.

⁹⁸ Новая эра конфликтов и насилия // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence> (дата обращения: 07.02.2025).

Очевидно, что «новые информационные технологии, средства массовой коммуникации многократно усилили возможности информационного воздействия на человека, большие группы людей и население страны в целом. По оценкам психологов, «человек разумный» постепенно превращается в «человека информационного», когда гипнабельность людей возросла за последние 15 лет в три раза (составляет более 90 %)»⁹⁹.

Криминологи сигнализируют о разнообразных цифровых угрозах и о соответствующих им уголовно-правовых проблемах, справедливо указывая, что «внимания требуют мероприятия по обеспечению безопасности применения технологий больших данных, биометрических систем и систем идентификации, нейрокогнитивных технологий, технологий дополненной (измененной) реальности, взаимодействие робототехнических комплексов и человека, их исследование и подготовка проектов законодательного уровня для определения их правового статуса и обеспечения безопасности их применения»¹⁰⁰.

Специалисты в области уголовного права также выражают серьезную обеспокоенность нарастающими уголовно-правовыми рисками в условиях тотальной цифровизации¹⁰¹ и, в частности, в сфере коммерции: «Электронная коммерция оказывает воздействие на потребительское поведение: использование информации поведенческих паттернов позволяет влиять на

⁹⁹ Цит. по: Ключко Р.Н. К вопросу об объектах уголовно-правовой охраны в информационной сфере // Состояние, проблемы и перспективы развития юридической науки и практики: белорусский и зарубежный опыт: сб. науч. ст. / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; гл. ред. С.Е. Чебуранова; редкол.: А.М. Вартамян [и др.]. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. С. 207.

¹⁰⁰ Пинкевич Т.В., Нестеренко А.В. Проблемы обеспечения безопасности цифровых технологий в Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 4. С. 161, 163.

¹⁰¹ См.: Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. №2 (56). С. 97-105; Ефремова М.А. Уголовно-правовые средства противодействия преступности в условиях цифровизации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2024. Т. 24. № 2. С. 21-26; Капинус О.С. Цифровизация преступности и уголовное право // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 1; Коробеев А.И., Дремлюга Р.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 416–425; Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87; Русскевич Е.А., Дмитренко А.П., Кадников Н.Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 585–598.

покупателя и фактически скрыто вынуждать делать покупки; информация о геолокации потенциального покупателя дает возможность использовать его склонности к импульсивным покупкам, электронная коммерция сопряжена с рисками нарушения безопасности: при оплате товара в электронных магазинах профиль покупателя, содержащий реквизиты и пин-код банковской карты, может быть взломан в целях последующего хищения денежных средств; взлом вирусом системы «клиент – банк» позволяет скопировать сертификат электронной подписи, при помощи которого формируются распоряжения о переводе денежных средств при оплате товара; злоумышленник, путем взлома получивший доступ к личному кабинету интернет-магазина, может заказать товар на фальшивый адрес; имея сведения о покупке некоторых товаров, злоумышленник может пойти на шантаж; в первую очередь это касается данных об определенных видах лекарств»¹⁰².

Рассматриваемые проблемы, безусловно, сопряжены с рисками насилия.

Как справедливо пишет А.В. Ключкова, «с одной стороны, в виртуальное пространство шагнуло насилие из реальной жизни (кибербуллинг), с другой – оно само является источником насилия (в том числе аутонасилия)»¹⁰³.

Здесь также уместно высказывание Е. Смирновой о том, что «существующие в обществе социальные проблемы, решить которые молодежь самостоятельно не может, бездуховность приводят к тому, что насилие становится товаром, продаваемым и приобретаемым через Интернет»¹⁰⁴.

¹⁰² См.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски. Правосудие. 2019. Т.1, № 2. С. 137.

¹⁰³ Ключкова А.В. Влияние цифровой среды на формирование девиантного поведения подростков и молодежи // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сб. мат-лов I Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В. Агапов; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. С. 130.

¹⁰⁴ Смирнова Е. Треш-стрим как образ жизни // Эксперт. 2020. № 51 (1189). С. 52.

Так называемое кибернасилие находит проявление в разнообразных формах:

- «высмеивание и моральное подавление ребенка (в мировой практике обозначаемое термином *«кибертроллинг»*);
- его преследование с целью запугивания угрозой противозаконных действий или повреждений, доведения до паники и отчаяния посредством систематической рассылки угрожающих, вызывающих тревогу и раздражение сообщений (*киберсталкинг*);
- систематическая упорная травля в сети интернет, распространение в социальных сетях информации, порочащей честь и достоинство жертвы (*кибербуллинг*);
- совращение ребенка непристойными сообщениями и изображениями, склонение к ведению сексуальных разговоров, провоцирование к отправке сексуальных фото-, видеоматериалов, сексуальный шантаж, распространение в сети непристойных эротических и порнографических изображений жертвы (*секстинг, интернет-грумминг*);
- размещение видеосюжетов со сценами побоев, истязаний и иных насильственных действий в отношении детей и подростков (*хеппислепинг*);
- размещение негативных комментариев и сообщений, иррациональной критики в адрес конкретного человека или явления (*хейтинг*);
- вспышки оскорблений в ходе публичного эмоционального обмена репликами в чатах и комментариях в социальных сетях (*флэйминг*);
- преследование игроками других игроков в многопользовательских онлайн-играх с целью лишить удовольствия от игры (*грифинг*) и др.»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ См. Пристанская О.В. Совершенствование законодательства в сфере противодействия кибербуллингу и другим видам психологического насилия в отношении несовершеннолетних посредством сети «Интернет» // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В. Агапов; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. С. 143.

О том, что вышеперечисленные проявления кибернасилия реальны говорят многочисленные социологические исследования. Так, например, по данным специалистов аналитического центра НАФИ¹⁰⁶, в числе главных проблем молодежи при онлайн-знакомствах находятся вымогательства и угрозы, в том числе просьбы перевести деньги под предлогом помощи (столкнулся 41 % молодых пользователей сайтов и приложений); вымогательство денег путем шантажа по фото, профилю или записанному видеочату (17 %); фейковый аккаунт, когда собеседник в интернете выдает себя за другого (14 %); психологическое травмирование (непристойные предложения, фото – 14 %); угрозы физической расправы, изнасилования (13 %) ¹⁰⁷.

Актуальных практических примеров сказанному – множество¹⁰⁸.

Таким образом, информация, выражаемая в различных формах так называемого кибернасилия (треш-стримов, кибербуллинга, хейтинга, гриффинга и др.), обладает психотравмирующим характером, и, следовательно, может быть конвертирована злоумышленником в угрозу, в том числе для совершения преступлений против собственности. Соответственно, с использованием компьютерной информации преступниками могут формироваться и реализовываться «нестандартные» насильственные угрозы, уголовно-правовая оценка которых часто затруднена¹⁰⁹. Здесь вопрос, прежде всего, в том, какая именно «чувствительная» для потерпевшего информация используется виновным,

¹⁰⁶ Аналитический центр «НАФИ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nafi.ru> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁰⁷ НАФИ: аналитики назвали вымогательства и угрозы проблемами молодежи при онлайн-знакомствах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/life/news/64057c069a79473a3910451b> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁰⁸ См. напр.: Вязовая Д. Первое в России дело о кибербуллинге рассматривают в Башкирии // Интернет-портал «NTV.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2875332> (дата обращения: 07.02.2025); Доспехов А. Олимпийская вакханалия добралась до суда. Он рассмотрит дело о кибербуллинге в отношении режиссера церемонии открытия парижских Игр Тома Жолли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7552679> (дата обращения: 07.02.2025);

¹⁰⁹ Жмуров Д.В. Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2. С. 88.

каким образом она выражается для потерпевшего и как воспринимается последним.

Рассмотрим поставленные вопросы на примере кибербуллинга.

Уголовно-правовые проблемы кибербуллинга широко освещаются на страницах научной литературы¹¹⁰. Основное внимание специалистов сконцентрировано на вопросах правовой оценки кибербуллинга как проявления психического насилия, понимаемого как «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи»¹¹¹.

В отдельных публикациях авторы делают отсылку к письму Минобрнауки РФ от 14.05.2018 № 08-1184, в котором дано следующее определение кибербуллинга: преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов¹¹².

¹¹⁰ См.: Амирова Д.К., Куницына Ю.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 12-16; Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Травля в информационном пространстве кибербуллинг и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3(39). С. 54-59; Блинова Д.Н., Гурина О.Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике // Психология и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 150-160; Волчещкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 578-591; Елин В.М. Правовые инструменты предотвращения кибербуллинга в России и США // Юридический мир. 2022. № 3. С. 55-59; Иванова К.А., Степанов А.А., Немчинова Е.В. Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1(98). С. 96-101; Иликбаева Е.С. К вопросу об уголовной ответственности за «скулшутинг» и «кибербуллинг» // Юридическая гносеология. 2024. № 8. С. 162-168; Ларина Е.В. О современном состоянии проблемы кибербуллинга // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 299-305; Левашова О.В., Сотников И.Л. Кибербуллинг в современном интернет-пространстве // Закон и право. 2022. № 11. С. 175-177; Мальцева В.А. Защита детей от кибербуллинга. Вопросы уголовно-правового регулирования // Закон и право. 2019. № 10. С. 95-99; Сафаров Э.А. Кибербуллинг и уголовное право России: аргументы в пользу криминализации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3(64). С. 89-94; Серебренникова А.В. Преступления в сфере информационных технологий: кибербуллинг и кибермоббинг // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 2. С. 283-287; Ханов Т.А., Смагулова А.С. Кибербуллинг: правовые меры по борьбе с онлайн-насилием и угрозами // Актуальные проблемы современности. 2024. № 4 (46). С. 32-41 и др.

¹¹¹ Бочкарева Е.В. Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 92.

¹¹² См.: Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. К вопросу о кибербуллинге и защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию: пути и способы решения // Закон и право. 2022. № 1. С.105.

Таким образом, в нормативном и доктринальном уголовно-правовом дискурсах кибербуллинг рассматривается как насильственное противоправное поведение, которое посягает на личные права человека, прежде всего, право на честь и достоинство. Однако в изученных источниках нам не удалось обнаружить подробного рассмотрения вопроса о кибербуллинге как способе совершения преступлений против собственности.

Кибербуллинг распространен в основном в детской и подростковой среде, нередко бывает связан не только с оскорблениями, клеветой, диффамацией, издевательством, но и шантажом¹¹³. При этом сложностей с уголовно-правовой квалификацией действий в подобных случаях не возникает, поскольку юридические признаки вымогательства, как правило, присутствуют. Преступник в данных ситуациях требует от потерпевшего либо его близких передачи денежных средств, имущества, совершения иных действий имущественного характера взамен обещания прекратить травлю и под угрозой продолжения буллинга, в содержание которого входят угрозы применения насилия. Характерно, что в юридическом качестве вымогательской угрозы в таких случаях выступает угроза применения насилия, которую прямо формулирует кибербуллер в своей преследовательской деятельности (в публикуемых им сообщениях и пр.). Однако если преследователь не выражает в сообщениях или других проявлениях кибербуллинга угрозы применения насилия, а также отсутствуют иные де-юре вымогательские угрозы (распространением позорящих сведений и пр.), кибербуллинг сам по себе не может быть квалифицирован как вымогательство, даже если он сопряжен с имущественными требованиями.

¹¹³ См.: Буллинг как особый вид конфликта в детской и подростковой среде [Ю.С. Вторушина, С.В. Митрухина, Е.Н. Власова, В.П. Антонов и др.] // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. №4 (42). С. 90-99; Буллинг как актуальная проблема современной начальной школы [Е.Ю. Волчегорская, М.В. Жукова, Е.В. Фролова, К.И. Шишкина, Н.Д. Носкова и др.] // Вестник ЮУрГГПУ. 2020. № 5 (158). С. 239-252; Кузьмичева Л.Н., Окулич Е.С. Проблема буллинга в российских школах – социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №12-1. С. 65-68; Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Залыгаева С.А. Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. Психологические науки. 2019. №3. С. 126-138 и др.

Другими словами, кибербуллинг далеко не всегда может быть признан уголовно-релевантной насильственной угрозой, в частности, когда он выражается в высмеивании человека, в другом подобном обращении с жертвой, в ее изоляции, остракизме и т.п.

Вместе с тем по утверждению специалистов в области психологии кибербуллинг, даже в таких внешне безобидных формах, обладает психотравмирующим воздействием и представляет серьезную угрозу для психического здоровья подростка, а также взрослого человека¹¹⁴.

Выскажем утверждение о том, что кибербуллинг и любые другие формы киберагрессии (троллинг, сталкинг, хейтинг, флейминг, гриффинг и пр.), сами по себе и независимо от их конкретного содержания необходимо рассматривать как насильственное информационное воздействие, как насильственную угрозу, в том числе как способ совершения преступлений против собственности.

Ярким подтверждением сказанному может, например, служить экспертная практика рассмотрения дел, поступивших на комплексное психолого-лингвистическое исследование в государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Московский исследовательский центр» (ГБУ «МИЦ»). Специалисты ГБУ «МИЦ» приводят интересные в контексте нашего исследования особенности некоторых отдельных видов киберагрессии¹¹⁵.

¹¹⁴ См.: Ахмедова Э.М., Цебро Г.О. Кибербуллинг как социальное явление проявления агрессии в интернет-пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3(100). С. 163-165; Бабук А.В. Кибербуллинг как форма угрозы в интернет-коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 69. С. 95-106; Блинова Д.Н. Гурина О.Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике // Психология и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 150-160; Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве / Л.В. Жихарева, И.С. Лучинкина, А.А. Гребенюк, А.И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 4. С. 115-126; Дохоян А.М., Маслова И.А. Кибербуллинг в современном мире: психологические аспекты // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-4. С. 369-371; Ходневич В.В. Кибербуллинг: реальная угроза // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2023. № 1. С. 61-64 и др.

¹¹⁵ См.: Блинова Д.Н., Гурина О.Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 150-160.

Так, «ситуация флейминга между представителями различных групп может выглядеть следующим образом: участник одной из групп переходит на личности и обращается к конкретному участнику другой группы, демонстрируя к нему презрение в связи с его национальной принадлежностью, при этом в ответ получает симметричное оскорбление также по национальному признаку. Основная цель такого общения – задеть за живое, причинить душевный дискомфорт противнику. Психологическим мотивом подобного типа общения может быть, в том числе, желание продемонстрировать свое превосходство над противником, проявить «правильную», с точки зрения агрессора, позицию и др.»¹¹⁶.

Другой пример – троллинг, который «представляет собой пример преднамеренного нарушения правил виртуального общения, действия могут быть направлены на конкретное лицо или группу лиц. Оба коммуниканта могут быть агрессорами, стремящимися вызвать друг у друга негативные эмоции и переживания, такие как раздражение, гнев, злость, обида. Часто это может быть ситуацией, в которой один из коммуникантов на комментарий другого реагирует агрессивно, в том числе демонстрируя пренебрежение или же презрение к собеседнику, при этом очевидных причин для этого нет. В экспертной практике такие случаи встречаются редко, объектом исследования в них становятся высказывания коммуникантов на предмет наличия признаков унижения и/или оскорбления (в рамках лингвистического исследования). Социально-психологическая направленность подобных материалов чаще всего – формирование у адресата готовности к ответным агрессивным действиям»¹¹⁷.

Вышеприведенные примеры служат доказательством тому, сколь удобной и притягательной является цифровая среда для выражения разнообразных угроз, и соответствующая информация сама приобретает характер угрозы. Злоумышленнику лишь следует использовать определенный контекст и учесть особенности субъективного восприятия адресатом данной информации.

¹¹⁶ Блинова Д.Н., Гурина О.Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике. С. 154.

¹¹⁷ Там же. С. 155.

Отдельно следует сказать об особенностях субъективного восприятия той угрозы, которая объективируется и адресуется потерпевшему в виртуальном пространстве. Качественную основу для понимания данных особенностей находим на страницах современной научной литературы по психологии.

Так, согласно концепции цифровой социализации человека ее ключевой элемент – «гиперподключенная, технологически достроенная цифровая личность как часть личности реальной; она отражает современный этап социальной и когнитивной эволюции человеческой психики, когда развивающееся сознание фактически сращивается с внешними орудиями (гаджетами) и знаковой реальностью (интернетом). Цифровые технологии интегрируются в нашу когнитивную и социальную систему, определяя цифровое расширение (достройку) человека»¹¹⁸.

Такая достройка по своему значению для определенного человека часто доминирует над реальностью: все, что происходит в реальной жизни, для такого человека часто имеет меньшее значение, чем события его виртуальной жизни. Соответственно угрозы в такой виртуальной жизни зачастую имеют сопоставимый или даже больший запугивающий эффект, нежели угрозы, существующие в реальном мире.

Результаты исследований подтверждают, что «техносистема становится ... значимой частью экосистемы формирующейся личности»¹¹⁹ и «наполнение техносистемы – это не только компьютеры и смартфоны, социальные сети, мессенджеры, облачные хранилища, электронные книги, видеоигры, электронные игрушки, программы искусственного интеллекта и др., но и способы работы с ними... Техносистема – тот мост, который определяет конвергенцию двух главных существующих сегодня реальностей – онлайн и офлайн – и служит основой формирования смешанной, или совмещенной, реальности»¹²⁰.

¹¹⁸ Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431.

¹¹⁹ Там же. С. 434-435.

¹²⁰ Там же. С. 435.

Итальянский философ Л. Флориди, говоря о жизни человека в инфосфере («Life in the infosphere»), оперирует термином «onlife» для обозначения смешения реальностей¹²¹.

Феномен «onlife» – весьма перспективная область научного поиска, в том числе для исследователей вопросов уголовного права, которые в своем видении данных вопросов смотрят еще дальше и инициируют сегодня научную дискуссию об уголовно-правовых проблемах метавселенной¹²². Эти проблемы связаны, в том числе, с темой настоящей диссертации.

Так, например, в авторы коллективной научной статьи «Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве» справедливо указывают на то, что «в процессе нахождения в метавселенной человек с использованием личного аватара не подвергается физическому насилию в общепринятом понимании, но его аватар может пострадать. Пока нет норм, которые бы защищали и регламентировали эти отношения, но это лишь вопрос времени. Чем распространнее будут отношения с использованием цифровых технологий и нейросетей, тем больше человек будет погружен в новые правоотношения киберпространств. Следовательно, причинение ущерба не физическому лицу, а участнику «метамира» станет вполне реальным, ощутимым и потребует уголовно-правовой охраны»¹²³.

Таким образом, уголовно-правовая полемика об информации как о насильственной угрозе имеет широкие научные горизонты и перспективы.

¹²¹ Luciano Floridi. 4-th revolution. How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford univ. press, 2014. P. 43.

¹²² См. напр.: Конев Д.А. Риски использования искусственного интеллекта и систем дипфейк в VR-среде и метавселенной: анализ, перспективы, пути противодействия // Юристы-Правоведы. 2024. № 3(110). С. 171-176; Мурсалимов, А.Т. Метавселенная - новое пространство совершения мошенничества в сфере кредитования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1(51). С. 118-123; Ювачев М.Ю. Информационно-пропагандистская деятельность террористических и экстремистских организаций в контексте развития цифровой технологии «метавселенной» (metaverse): вызовы и угрозы национальной безопасности государства // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 4. С. 47-52 и др.

¹²³ Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве / И. Р. Бегишев, В. В. Денисович, Р. А. Сабитов [и др.] // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 61.

§ 2.2. Угроза информацией имущественного характера

Угроза уничтожения или повреждения чужого имущества как способ совершения преступлений против собственности указывается законодателем как признак состава вымогательства (ст. 163 УК РФ). Однако фактически данный способ может использоваться при совершении и других преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ: насильственного грабежа и разбоя, а также угона (при комбинированной с насилем угрозе); мошенничества (когда угроза уничтожения или повреждения имущества составляет содержание мошеннического обмана) и др. В настоящей работе сосредоточим внимание на вымогательстве (по формально-юридическим основаниям).

Традиционно в науке уголовного права уничтожение имущества рассматривается как приведение его в негодность, когда уничтоженное либо разрушенное имущество восстановить не представляется возможным или его восстановление нецелесообразно ввиду больших экономических вложений и оно не может быть использовано по назначению. Под повреждением понимается порча вещи, которая значительно снижает ее потребительскую стоимость, либо восстановление потребует значительных материальных затрат. При повреждении имущества имеется возможность использовать его в поврежденном виде и/или можно его восстановить до прежнего состояния.

Так, например, Е.М. Плютина «под уничтожением чужого имущества понимает приведение его путем механического, термического, химического или иного воздействия в состояние утраты им свойств, исключающее использование его по своему назначению»¹²⁴; к повреждению автор относит «приведение имущества вышеперечисленными способами в состояние утраты им свойств,

¹²⁴ Плютина Е.М. Уничтожение или повреждение имущества: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений (по материалам судебной практики Краснодарского края): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2005. С. 15.

ограничивающее частично или временно использование его по своему назначению»¹²⁵.

Повторим, таковы традиционные взгляды на уголовно-правовые термины «повреждение» и «уничтожение» чужого имущества при их оценке как способов совершения преступлений против собственности. Однако в современном мире, в условиях цифровизации общественных отношений, как представляется, данные уголовно-правовые воззрения требуют модернизации.

В рамках реализуемой нами концепции «чувствительной» информации дальнейшее изучение вопроса об угрозе уничтожения или повреждения чужого имущества как о способе совершения преступлений против собственности, необходимо осуществлять по следующим направлениям:

- незаконное владение «чувствительной» информацией как угроза;
- угроза широкого спектра незаконных действий с «чувствительной» информацией;
- кибер вандализм как угроза.

Рассмотрим данные направления более подробно.

1. Незаконное владение «чувствительной» информацией как угроза.

В настоящее время ценность информации такова, что сам факт утраты контроля за владением, а также сохранностью любой «чувствительной» информации может приобретать характер угрозы для законного владельца такой информации. Яркий пример – конфиденциальная и другая «чувствительная» медицинская информация. Специалисты пишут об этом так: «Нарушение конфиденциальности сведений о здоровье может произойти в результате кибератаки, преступных действий медицинских работников, халатности службы информационной безопасности и способно вызвать такие последствия, как:

- вымогательство денежных средств, совершаемое с угрозой уничтожить медицинские данные;

¹²⁵ Там же.

- шантаж пациентов, для которых утечка сведений о здоровье может привести к отказу в принятии на работу (если соискатель зарегистрирован в наркологии, имеет хронические болезни, беременность), увольнению (известны прецеденты с больными гепатитом, СПИДом), семейным конфликтам с финансовыми последствиями (венерические заболевания, беременность);
- мошенничество в отношении психологически нездоровых, одиноких пациентов, психологическое давление и принуждение к передаче активов;
- доведение до самоубийства на основе данных о психическом состоянии;
- противоправные действия в отношении имущества пациентов на основе данных об их перемещениях и местонахождении (больница, санаторий)»¹²⁶.

Медицинская информация – лишь один из примеров возможного незаконного получения и дальнейшего преступного использования «чувствительной» информации. Специалисты в области противодействия хакерским атакам отмечают, что совершение преступлений против собственности может также осуществляться с использованием другой подобной информации. Более того, сообщения от злоумышленников, как правило, поступают точно в адрес руководству компаний с учетом направлений деятельности такой компании. Например, «в письмах, направленных в медицинские учреждения, утверждается, что была похищена информация о пациентах и сотрудниках, а в посланиях, направленных в компании, производящие товары, говорится о раскрытии заказов клиентов и данных сотрудников»¹²⁷.

По свидетельству авторов интернет-портала «Хакер.ru» текст оригинала одного из подобных шантажистских писем выглядит следующим образом: «С сожалением информируем вас о том, что мы получили доступ к системам [компании] и за последние несколько недель извлекли тысячи файлов данных,

¹²⁶ См.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски. С. 140-141.

¹²⁷ См.: Нефёдова М. Главы компаний получили бумажные письма, якобы от вымогательской группы BianLian [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xakep.ru/2025/03/06/fake-bianlian> (дата обращения: 11.03.2025).

включая информацию о заказах и контактах клиентов, данные о сотрудниках, их удостоверениях личности, номерах социального страхования, а также платежные ведомости и другие конфиденциальные кадровые документы, финансовые документы компании, юридические документы, информацию об инвесторах и акционерах, счета-фактуры и налоговые документы»¹²⁸.

Особо отметим то, что далее в письме сообщается: «BianLian больше не ведет переговоров со своими жертвами. Вместо этого у компании якобы есть 10 дней, чтобы заплатить выкуп в биткоинах и предотвратить публикацию украденных данных»¹²⁹. В таких условиях квалификация данных шантажистских требований как вымогательство де-юре невозможна, поскольку в письме сообщается о факте завладения «чувствительной» информацией, но не формулируется угроза ее уничтожения или повреждения (указывается лишь на угрозу удержания такой информации, а также угрозу ее разглашения).

В научной литературе такого рода имущественные угрозы предлагается именовать «неявными»¹³⁰ и отмечается, в частности, что «угроза не уничтожением либо повреждением, а удержанием похищенного самим лицом либо другими лицами имущества признаков вымогательства не содержит»¹³¹. Есть мнение, что такие угрозы следует рассматривать в контексте признака «угроза распространения информации, которая может причинить вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких» (например, распространение сведений, составляющих коммерческую тайну, тайну частной или семейной жизни)¹³². Однако следует согласиться, что при вымогательстве может быть угроза распространением сведений, которые такого вреда причинить не могут, но нежелательны для потерпевшего к огласке. Как и при

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Быкова Е.Г. Неявная угроза как способ вымогательства // Уголовное право. 2021. № 1 (125). С. 13-16.

¹³¹ См.: Яни П.С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. № 11 (973). С. 41.

¹³² Бабурин В.В., Шарипова О.В., Ильина М.Г. Угрозы как способ совершения вымогательства // Закон и право. 2021. № 9. С. 87.

вымогательстве, возможно угроза распространением и непопорочных сведений¹³³.

К сожалению, среди изученных научных публикаций нам не удалось найти те, в которых подробно была рассмотрена проблема уголовно-правовой оценки шантажистских требований, сопряженных с угрозой самим фактом незаконного обладания «чувствительной» информацией. Указывается лишь на целесообразность «указания в качестве признака вымогательской угрозы именно угрозу распространения любых сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне»¹³⁴. Указанные вопросы, полагаем, лежат в русле предлагаемой нами концепции «чувствительной» информации и требуют дальнейшего изучения.

2. Угроза широкого спектра незаконных действий с «чувствительной» информацией.

Данный аспект рассматриваемой проблематики непосредственно связан с рассмотренным выше и касается вопроса о недостаточности для признания вымогательской угрозой лишь той, которая связана с уничтожением или повреждением имущества.

Практика свидетельствует о многочисленных примерах шантажа, когда злоумышленник грозит удержанием незаконно полученной информации, ее копированием, декомпиляцией, модификаций, блокированием доступа к ней и другими неблагоприятными для законного владельца последствиями.

Показателен пример осуждения приговором Советского районного суда г. Томска от 23.05.2022 гр-на Д., который, незаконно получив доступ к компьютерной информации ООО «Л.», произвел блокировку указанной компьютерной информации, что привело к невозможности для ООО «Л.» осуществлять необходимые операции с данной информацией. В дальнейшем Д. направил электронное письмо в адрес ООО «Л.», выдвинув требования о перечислении ему денежных средств под угрозой сохранения блокировки

¹³³ Яни П. С. Вопросы квалификации вымогательства. С. 41-42.

¹³⁴ См. напр.: Никитин Ю.А. Проблемы толкования объективной стороны вымогательства // Законодательство и практика. 2016. № 1 (36). С. 72.

указанной компьютерной информации. В результате достигнутой договоренности и под воздействием выдвинутой Д. угрозы, денежные средства в размере 0,8 единицы криптовалюты BTC (Bitcoin) стоимостью 504 640 руб. были переведены на электронный кошелек Д. В приговоре суд указал, что «блокировка и отсутствие доступа к компьютерной информации, содержащейся на серверах ООО «Л.», создала угрозу наступления тяжких последствий для организации, ввиду невозможности дальнейшего функционального обеспечения работы для всей организации»¹³⁵.

Суд квалифицировал действия Д. по ч. 4 ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло блокирование компьютерной информации, совершенное из корыстной заинтересованности, что создало угрозу наступления тяжких последствий и по п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества, совершенное в крупном размере.

Отметим, что органами следствия Д. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 272, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство в целях получения имущества в особо крупном размере).

Томский областной суд в апелляционном определении от 02.12.2022 согласился с мнением защиты о том, что в действиях Д. отсутствует состав грабежа по следующим основаниям: «грабеж предполагает нахождение и преступника, и иных вышеуказанных лиц в одном месте. Кроме того, завладение имуществом при грабеже происходит одновременно с высказанной угрозой либо сразу после нее, что и отличает грабеж от вымогательства, при котором умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем». При этом суд исключил также возможность квалификации действий Д. как вымогательства, указав, что «Д., предъявляя требование сотрудникам

¹³⁵ Приговор Советского районного суда г. Томска от 23.05.2022 по делу № 1-31/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

ООО «Л.» о передаче ему имущества, ни одной из перечисленных в ст. 163 УК РФ угроз его не подкреплял»¹³⁶.

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 25.05.2023 согласился с позиций апелляционного суда о том, что содеянное Д. не может быть квалифицировано как грабеж, поскольку «путем блокировки компьютерной информации и направления сообщения электронной почтой непосредственного изъятия и завладения имуществом Д. не имело места, его требования были направлены на получение требуемого имущества в будущем»¹³⁷. В связи с этим дело в соответствующей части было направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

В дальнейшем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении от 15.11.2023 отменила состоявшиеся судебные решения в полном объеме и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что «обвинение Д. по ч. 4 ст. 272 и ст. 163 УК РФ взаимосвязаны, и нельзя согласиться с отменой состоявшихся судебных решений лишь в части осуждения Д. по ст. 161 УК РФ, поскольку это может повлиять на объективность и всесторонность его рассмотрения»¹³⁸.

В настоящее время рассмотрение уголовного дела по обвинению Д. по ч. 4 ст. 272, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, поступившего 18.12.2023 в Советский районный суд г. Томска, приостановлено в связи с тем, что подсудимый скрылся¹³⁹.

¹³⁶ Апелляционное определение Томского областного суда от 02.12.2022 по делу № 22-2304/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

¹³⁷ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2023 г. по делу № 77-1831/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

¹³⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.11.2023 г. по делу № 88-УДП23-7-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

¹³⁹ Уникальный идентификатор дела 70RS0004-01-2020-004372-23 // Официальный сайт Советский районный суд г. Томска [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sovetsky-tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2993773&case_uid=cd977079-7097-4e4f-84db-193df18328b3&delo_id=1540006 (дата обращения: 11.03.2025).

Выразим мнение, что в рамках действующего уголовного законодательства РФ содеянное Д. не может быть квалифицировано ни как грабеж, ни как вымогательство, поскольку не отвечает в полной мере признакам составов указанных преступлений. Отметим также, что де-юре признаки вымогательской угрозы в действиях Д., по нашему мнению, отсутствуют, так как в ст. 163 УК РФ в настоящее время не предусматривается такого способа вымогательства как угроза блокирования определенной информации. Высказывавшееся в вышеприведенных судебных решениях мнение о том, что фактическое блокирование Д. компьютерной информации, принадлежавшей ООО «Л.» привело к невозможности ее использования законным владельцем и, соответственно, означало угрозу уничтожения такой информации как имущества ООО «Л.», является ошибочным.

Приведенный пример наглядно показывает пробельность уголовного законодательства РФ в части, касающейся регламентации уголовной ответственности за преступления против собственности, которые совершаются под угрозой незаконных копирования, декомпиляции, модификации, блокирования компьютерной информации.

3. Кибер вандализм как угроза.

В научной литературе кибер вандализм понимается как одна из многочисленных форм девиантного онлайн-поведения¹⁴⁰ и рассматривается в двух основных проявлениях:

— внутриигровой кибер вандализм – процесс, в котором одни игроки целенаправленно преследуют других игроков в многопользовательских онлайн-играх с целью разрушения «удовольствия других пользователей от игры путем нарушения отдельного функционала, использования брани, блокирования других пользователей и т.д.¹⁴¹;

¹⁴⁰ Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 45-66.

¹⁴¹ Середа А.Ю. Особенности кибербуллинга как одного из видов современных правонарушений в виртуальном пространстве // Оригинальные исследования. 2022. Том 12. № 11. С. 364.

— видеоконференционный вандализм (зумбомбинг) — «преднамеренная атака, когда пользователи получают доступ к видеоконференции и, транслируя различный неприемлемый контент, используя нецензурные выражения, срывают мероприятие, оказывая негативное воздействие на его участников»¹⁴².

Отметим, что в вышеприведенных значениях кибер вандализм рассматривается как хулиганское поведение. Однако выразим согласие с мнением исследователей, которые указывают, что кибер вандализм может быть способом совершения различных преступлений против собственности.

Так, Ю.Д. Митин справедливо указывает, что «сегодня мы не просто пользователи интернета – мы создаем цифровых аватаров, которые становятся нашими представителями в виртуальном мире... Цифровой аватар – это виртуальное представление пользователя в цифровом пространстве. Это может быть как простой профиль в социальной сети, так и полностью оцифрованное 3D-представление человека, с которым можно взаимодействовать в метавселенной... Аватар представляет вас в виртуальном пространстве (в играх, виртуальных офисах, мероприятиях), хранит данные, связанные с вашим поведением и предпочтениями, может быть связан с вашими финансовыми и юридическими активами... С развитием VR и метавселенных цифровые аватары становятся мишенью для злоумышленников. Они могут быть взломаны, скомпрометированы, а их данные – украдены»¹⁴³.

С учетом сказанного, не выглядит надуманным и футуристичным предложение профессиональных юристов об установлении уголовной ответственности за кражу виртуальных активов, в том числе дорогих персонажей электронных игр.

¹⁴² Дмитриева О.А., Ванюшина Н.А. Зумбомбинг как объект лингвистического исследования // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (1). С. 38.

¹⁴³ Митин Ю.Д. Правовая защита цифровых аватаров и личных данных в виртуальной реальности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/legal/1826222-pravovaya-zashita-cifrovyyh-avatarov-i-lichnyh-dannyh-v-virtualnoi-realnosti> (дата обращения: 11.03.2025).

В уголовно-правовой литературе сегодня уделяется большое внимание вопросам защиты так называемого виртуального игрового имущества¹⁴⁴.

Так, В.В. Хилюта пишет: «Правоприменительной практике уже известны такие случаи, когда у пользователей компьютерных игр незаконным образом похищались виртуальные объекты-вещи: персонажи многопользовательских компьютерных игр, их атрибуты и артефакты, танки, космические корабли и тела, виртуальная компьютерная валюта и т.д. Способы совершения подобных противоправных действий в основном сводятся к незаконному доступу к аккаунту (учетной записи) пользователя компьютерных игр и состоят в следующем:

- завладение предметами игрового мира (экипировкой, оружием, снаряжением, моделью танка, земельным участком);
- хищение игровых персонажей, имеющих ценность благодаря присущим им свойствам, рейтингу, атрибутам и другим качественным характеристикам;

¹⁴⁴ См. напр.: Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35; Беликова К.М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 1–28; Бруньковский Н.Н. Актуальные проблемы правового регулирования индустрии компьютерных игр // Евразийская адвокатура. 2024. № 2 (67). С. 86–90; Ванина А.В. Определение признаков виртуального объекта при совершении преступлений против собственности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. №2 (55). С. 178–182; Гаразовская Н.В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-SCIO. 2020. № 4 (43). С. 276–290; Ефремова М.А. Уголовно-правовые средства противодействия преступности в условиях цифровизации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 2. С. 21–26; Жмуров Д.В. Цифровая кража: понятие, содержание, жертвы и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 35–43; Кузнецов С.К. Игровое имущество как предмет хищения // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 299–308; Мансуров Г.З. Правовой режим аватаров NFT в метавселенной // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С.47–51; Пермяков М. В., Банных С.Г., Краснов Р.В. Преступность в киберспорте // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 223–224; Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 127–150; Сафронюк А.О., Гримальская С.А. К вопросу об уголовной ответственности за кражу игровых виртуальных предметов и аккаунтов в Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 5. С. 378–381; Степанов П.П., Филатова М.А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 744–755; Степанов П.П., Филатова М.А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества // Russian Journal of Criminology. 2021. № 6. С. 744–755 и др.

- приобретение права на получение определенных услуг игрового мира;
- хищение виртуальной игровой валюты, которая предоставляет возможность приобрести определенные виртуальные ценности в рамках игрового процесса»¹⁴⁵.

М.А. Филатова и П.П. Степанов приводят очень показательный для нашего исследования пример из судебной практики, когда «виновный незаконно получил пароль и логин от почты и выдвинул владельцу игрового аккаунта требование о передаче денежных средств. Подкреплением требования выступила угроза лишения потерпевшего всего игрового имущества, если денежные средства не поступят до 23:00. Денежные средства потерпевший не перечислил, утром обнаружил, что вся его техника – 21 танк – продана, экипажи демобилизованы, модули распроданы, камуфляж уничтожен. Техническая поддержка сайта восстановила все боевые машины (21 танк), но не восстановила экипажи, модули и камуфляж, что делает сами танки бесполезными, не способными принимать участие в боях в полной мере. Потерпевший указывал, что бесплатный экипаж по уровню навыков, боеспособности и мощности является просто мишенью для более опытных игроков и не способен удовлетворить потребности потерпевшего как пользователя с большим опытом. В силу того, что экипаж и модули он покупал за реальные денежные средства, реальный имущественный ущерб ему, несомненно, был причинен. Однако суд не учел данные аргументы потерпевшего. С нашей точки зрения, все вышеописанное представляет собой причинение имущественного ущерба и, более того, могло бы быть квалифицировано по совокупности с вымогательством»¹⁴⁶.

Таким образом, современные доктринальные воззрения и актуальная судебная практика формируют предпосылки для уголовно-правовой оценки

¹⁴⁵ Хилота В.В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 70.

¹⁴⁶ Степанов П.П., Филатова М.А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества. С. 752.

отдельных проявлений кибер вандализма как имущественного преступления. Компьютерная игровая информация в ряде случаев является для онлайн-пользователей весьма «чувствительной», как в имущественном, так и в других аспектах. Соответственно, такая информация может быть конвертирована преступником в угрозу с целью совершения вымогательства или иных преступлений против собственности.

§ 2.3. Угроза компрометирующей информацией

Угроза компрометирующей информацией как способ совершения преступлений против собственности наиболее характерна для вымогательства (хотя на практике встречаются случаи, когда такая угроза может выступать признаком мошенничества¹⁴⁷).

В соответствии с ч. 1 ст. 163 УК РФ, законодатель не упоминает в числе признаков вымогательства угрозу компрометирующей информацией, формулируя такую вымогательскую угрозу как угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, а также как угрозу распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» даны следующие разъяснения относительно вышеуказанных видов вымогательской угрозы:

а) «под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка)»;

¹⁴⁷ См.: Амасьянц А. Вымогательство или мошенничество? Поддержав доводы защиты, суд переквалифицировал действия подсудимого со ст. 163 на ст. 159 УК РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vymogatelstvo-ili-moshennichestvo/?ysclid=lgxh6w0b9c438229608> (дата обращения: 12.01.2025).

б) «к иным сведениям, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего либо его близких, относятся, в частности, любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну».

А.Г. Безверхов называет такие угрозы «вымогательским шантажом»¹⁴⁸.

Как отмечают специалисты, именно вымогательский шантаж вызывает наибольшие сложности при квалификации¹⁴⁹, в связи с чем приведенные выше положения продолжают оставаться предметом научно-практических дискуссий по следующим актуальным направлениям:

1) что составляет содержание терминов «позорящие» и «порочащие» сведения, каково их соотношение¹⁵⁰;

2) что следует относить к сведениям, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего либо его близких, кроме охраняемой законом тайны¹⁵¹;

3) возможно ли признавать вымогательством действия лица, которое адресует потерпевшему вымогательское требование, угрожая не удалением ранее распространенных позорящих или иных сведений¹⁵²;

4) может ли так называемый корпоративный шантаж при явном злоупотреблении акционером своими правами быть квалифицирован как вымогательство¹⁵³;

¹⁴⁸ Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации вымогательства // Уголовное право. 2016. № 2. С. 8.

¹⁴⁹ См.: Асеев А.Ю., Чекмезова Е.И. Вымогательство: спорные вопросы квалификации // Уголовное право. 2024. № 11. С. 3-15; Бабурин В.В., Шарипова О.В., Ильина М.Г. Угрозы как способ совершения вымогательства // Закон и право. 2021. № 9. С. 86-88; Быкова Е.Г. Неявная угроза как способ вымогательства // Уголовное право. 2021. № 1(125). С. 13-16 и др.

¹⁵⁰ См. напр.: Карпов К.Н. Квалификация вымогательства при угрозе распространения сведений о совершенном лицом правонарушении либо аморальном поступке // Современное право. 2018. № 5. С. 77-83.

¹⁵¹ См. напр.: Мосечкин И.Н. Совершенствование перечня угроз, регламентированного в статье 163 УК РФ, как мера противодействия вымогательству // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. Т. 16. № 2. С. 257-267.

¹⁵² См. напр.: Хиллота В.В. Подлежит ли расширительному толкованию признак угрозы распространения сведений в составе вымогательства? / Законность. 2024. № 4. С. 48-51.

¹⁵³ См. напр.: Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34-38; Решетников А.Ю., Клоченко Л.Н. Корпоративный шантаж (гринмейл) как вид психического насилия // Вестник Академии Генеральной

5) как ограничивать вымогательский шантаж от смежных уголовно-наказуемых деяний¹⁵⁴ и др.

Никак не ставя под сомнение актуальность вышеперечисленных научно-полемиических направлений, отметим, что в последние годы все более заметными становятся научные публикации, посвященные современным для цифрового общества видам вымогательского шантажа¹⁵⁵.

Так, Д.А. Овсяков пишет, что при шантаже «угроза распространения сведений может как передаваться с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, так и реализовываться с их использованием путем размещения порочащей потерпевшего информации на сайтах и иных сетевых ресурсах либо передачи этой информации в личных электронных сообщениях, передаваемых через ИТС», при этом автор справедливо указывает, что «Передача позорящих потерпевшего сведений в личных сообщениях мало отличается от традиционной формы распространения сведений путем устного

прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2(64). С. 104-108; Шевчук Д.А. Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36-42 и др.

¹⁵⁴ См. напр.: Гладких В.И. Принуждение или вымогательство? (О проблемах разграничения ст. 179 и 163 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 32-38; Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: комментарий законодательных новелл // Уголовное право. 2023. № 11. С. 59-65 и др.

¹⁵⁵ См. напр.: Вертепова Т.А., Павелко П.А. Актуальные вопросы квалификации вымогательства, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4 (62). С. 50-54; Капитонова Е.А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 2 (162). С. 24-34; Капитонова Е.А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6(130). С. 19-27; Кобец П.Н. Противодействие компьютерному мошенничеству, кибервымогательству и иным опасным преступным посягательствам, совершаемым в современном цифровом пространстве // Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности: Сб. мат-лов XIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 18 марта 2024 г. Москва: Изд-во АНО ДПО «ЦРОН», 2024. С. 31-39; Лопатина Т.М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 118-126; Простосердов М.А. Вымогательство, совершенное в сети Интернет // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 150-152; Прудников И.Д. Уголовно-правовая оценка кибервымогательства // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 3 (65). С. 426-433 и др.

или письменного общения, но размещение информации в публичном доступе имеет более высокую степень общественной опасности»¹⁵⁶.

От себя добавим, что значительно более высокая степень общественной опасности вымогательского шантажа, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, обусловлена прежде всего тем, что доступ к незаконно распространяемой информации получает в таких случаях неограниченное число лиц. После чего соответствующая информация становится предметом оживленных обсуждений и споров, что многократно усиливает для потерпевшего негативный эффект ее огласки. Разные люди, в силу имеющихся знаний, жизненного опыта, предубеждений и пр., по-разному могут выражать свое отношение к полученной информации и к тому, кого она касается. Порой оценки могут быть прямо противоположными: от одобрительных до крайне негативных. В результате такого «масштабирования» вымогателем незаконного распространения сведений, которые потерпевший желал бы оставить без «посторонних глаз», практически любая «чувствительная» для него информация может оказаться пригодной для формирования злоумышленником шантажистской угрозы. Повторим, что в рассматриваемой ситуации качество шантажистской угрозы может получить любая «чувствительная» информация.

Яркий пример сказанному – ситуация, получившая название «Эффект Стрейзанд»: «В 2003 году в Сети появилось больше 12 000 фотографий калифорнийского побережья, сделанных фотографом Кеннетом Адельманом в рамках правительственного проекта по изучению эрозии почвы. На одном из фото с воздуха оказался виден особняк Барбары Стрейзанд – американской певицы и актрисы. К тому моменту, когда Стрейзанд заметила это фото и напустила на фотографа и сайт, на котором размещались фотографии, адвокатов, оно имело всего 6 скачиваний, причем 2 из них принадлежали ее юристам. Уже через месяц после начала судебного процесса это фото набрало

¹⁵⁶ Овсяков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-коммуникационных сетей: вопросы квалификации: монография под. ред. С.М. Кочои. М.: Проспект, 2023. С. 74-75.

почти полмиллиона просмотров... Именно тогда и появился термин «эффект Стрейзанд», означающий привлечение внимания публики к нежелательной информации, который только усугубляет ситуацию»¹⁵⁷. Иногда подобные ситуации «масштабирования» связывают с распространением в интернете вирусных видеороликов, аудио- и иных сообщений и т.п.

Таким образом, в условиях тотальной «интернетизации» серьезным образом изменились общественно опасные характеристики «вымогательского шантажа». Предметом такого преступления все чаще стали выступать не только порочащие сведения или сведения, способные причинить существенный вред правам и законным интересам, но также иные «чувствительные» сведения: о месте жительства, об образе жизни, о социальных связях, контактах, привычках и т.п. При передаче такого рода информации одному или нескольким посторонним, «эффекта» угрозы для обладателя такой информации, как правило, могло и не возникать, но в условиях «масштабирования» соответствующий риск многократно возрастает. Наблюдаются изменения сущности вымогательского шантажа.

Традиционно термин «шантаж» в уголовном праве употребляется для обозначения запугивания угрозой разоблачения или разглашения каких-либо компрометирующих сведений с целью вымогательства или достижения иных целей. В действующем уголовном законодательстве РФ термин «шантаж» используется в качестве признака составов целого ряда преступлений (ст. 133, 163, 283¹, 302, 304), а также в качестве квалифицирующего признака (ст. 127², 185⁵, 230¹, 309 УК РФ). Примечательно, что для определения вымогательства законодатель данным термином не пользуется.

В научной литературе можно найти разные понятия «шантаж».

Так, одни авторы под шантажом понимают угрозу распространения сведений, которые могут причинить существенный вред потерпевшему или его

¹⁵⁷ Лавринова К. Эффект Стрейзанд: что такое и как с его помощью можно повлиять на репутацию компании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lps.ru/blog/serm/2021/effekt-strejzand-chto-takoe-i-kak-s-ego-pomoshhyu-mozhno-povliyat-na-reputacziyu-kompanii> (дата обращения: 12.01.2025).

близким, используемую в принуждении¹⁵⁸. Другие – как «требование противоправной безвозмездной передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой распространения заведомо ложных сведений, позорящих потерпевшего или его близких, а равно иных сведений личного характера, которые могут причинить вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких»¹⁵⁹. Ряд авторов характеризуют также шантаж как «угрозу распространения компрометирующих сведений»¹⁶⁰, «ложных или истинных сведений, способных скомпрометировать потерпевшего»¹⁶¹, «...угрозу разоблачения, разглашения позорящих, компрометирующих сведений»¹⁶² и т.п. Есть точка зрения, согласно которой в определение шантажа необходимо включать не только угрозу разглашения компрометирующей информации, но также угрозу разглашения данных, способных нанести ущерб деловой репутации лица, а также распространение коммерческой информации, которая представляет интерес для конкурентов в бизнесе¹⁶³ (прил. 2). Однако общим для разных авторских трактовок уголовно-правовой категории «шантаж» является то, что в них указывается на угрозу распространения *компрометирующей информации* (курсив наш. – О.Ш.).

В уголовно-правовой литературе к компрометирующим, как правило, относят порочащие и позорящие сведения, а также сведения, которые могут

¹⁵⁸ Жданухин Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика шантажа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2005. С. 42.

¹⁵⁹ Нигамаева А.Р. Шантаж как способ вымогательства // Актуальные вопросы современных исследований: мат-лы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск, 2020. С. 141–145.

¹⁶⁰ Уголовное право России. Особенная часть: учеб. для акад. бакалавриата: в 2 т. / О. С. Капинус и др.; под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. 941 с. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/388373> (дата обращения: 01.08.2023).

¹⁶¹ Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть: учеб. для акад. бакалавриата: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. Т. 1. 383 с. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/438620> (дата обращения: 01.08.2023).

¹⁶² Курс уголовного права: учеб.: в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 3. С. 325.

¹⁶³ Грудинин Н.С. Вымогательство как непосредственная угроза экономике Российской Федерации // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества: сб. докл. по итогам IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Тула, 2018. С. 42–47.

причинить вред деловой репутации¹⁶⁴. Однако с учетом реализуемой нами концепции, повторим, что компрометирующей может для конкретного человека оказаться любая «чувствительная» для него информация.

В подтверждение своей позиции сошлемся на ряд современных исследований, посвященных уголовно-правовым рискам и защите деловой репутации человека, его имиджа как бизнесмена и в целом его репутации на просторах интернета.

Так, например, В.В. Килинкарров указывает, что «репутация включает в себя множество элементов, таких как «приобретаемую кем- или чем-либо общественную оценку, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого- или чего-либо, объединенную в целое пропорцию сведений положительных и отрицательных о качествах объекта, известных окружающим и в силу этого отраженных в общественном сознании как мнение»¹⁶⁵. Еще более широкое понятие имиджа, который «представляет собой поверхностное, зачастую искусственно созданное за сравнительно недолгое время, быстро и легко трансформирующееся представление об объекте, не требующее обязательной рациональной оценки его реальных качеств, которое складывается в сознании людей»¹⁶⁶.

В.В. Бальжинимаева пишет, что «на сегодняшний день в правовой и экономической литературе можно встретить термин «гудвилл», который иногда воспринимают как синоним термина «деловая репутация». Термин «гудвилл» пришел к нам из англо-американского права... под гудвиллом понимают «установившиеся деловые связи бизнеса, приобретенную в глазах потребителей и заказчиков бизнеса репутацию, сложившуюся клиентуру, имидж управляющего персонала и сотрудников, возможность приобретения связей, наличие внеконтрактных отношений с потенциальными заказчиками, базы

¹⁶⁴ См.: Алавердов О.С. Распространение компрометирующих сведений в глобальной сети Интернет: уголовно-правовой аспект // Право и образование. 2010. № 11. С. 167 и др.

¹⁶⁵ Килинкарров В.В. К вопросу о понятии деловой репутации в российском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 14. Вып. 1. С. 19.

¹⁶⁶ См. напр.: Правоторов В.В. Имидж работодателя: как репутация компании помогает управлять персоналом и бизнесом // Управление развитием персонала. 2005. № 4. С. 55.

данных, секреты, незарегистрированные товарные знаки, незапатентованные технологии и пр.»¹⁶⁷.

Согласно авторитетному мнению К. В. Ображиева в настоящее время все более острой становится проблема уголовно-правовых рисков, связанных с репутацией человека в Интернете и управлением ею: «В цифровую эпоху репутация приобретает вполне осязаемую материальную ценность, ведь позитивная оценка компании (ее товаров, работ, услуг) в социальных сетях, на площадках электронной коммерции и в рекомендательных сервисах позволяет привлекать клиентов, успешно реализовывать новую продукцию.

На этом фоне отмечается стремительное развитие рынка услуг по управлению репутацией в интернет-пространстве. Отечественный рынок ORM-услуг (*online reputation management*) находится в стадии становления. Он крайне непрозрачен; правовые и этические стандарты услуг по управлению репутацией в Сети пока не выработаны, границы дозволенного не определены. Спрос на ORM-услуги исходит преимущественно от коммерческих организаций и публичных лиц (чиновников разного уровня, политиков, общественных деятелей, руководителей крупных компаний), которые заинтересованы в формировании позитивного реноме и минимизации негативной информации об их деятельности в интернете.

Для удовлетворения этого спроса ежегодно создаются десятки новых PR- и ORM-агентств. Помимо этого, к оказанию ORM-услуг активно подключились СМИ (сетевые и традиционные), телеграм-каналы, новостные агрегаторы и иные информационные цифровые площадки. На возмездной основе они публикуют «нужную» информацию о заказчике, так называемую рекламу, отсекая любой негатив (в профессиональном сообществе эта услуга обозначается как «блок на негатив»)»¹⁶⁸. И далее: «Подобная деятельность

¹⁶⁷ Бальжинимаева В.В. Уголовно-правовые риски: репутация и имидж бизнеса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 84.

¹⁶⁸ Ображиев К.В. Уголовно-правовые риски при оказании услуг по управлению репутацией в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/251507> (дата обращения: 12.01.2025).

порождает серьезные уголовно-правовые риски. В 2022–2023 гг. были возбуждены уголовные дела в отношении администраторов телеграм-каналов по обвинению в вымогательстве (ст. 163 УК РФ), причем некоторые из этих дел уже завершились вынесением обвинительных приговоров. Формулировка обвинения во всех этих уголовных делах практически идентична: администраторам инкриминируется вымогательство денежных средств под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего.

Из материалов уголовных дел, находящихся в открытом доступе и имеющихся в нашем распоряжении, следует, что администраторы телеграм-каналов действовали по стандартной схеме. В канале публиковался пост или репост, содержащий негативную оценку публичного лица либо организации. Реагируя на эту публикацию, представитель публичного лица (компании) связывался с администратором телеграм-канала и в электронной переписке интересовался, возможно ли удалить соответствующий пост (репост) и на каких условиях. После этого администратор телеграм-канала называл представителю публичного лица расценки за удаление негативных публикаций, публикацию «рекламы» (постов с позитивным содержанием) и модерацию информации, касающейся соответствующего лица (так называемый блок на негатив), то есть предлагал платные услуги по управлению репутацией»¹⁶⁹.

От себя дополним, что уголовно-правовая оценка услуги «блок на негатив» как вымогательства осложняется, на наш взгляд, тем, что лицо, которое предоставляет данную услугу зачастую оперирует «чувствительной» информацией, не относящейся к категориям «порочащая», «позорящая», «способная существенно нарушить права и законные интересы», а также нередко данная информация вовсе не имеет компрометирующего характера. Однако обещание ее продолжать распространять все равно способно приобрести качество угрозы, пригодной для шантажа.

¹⁶⁹ Ображиев К.В. Уголовно-правовые риски при оказании услуг по управлению репутацией в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/251507> (дата обращения: 12.01.2025).

Очевидными проблемами квалификации содеянного как вымогательства в подобных случаях также являются:

- то, что инициативе по оплате услуг ORM, как правило, исходит от заинтересованного в нераспространении информации лица (т.е. фактически нет вымогательского требования);
- указанное лицо платит не за сокрытие (неразглашение) «чувствительных» сведений, а за их удаление;
- часто распространяемые сведения преподносятся в онлайн-пространстве как собственное мнение, но не утверждение о факте (что, например, позволяет замаскировать факт заведомой лжи).

Относительно последней проблемы следует сказать отдельно.

Так, например, в интернете можно найти немало примеров заключений специалистов-лингвистов, в которых рассматривалась проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров. В одном из таких заключений указывается, что «утверждение о фактах всегда основано на знаниях, которыми обладает говорящий», а «к информации, распространяемой в форме мнения и его разновидностей (предположения и сомнения, а также оценки), не предъявляется требование соответствия действительности. Если автор распространяет в форме мнения недостоверную или даже заведомо лживую информацию, то его нельзя обвинить в клевете: ведь он отображает свою картину мира. Равно нельзя предъявить ему претензию в распространении сведений, не соответствующих действительности, порочащей информации, т.е. в унижении чести, достоинства и деловой репутации»¹⁷⁰.

В научной литературе можно обнаружить много наглядных примеров того, как фактически диффамационные сведения могут выражаться как

¹⁷⁰ См.: Заключение комиссии специалистов-лингвистов от 17.09.2012 № 33-09/12 // Интернет-портал «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/8.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

субъективное мнение, что часто затрудняет правовую оценку соответствующих деяний, в том числе как вымогательство или клевета¹⁷¹.

Выводы по второй главе.

Выполненное в рамках заявленной нами концепции «чувствительной» информации изучение вопроса о видах угрозы как способе совершения преступлений против собственности показывает положительные результаты, подтверждает жизнеспособность избранного концептуального подхода, его перспективность.

В настоящей главе, в зависимости от информационного содержания угрозы, выделены и рассмотрены три ее разновидности в качестве способа совершения преступлений против собственности: угроза насильственной информацией, угроза информацией имущественного характера, угроза компрометирующей информацией.

Угроза насильственной информацией (так называемое информационное насилие или кибер насилие, кибер агрессия и т.п.) проявляется в различных формах девиантного онлайн-поведения. Отдельные формы такого поведения могут выступать информационным содержанием угрозы, используемой для совершения вымогательства или иных преступлений против собственности. В соответствующем уголовно-правовом дискурсе требуется дальнейшее изучение таких онлайн-девиаций, как кибер буллинг, троллинг, флейминг, хейтинг и др. Исследование показывает, что информация, транслируемая в рамках указанных онлайн-девиаций, часто носит психотравмирующий характер и, соответственно, может использоваться злоумышленниками в качестве насильственной угрозы. При этом такие угрозы оказываются не всегда связаны с угрозой применения насилия в традиционном смысле (угрозой убийством и

¹⁷¹ См. напр.: Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 132-145; Распопова Т.А. Утверждение о фактах, мнение, предположение и оценочное утверждение как формы выражения высказываний в лингвистической экспертизе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2017. № 1(9). С. 121-128; Гаджиалиева Н.Ш., Абдурахманов Д.К. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. № 3. С. 129-133.

т.д.). Угрозы насильственной информацией по содержанию могут выражаться в высмеивании, троллинге, преследовании спам-сообщениями, выражении остракизма в отношении потерпевшего и других психотравмирующих деяниях, которые непосредственно не связаны с угрозой применения физического насилия. Отдельного перспективного внимания требует вопрос о проявлениях насильственного информационного воздействия в условиях иммерсивной реальности.

Рассмотрение угрозы имущественного характера в русле заявленной концептуальной идеи позволило выделить такие актуальные и явно недостаточно изученных уголовно-правовые проблемы, как:

— проблема использования преступниками в качестве угрозы для совершения преступлений против собственности самого факта незаконного обладания «чувствительной» для потерпевшего информацией (при этом для потерпевшего угрожающее воздействие выражается, прежде всего, в том, что он не может контролировать и обеспечить сохранность информации);

— угроза осуществить с «чувствительной» информацией не только ее уничтожение (повреждение), но другие разнообразные деяния (копирование, модификацию, декомпиляцию, копирование, блокировку), часто используется как способ совершения преступлений против собственности (при отсутствии адекватного уголовно-правового обеспечения противодействия им);

— угроза кибер вандализма связана не только с проявлениями хулиганства в онлайн-пространстве; часто такие деяния являются угрозой уничтожить, повредить или оказать иное негативное воздействие на виртуальное имущество, а данная угроза, в свою очередь, используется как способ совершения преступлений против собственности (как правило, в физическом аспекте).

Угроза компрометирующей информацией может выступать как способ завуалированного шантажа, при этом содержание такой информации составляют не только позорящие, порочащие и другие подобные сведения, но любая «чувствительная» для потерпевшего информация (нейтрального или, в

ряде случаев, положительного характера). Уголовно-правовая характеристика компрометирующей информации постепенно выходит за пределы дискредитации, и часто связана с любыми фактами жизни конкретного человека (местом жительства, привычками, кругом знакомств, родословной, особенностями карьеры, деловыми контактами, имиджем и пр.). Особого уголовно-правового внимания требуют недобросовестные практики интернет-блогерства, оказания так называемых услуг «блок на негатив» и пр.

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Анализ эмпирической базы исследования в виде более двухсот приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ, а также приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 119, 167, 179, 330 УК РФ, показывает, что актуальные вопросы квалификации угрозы как способа совершения преступлений против собственности можно условно разделить на две группы:

1) традиционные вопросы, касающиеся определения характера и интенсивности угрозы, связанные с уголовно-правовой оценкой угроз неопределенной (неявной) и комбинированной информацией;

2) современные вопросы квалификации угрозы информацией насильственного, имущественного и компрометирующего характера, возникающие в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий.

Данные вопросы, во многих случаях, являются определяющими при отграничении смежных преступлений против собственности (насильственного грабежа, разбоя, вымогательства, угона) и иных преступлений (ограничения конкуренции, принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения, самоуправства). Рассмотрим указанные вопросы квалификации на основании актуальных практических примеров.

§ 3.1. Вопросы квалификации угрозы неопределенной (неявной) и комбинированной информацией

В абзаце 6 пункта 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что в случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие и т.п.

При всей ценности данных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ укажем, что вопрос оценки рассматриваемых угроз в практической сфере продолжает оставаться весьма проблематичным.

Практике хорошо известны разнообразные формы выражения угрозы насильственной информацией неопределенного характера: «Все равно выбью денег, если не отдашь»¹⁷², «Я с тебя тогда здоровьем спрошу!»¹⁷³, «Хочу «выкурить» предпринимателей с кладбищ... «накошмарить» их»¹⁷⁴ и т.п. Это что касается бытовых форм выражения неявных угроз. Однако в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий общественная опасность

¹⁷² Архив Клявлинского районного суда Самарской области. Уголовное дело № 1-2-12/2024. Приговор Клявлинского районного суда Самарской области от 25.07.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/9nzzqBtNALZbq> (дата обращения 01.03.2025).

¹⁷³ Архив Кировского районного суда г. Кемерово. Уголовное дело № 1-199/2017. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 23.08.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа https://kirovsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=94460417&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 01.03.2025).

¹⁷⁴ Архив Седьмого кассационного суда общей юрисдикции. Уголовное дело № 77-3642/2024. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31576075&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения 01.03.2025).

неопределенных угроз многократно возросла. Дело в том, что при совершении преступлений против собственности и других преступлений, сопряженных с угрозами, злоумышленниками зачастую моделируется и используется определенная обстановка, информационный фон, с учетом которых угроза выражается определенным образом. Такое целенаправленное формирование определенного контекста для информационного контента как угрозы становится все более изощренным, что позволяет преступникам многократно усиливать устрашающее воздействие той или иной информации, используемой как угрозы.

Так, например, в начале 2025 г. был зафиксирован первый случай вымогательства с использованием беспилотного летательного аппарата (дрона). По данным СМИ, «злоумышленники запустили квадрокоптер, который завис над частным домом и сбросил вниз записку с угрозами и муляж взрывного устройства. Адресатом письма стал глава семьи, которому сообщалось, что на его сына «заказали» убийство. Чтобы отменить покушение, ему предложили перевести биткоин – примерно 7,2 миллиона рублей – на указанный криптокошелек»¹⁷⁵. Обращает на себя внимание особый цинизм избранной вымогателями формы выражения угрозы, поскольку очевидно, что в современных условиях широкого применения дронов для террористических атак подобная угроза будет иметь серьезный устрашающий эффект.

Еще один показательный пример – вымогательские и мошеннические проявления, совершавшиеся в условиях пандемии COVID-19. Эксперты указывают, что «панические настроения и засилье страха перед пандемией коронавируса в новостях активно распаляли у россиян рефлекс с желанием постоянно получать всё новую «сенсационную» информацию о происходящем. Именно эту слабость и эксплуатировали мошенники»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Mash: зафиксировано первое вымогательство с применением дрона с муляжом СВУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/4403131> (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁷⁶ Марков М. С текущей недели начнётся вал вымогательств денег у россиян на самоизоляции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.ru/economics/uspeshno-vymogayut-dengi-u-rossiyan-na-samoizolyacii> (дата обращения: 20.03.2025).

Текст типового вымогательского требования в подобных ситуациях выглядел следующим образом: «Согласно геолокации Вами был нарушен режим карантина согласно статье 20.6.1 КоАП РФ. Вам необходимо оплатить штраф, согласно постановлению ФСИН № 168-322 от 10-04-2020 года в размере 4000 рублей на номер... Оплатить штраф Вы можете в любом терминале оплаты сотовой связи. В случае неоплаты в течение 24 часов против Вас будет возбуждено уголовное дело на основании ст. 236 УК РФ и 6.3. КоАП РФ»¹⁷⁷.

Контекст (информационный фон) выражения угрозы – главное, что, на наш взгляд, сегодня определяет характер и степень общественной опасности так называемых неявных, закамуфлированных и т.п. угроз. Именно такой критерий должен формировать соответствующие подходы в судебной практике при разрешении уголовных дел о преступлениях против собственности, в том числе в случаях бытовых, примитивных форм выражения неявных угроз.

В условиях определенного информационного контекста потерпевший может воспринять вымогательские требования в качестве реальных, независимо от того, осознает ли он, что могут наступить неблагоприятные последствия для него или не осознает их характера. «Оценивая реальность угрозы, потерпевший может судить не только по ее содержанию, но и из имеющийся информации, на основании которой он может сделать вывод о вероятности неблагоприятного исхода для него»¹⁷⁸.

Повторим, что определенный контекст выражения неявной угрозы имеет важное значение для правильной уголовно-правовой оценки соответствующей угрозы, в частности, как угрозы насилием, опасным для жизни или здоровья, либо не опасным для его жизни или здоровья.

В качестве положительного примера приведем приговор суда, постановленный в отношении Д., Е. и В., обвиняемых в совершении разбоя

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Сафин Ф.Ю. Угроза как форма психического насилия в составе вымогательства // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 198–203.

группой лиц по предварительному сговору¹⁷⁹. Согласно приговору судом установлено, что потерпевший А. увидел возле магазина Д., Е. и В. в состоянии алкогольного опьянения, которые зашли за ним в магазин и окружили его. Затем Д. обратился к А. со словами: «Здорово, брат, как тебя зовут?», «Дай мне 200 рублей, жена рожает, помоги мне». На что А. ответил, что у него нет денег. Потом Е. сказал: «Помоги нам, дай нам 200 рублей», а В. грубо сказал: «Ты кто такой? Какой нации? Как звать? У тебя кто старший?» В дальнейшем В. высказал угрозу в адрес А. словами: «Выходи из магазина, я тебя разобью». А. воспринял сказанные слова как реальные угрозы и передал денежные средства в размере 500 рублей. Суд установил, что высказанные Д., Е. и В. угрозы потерпевшему А. носили неопределенный характер, поэтому, оценивая степень опасности этих угроз и их восприятие А., суд счел, что данные угрозы позволяли реально опасаться потерпевшему применения в отношении него насилия. При этом суд учел, что преступление было совершено в светлое время суток, в людном месте, каких-либо действий, свидетельствовавших о намерении причинить А. серьезные телесные повреждения, нападавшими не предпринималось, какие-либо предметы, которые могли быть использованы для нанесения увечий потерпевшему, ими не применялись.

Суд констатировал, что сам по себе характер высказываний и действий Д., Е. и В. в отношении А. действительно вызывал у последнего опасения по поводу применения ими к нему насилия, однако оснований расценивать слова нападавших «выходи из магазина, я тебя разобью», «если не дашь денег, когда ты выйдешь, у тебя будут проблемы» как угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья, в сложившейся обстановке у А. не имелось, и, как следует из его показаний, таким образом он их на тот момент еще не воспринимал. При таких условиях содеянное Д., В. и Е. суд правильно переквалифицировал как грабеж, совершенный группой лиц по

¹⁷⁹ Архив Агинского районного суда Забайкальского края. Уголовное дело № 1-170/2023. Приговор Агинского районного суда Забайкальского края от 23.11.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/6SgB814o8bU6> (дата обращения: 01.03.2025).

предварительному сговору, с угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья.

Аналогичные подходы следует применять судам при уголовно-правовой оценке комбинированных (сочетанных) угроз.

Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции в кассационном определении по делу А., отклонила доводы осужденного о неверной квалификации его деяния, поскольку, по его мнению, им было «совершено покушение с негодными средствами, то есть с такими, которые не предназначены для нанесения вреда здоровью в виде колющих, режущих ран». Как установлено судом первой инстанции, А. совершил нападение на потерпевшую Ф. в подъезде жилого дома, где он схватил Ф. руками за лицо и шею, закрыл рот, повалил вниз, приставил руку к ее груди, угрожая изрезать ее ножом, и потребовал денежные средства. Суд расценил насилие, примененное А. как опасное для жизни Ф. и правильно квалифицировал содеянное как разбой по ч. 1 ст. 162 УК РФ¹⁸⁰.

В другом подобном примере приговором Ленинского районного суда г. Ульяновска Л. осужден по ч. 1 ст. 162 УК РФ за совершение преступления при следующих обстоятельствах. Л. подбежал сзади к сидящему на лавочке К. и приставил ему к шее заранее приготовленный самодельный деревянный предмет, конструктивно схожий с ножом, которым стал надавливать на шею К., и три раза высказал в адрес К. незаконные требования о передаче имущества, а также угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, выразившиеся словами: «Отдай телефон, иначе отрежу голову!» Потерпевший К. угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, со стороны Л. воспринял реально, а также воспринял реально угрозы применения со стороны Л. предмета, используемого в качестве оружия. Желая пресечь

¹⁸⁰ Архив Третьего кассационного суда общей юрисдикции. Уголовное дело № 77-2610/2023. Кассационное определение Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15675540&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

преступные действия Л., потерпевший К. стал оказывать ему сопротивление, схватил руку Л., в которой тот удерживал указанный предмет, перекинул ее через свою голову, после чего резко дернул Л. за руку. Л., не удержавшись на ногах, упал на колени, однако выхватил из рук К. сотовый телефон и с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся. В дальнейшем было установлено, что К. при совершении преступления использовал кусок деревяшки, рукоятка которого обмотана черной изолянтной, подобие клинка заточено остро, и который внешне был похож на нож¹⁸¹. В данном случае суд правильно квалифицировал хищение Л. как совершенное с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, приняв во внимание не только объективные обстоятельства (примененный для угрозы предмет, содержание устной угрозы, характер высказывания и др.), но также субъективное восприятие угрозы потерпевшим, включая оценку им свойств предмета, применением которого по его предположению угрожал виновный.

Приведем более неоднозначный пример.

Приговором Первомайского районного суда г. Мурманска Н. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ за совершение преступления при следующих обстоятельствах. Н. с использованием заранее подготовленного предмета, внешне схожего с обрезом охотничьего ружья (зонта), с целью осуществления угрозы применения насилия, зашел в помещение букмекерской конторы, где с целью подавления воли А. направил в ее сторону зонт и потребовал сохранять молчание. Подавив волю А. к сопротивлению, Н. повалил ее на пол, после чего поставил свою ногу ей на спину, и для психического воздействия на А. приставил зонт к ее голове. Далее Н. направил зонт под видом обреза в сторону кассира В. и высказал ей требование передать ему денежные средства, после чего с места совершения преступления скрылся и распорядился похищенным по своему усмотрению.

¹⁸¹ Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска. Уголовное дело № 1-70/2020. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 30.12.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/qKUNKoGh3HY> (дата обращения: 01.03.2024).

Квалифицируя действия Н. как разбой, суд, вопреки позиции стороны защиты нашел доказанным признак угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья. По мнению суда, об умысле Н. на разбой и, соответственно, угрозе применения такого насилия, свидетельствовали: сам характер его действий, направленных на завладение имуществом букмекерской конторы; демонстрация в ходе совершения преступления зонта, внешне схожего с обрезом охотничьего ружья.

По мнению суда, о наличии угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, свидетельствовали также следующие обстоятельства:

- нападение совершено Н. рано утром;
- в помещении, на момент совершения преступления находились только женщины;
- потерпевшие физически слабее подсудимого;
- подсудимым использовались средства маскировки (темная одежда, куртка с капюшоном, маска, закрывающая часть лица);
- Н. демонстративно размахивал зонтом перед потерпевшими под видом обреза, направляя его в их сторону, что субъективно для потерпевших создавало угрозу их жизни и здоровью.

Здесь выразим сомнение в достаточности вышеприведенных аргументов и продолжим.

В судебном заседании потерпевшие А. и В. подтвердили, что удерживаемый нападавшим предмет воспринимали как реальное оружие, которым им мог быть причинен вред жизни и здоровью, и испугались происходящего. При этом в обоснование своих выводов о том, что им угрожали настоящим оружием, потерпевшие пояснили, что имели представление о том, как оно выглядит из своего предшествующего жизненного опыта. Наряду с этим А. показала, что в момент нападения она, схватив удерживаемый Н. предмет, почувствовала холод металла, а В. пояснила, что свет от указанного предмета отражался как от металлического. Также из показаний потерпевших

следует, что Н., удерживая указанный предмет, подошел к ним на достаточно близкое расстояние. Кроме того, допрошенный в ходе судебного следствия свидетель С., являющийся экспертом, показал, что на видеозаписи, зафиксировавшей нападение, видно, что предмет, удерживаемый Н., внешне схож с обрезом охотничьего ружья. При этом указанные свидетелем характеристики этого предмета в виде горизонтально расположенных стволов и приклада отчетливо просматриваются на записи.

Установленные обстоятельства, по мнению суда, опровергли доводы стороны защиты об использовании Н. при нападении зонта, имеющего только внешнее сходство с оружием¹⁸².

Как видно из вышеприведенного судебного решения (отметим, что достаточно типичного), суд не установил, что подсудимый, угрожая зонтом, высказывал устные или иные угрозы, которые в совокупности могли бы адекватно отразить интенсивность угрожающего насилия как опасного для жизни и здоровья. Данное обстоятельство, полагаем, принципиально важным, поскольку, как верно отмечается в литературе, «неопределенные угрозы не конкретизируют тот вред, который может наступить при реализации высказанной угрозы, но в определенной обстановке, при использовании широкого спектра голосовых интонаций, каких-либо иных действий, передаваемая адресату информация может носить угрожающий характер»¹⁸³.

Отдельного внимания заслуживают сложные вопросы квалификации комбинированных (сочетанных) угроз в ситуациях, когда виновный, наряду с угрозами применения насилия, во их исполнение непосредственно совершает насильственные действия. В ряде случаев суды рассматривают данные

¹⁸² Архив Первомайского районного суда г. Мурманска. Уголовное дело № 1-70/2020. Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 22.05.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/kVks3reJ4Zmp> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁸³ Шмыгина О.В. Признак реальности в угрозе как способе совершения преступлений // Современные проблемы государства и права: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Сиб. ун-та потреб. кооперации (СибУПК) / под ред. Р.А. Процалыгина. Новосибирск, 2020. С. 282–285.

насильственные действия в рамках угрозы, считая их подкреплением такой угрозы.

Так, приговором Советского районного суда г. Воронежа К. признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 162 УК РФ за совершение разбоя с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья¹⁸⁴.

Судом установлено, что К., следуя по дороге, обратил внимание на идущую навстречу С. Воспользовавшись ранним временем суток и отсутствием посторонних людей в лесной зоне и на дороге, К. совершил нападение на потерпевшую С., схватив ее одной рукой за левую руку, а второй за шею потерпевшей, причинив ей тем самым физическую боль. Против воли последней он оттащил С. в сторону электроподстанции. Затем К. высказал С. угрозу применения опасного для её жизни и здоровья насилия, выразив словесное намерение убить её в случае невыполнения его требований. Данные угрозы С. расценила реально. Далее К. сел на упавшую на землю С., лишив возможности оказывать сопротивление, и похитил денежные средства и другое имущество потерпевшей.

Действия К. органами следствия были квалифицированы как разбой, совершенный с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также с применением такого насилия.

Отметим, что суд в приговоре указал, что «наличие его пота на одежде потерпевшей также подтверждает их физический контакт, что полностью исключается при простом словесном требовании передачи ценного имущества». Однако при этом суд не нашел подтверждения обвинения К. в применении самого насилия, опасного для жизни и здоровья. В этой части указанный признак был исключен судом как излишне вмененный. Суд указал, что действия К., связанные с удержанием потерпевшей руками за шею, угрозы

¹⁸⁴ Архив Советского районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 1-112/2022. Приговор Советского районного суда г. Воронежа от 29.03.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sovetsky-vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15752131&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

для её жизни не представляли. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы какого-либо вреда здоровью потерпевшей в результате нападения на неё не причинено. Сама же угроза его применения подтверждена потерпевшей и сомнений у суда не вызвала.

Приведем обратный пример.

Приговором Советского районного суда г. Самары осуждены Б., К. и Ч. за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ. Судом установлено, что участники группы совершили разбойное нападение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище. При этом суд, квалифицируя действия виновных, посчитал, что следствием излишне вменен признак «с угрозой применением насилия, опасного для жизни или здоровья», поскольку судебным следствием установлено, что подсудимые применили насилие, опасное для жизни и здоровья в отношении потерпевших¹⁸⁵.

Судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда в апелляционном определении указала, что правильно «исключая из обвинения осужденных альтернативный признак разбойного нападения – угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, как излишний, суд мотивировал свое решение установлением факта реального применения виновными насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшим¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Архив Советского районного суда г. Самары. Уголовное дело № 1-76/2021. Приговор Советского районного суда г. Самары от 14.12.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sovetsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=53771992&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁸⁶ Архив Самарского областного суда. Уголовное дело № 22-4215/2022. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 25.08.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://oblsud--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=31751285&_uid=0abccc2f-2f8f-4482-8dc2-04503eae456&_deloId=1540006&_caseType=&_new=4&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 01.03.2025).

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с такими решениями, посчитав, что уголовный закон применен неправильно по следующим основаниям.

Так, суд первой инстанции при описании преступных действий каждого из осужденных указал, что осужденные Б. и К., будучи физически развитыми, должны были в целях достижения преступного результата, при оказании сопротивления потерпевшим В. и находившихся с ним в квартире лиц, угрожать применением насилия опасного для жизни или здоровья, и при необходимости применить к указанным лицам физическое насилие, опасное для жизни или здоровья.

Из материалов дела следует и в судебном заседании установлено, что в отношении потерпевшего В. совершено разбойное нападение с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Из показаний потерпевшего В., которые суд признал достоверными, следует, что он слушал как осужденная Ч. требовала у потерпевшей Т. деньги, слышал крики последней, которая просила не бить её. В присутствии потерпевшего В. осужденный Б. приставлял нож к потерпевшему Ф. и говорил, что «сейчас отрежет голову, что ему терять нечего». Следовательно, осужденные своими преступными действиями демонстрировали находящему в беспомощном состоянии потерпевшему В. свое намерение применить насилие, опасное для жизни или здоровья.

При таких обстоятельствах судебная коллегия заключила, что суд первой инстанции не учел обстоятельства, которые существенно могли повлиять на выводы суда о квалификации действий осужденных¹⁸⁷. При новом рассмотрении дела в суде первой инстанции признак «с угрозой применения насилия» был инкриминирован.

¹⁸⁷ Архив Шестого кассационного суда общей юрисдикции. Уголовное дело № 77-2685/2023. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4549649&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

Вышеизложенное относительно поставленных в наименовании § 3.1 вопросов показывает, что при решении данных вопросов правоприменителям можно рекомендовать обратить внимание на следующее.

1. При определении характера и интенсивности угрозы неопределенной (неявной) информацией необходимо большее внимание уделять оценке контекста (информационного фона) выражения такой угрозы. Определенный контекст, как уже говорилось, в условиях современного развития информационно-телекоммуникационных технологий существенно влияет на общественную опасность используемых угроз. В особенности это касается ситуаций намеренного моделирования преступниками такого контекста, создания и использования ими определенного информационного фона для оказания большего устрашающего воздействия на потерпевшего. Информация о чрезвычайных происшествиях, террористических актах, вооруженных нападениях, эпидемиях, эпизоотиях, массовых панических настроениях, а также различная социально значимая дезинформация, используемые злоумышленниками как контекст для выражения определенных угроз, являются обстоятельством, заслуживающим отдельной уголовно-правовой оценки в рамках квалификации способа совершения преступлений против собственности, а также при назначении наказания за данные преступления.

2. При уголовно-правовой квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением комбинированной угрозы (сочетающей в себе угрозу применения насилия и применение насилия как такового), требуется внимательно изучать вопрос о самостоятельной уголовной релевантности такой угрозы как способа совершения данных преступлений. Не исключаются ситуации, когда данная угроза не может поглощаться признаком применения насилия, поскольку имеет непосредственное, обособленное уголовно-правовое значение.

Полагаем, что в значительной степени способствовать правильному решению указанных вопросов может предлагаемая нами концепция «чувствительной» информации.

§ 3.2. Вопросы квалификации угрозы информацией насильственного, имущественного и компрометирующего характера в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий

Современное и перспективное развитие интернета, других информационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта, расширение средств виртуальных коммуникаций и другого функционала гаджетов, формирование мета-вселенных кардинально меняют традиционные представления об угрозе как о способе преступлений, в том числе преступлений против собственности. Угрозы информацией насильственного, имущественного и компрометирующего характера в указанных условиях продолжают обретать свой собственный облик, характеризуются иными характером и степенью общественной опасности.

В этой связи специалисты указывают, что «проблема пределов распространения норм «реального» права на отношения, складывающиеся в «виртуальных» игровых средах, в действительности является лишь частью общей проблемы поиска разумных границ толкования права в условиях медиального поворота»¹⁸⁸. При этом констатируется факт, что «мета вселенные станут настоящим раем для киберпреступников»¹⁸⁹.

В зарубежной практике известны случаи уголовного преследования лиц, совершивших имущественные преступления в так называемых мета-вселенных. Например, в Китае злоумышленник использовал ботов (компьютерных персонажей) в компьютерной игре Lineage для нападения на других

¹⁸⁸ См.: Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 1 (34). С. 73.

¹⁸⁹ Черноусов И. Метавселенные могут стать раем для киберпреступников // Российская газета. 2022. 6 февр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/06/metavselennye-mogut-stat-raem-dlia-kiberprestupnikov.html> (дата обращения: 27.02.2025).

персонажей, а награбленное виртуальное имущество продавал за реальные деньги на сетевых аукционах¹⁹⁰.

В российской практике есть подобные примеры, которые касаются совершения террористических преступлений¹⁹¹, однако прецедентов уголовной ответственности за данного рода имущественные преступления пока нет. Хотя эксперты оценивают оборот российского рынка виртуального оружия в компьютерных играх в миллиарды рублей¹⁹², уголовно-правовые проблемы насильственных проявлений внутри мета вселенных пока что остаются лишь предметом научных дискуссий¹⁹³.

Вместе с тем в сложившейся ситуации все большее распространение получают преступления против собственности, совершаемые с использованием угрозы информацией имущественного и компрометирующего характера. Обратимся к рассмотрению вопросов уголовно-правовой квалификации таких угроз.

1. Вопросы квалификации угрозы информацией имущественного характера как способа совершения преступлений против собственности.

Все более актуальными становятся ситуации, когда преступники предъявляют вымогательские требования под угрозой продолжать блокировку доступа к определенной компьютерной информации либо совершить с данной информацией иные противоправные действия, формально не подпадающие под определения «уничтожение» и «повреждение» (скопировать, декомпилировать, модифицировать и т.п.). В § 2.2. настоящей диссертации приводился яркий пример совершения данного преступления, в котором наглядно было показано,

¹⁹⁰ Японец арестован за виртуальное вымогательство // Портал «Gameplus.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gameplus.ru/news/76.html> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁹¹ См.: Микуляк Л. Задумавшего взрыв здания ФСБ в Minecraft школьника осудили на пять лет колонии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/02/10/minescrap> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁹² Лялин Р. Школьники воруют у родителей миллионы на виртуальное оружие в играх и несут мошенникам. Как это остановить / Комсомольская правда. 2023. 8 февр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27463/4717883> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁹³ См. напр.: Степанов П.П., Филатова М.А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 744-755 и др.

с какими сложностями сопряжена уголовно-правовая квалификация содеянного в части посягательства на имущество¹⁹⁴.

Действительно, изучение судебной практики показывает, что во многих таких случаях имущественная угроза не получает самостоятельной уголовно-правовой оценки в приговорах, поскольку соответствующие преступления квалифицируются судами только как преступления в сфере компьютерной информации. При этом квалификация по совокупности с преступлениями против собственности часто является юридически невозможной.

Приведем показательный пример вымогательства с использованием вредоносных компьютерных атак.

Приговором Харабалинского районного суда Астраханской области С. осужден за совершение преступлений при следующих обстоятельствах. Используя компьютерную информацию, заведомо предназначенную для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру РФ (КИИ), С. совершил преступные действия, именуемые DDos-атака (распределённая атака), при которых создаётся избыточная нагрузка на сервер, что приводит к отказу системы¹⁹⁵.

Так, при помощи веб-браузера С. произвел подключение к сайту КИИ, активировав вредоносную компьютерную атаку. В результате его действия привели к направлению большого количества запросов на интернет-ресурсы сайта КИИ с целью превышения производительности их своевременной обработки, что повлекло несанкционированное блокирование компьютерной информации, а также нейтрализацию средств защиты компьютерной информации, размещенной на сайте КИИ. В дальнейшем С. по интернету

¹⁹⁴ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.11.2023 г. по делу № 88-УДП23-7-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁹⁵ Архив Харабалинского районного суда Астраханской области. Уголовное дело № 1-237/2022. Приговор Харабалинского районного суда Астраханской области от 21.12.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://harabalinsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=182264936&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

связывался с представителями КИИ с требованиями денежных средств за прекращение совершаемых им вредоносных компьютерных атак.

С. осужден по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ (четыре эпизода).

Как видно, фактические вымогательские требования в подобных ситуациях трудно юридически квалифицировать по ст. 163 УК РФ ввиду того, что в составе вымогательства имущественная угроза определена только в виде угроз уничтожения или повреждения имущества. Полагаем, что на данный пробел необходимо обратить внимание законодателю.

В дополнение к сказанному, укажем на актуальные ситуации, когда так называемые хакеры не принимают самостоятельного участия в совершении преступлений против собственности, получая доход от создания и распространения вредоносных компьютерных программ, используемых другими для указанных преступлений. Отметим, что в некоторых случаях данные программы могут выглядеть вполне безобидно. В рядах программистов и геймеров такие программы часто называют читами (от англ. *cheat* – жульничество) или ботами (от сокр. «робот»).

Так, например, в середине 2022 года в Екатеринбурге состоялся первый прецедент осуждения создателя читов и ботов для известных многопользовательских компьютерных онлайн-игр. Приговором Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга К. осужден по ч. 2 ст. 273 УК РФ¹⁹⁶.

Как указывается в приговоре, при допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого К. сообщил, что имеет высшее образование по специальности «программист», с 2005 по 2014 гг. работал в различных организациях, с 2015 г. занимается ремонтом компьютеров на дому. По обстоятельствам дела пояснил, что в середине февраля 2013 г. решил создать компьютерные программы, управляющие играми World of Tanks и World of Warships без затрачивания

¹⁹⁶ Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга. Уголовное дело № 1-382/22. Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 06.07.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://verhisetsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=258206328&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

человеческих ресурсов. Собрав и изучив необходимую информацию, К. приступил непосредственно к программированию и уже в марте 2014 г. создал первую версию бота с набором функций, изменяющих и тем самым упрощающих игру. Файл он разместил на своем интернет-сайте, где в течение года пользователи могли скачивать его бесплатно, а уже в начале 2015 г. ввел платные ключи доступа. Стоимость бота зависела от количества боев: 25 руб. за 150 боев, 230 руб. за 1 500 боев, 730 руб. за 5000 боев, 2 125 руб. за 15 000 боев, оплата производилась в криптовалюте. В 2018 г. по аналогичному принципу он создал программу для компьютерной игры World of Warships, в декабре 2019 г. разместил ее для скачивания и покупки пользователям на интернет сайте: 7 руб. за 50 боев, 15 руб. за 150 боев, 138 руб. за 1 500 боев, 438 руб. за 5 000 боев. При создании и распространении вредоносных программ осознавал, что они вносят несанкционированные изменения и модификацию игр.

На первый взгляд приведенная ситуация может показаться эксцессом конкретного «компьютерщика», возмнившего себя хакером. Однако совершенно иначе выглядит общественная опасность данных преступлений, если спрогнозировать ближайшее развитие соответствующей криминальной ситуации в России с учетом имеющегося зарубежного опыта.

Так, например, по данным СМИ, «полиция Китая накрыла крупнейшее в мире предприятие по продаже читов для видеоигр... Подписка на чит стоила от 10 долларов в день. Всего банда заработала 76 млн долларов. Были задержаны 10 человек и уничтожены 17 читов. Полиция Японии арестовала гражданина Китая, который проживает в Токио, за модификацию сохранений для игры The Legend of Zelda: Breath of the Wild и их продажу... Автор модификаций изменял параметры персонажа, а также упрощал добычу редких предметов. Ему удалось заработать около 6,7 млн руб. В Южной Корее осудили 28-летнего геймера за читы в игре Overwatch. Суд приговорил его к году условно и двум годам

испытательного срока... В обмен на читы хакер получил порядка 200 млн вон, что составляет около 179 тыс. долларов США¹⁹⁷.

2. Вопросы квалификации угрозы информацией компрометирующего характера как способа совершения преступлений против собственности.

Практика свидетельствует о том, что характер и содержание данных угроз может быть различным: в преступных целях выражаются угрозы предания гласности информации клеветнического, диффамационного характера и иной компрометирующей информации; информации конфиденциального характера; информации, наделенной правовым режимом коммерческой и иной охраняемой законом тайны; информации о персональных данных и др.

Участились случаи совершения вымогательств под угрозой распространения интимных фотографий и видеоматериалов, хранящихся на закрытых для общего доступа, личных страницах пользователей в социальных сетях.

Во многих случаях содеянное не отвечает признакам вымогательства или иного преступления против собственности, что связано с проблемами уголовно-правовой оценки соответствующих угроз. Рассмотрим далее данные проблемные вопросы.

2.1. Вопросы уголовно-правовой квалификации угрозы дальнейшего нераспространения компрометирующей информации («блок на негатив»).

В СМИ прецеденты совершения данных преступлений получили освещение как «дела администраторов telegram-каналов»: «В российском уголовном судопроизводстве в 2023 году появилась новая актуальная тема. Состоялся целый ряд процессов по уголовным делам, фигурантами которых были администраторы и сотрудники telegram-каналов.

¹⁹⁷ Бурова Т., Ворожцов П. Черноусов И. Чем завершился первый в России судебный процесс над создателем и продавцом читов и ботов для игр World of Tanks и World of Warships // Сетевое издание «Областная газета». 2022. 7 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.oblgazeta.ru/society/criminal/136974> (дата обращения: 27.02.2025).

Поводом для их уголовного преследования становилось требование обвиняемыми денег за удаление постов или установку блоков на негативные публикации»¹⁹⁸.

В юридическом сообществе мнения относительно уголовно-правовой оценки рассматриваемых деяний разделились, вплоть до отрицания наличия состава преступления. Например, указывается, что «возрастающее количество уголовных дел в отношении представителей медиа, руководителей PR-компаний и рядовых предпринимателей позволяет сделать вывод, что обвинение в вымогательстве за «блоки на негатив» уже становится тревожной тенденцией. И что самое волнующее, правоприменитель не первый раз идет по пути создания практики, которая прямо противоречит доктринальному определению общественно опасного деяния, в этом случае – вымогательства»¹⁹⁹.

Выразим согласие с теми специалистами, которые при правовой оценке подобных деяний не склонны рассматривать их сквозь призму гражданско-правовых отношений, как оказание неких PR-услуг, услуг по рафинированию медийного имиджа определенного лица и т.п. Не могут рассматриваться как консалтинг по вопросам имиджа действия, когда «консультант» изначально формирует негативный информационный фон о человеке (причем необязательно с конкретным компроматом), а затем требует вознаграждение за то, чтобы остановить публикации негативного характера («стоп на негатив») и модерировать соответствующий информационный ресурс. Такие деяния подлежат квалификации как вымогательство. Опубликованные приговоры по

¹⁹⁸ Александров А. Блок не помешал процессу / Интернет-портал «Коммерсантъ». 2024. 3 янв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797> (дата обращения: 27.02.2025); Мартынова П. Фигуранты дела телеграм-канала «Что-делать» получили до 8 лет колонии / Интернет-портал «RBC.ru». 2024. 5 апр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2024/660fe52b9a79472985cd4f42> (дата обращения: 27.02.2025); Суд вынес приговор трем администраторам telegram-каналов по делу о вымогательстве у Канделаки / Интернет-портал «Известия». 2023. 29 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1520195/2023-05-29/sud-vynes-prigovor-trem-administratoram-telegram-kanalov-po-delu-o-vymogatelstve-u-kandelaki> (дата обращения: 27.02.2025) и др.

¹⁹⁹ Слащев В., Шеляшкова А. Последствия неверного толкования диспозиции, предусмотренной ст. 163 УК / Интернет-портал «ПРАВО.RU». 2024. 16 янв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/250964> (дата обращения: 27.02.2025) и др.

резонансным уголовным делам администраторов telegram-каналов (приговоры в отношении А. Баязитовой, А. Слободенюка, К. Суханова и др.) подтверждают сказанное²⁰⁰.

Вместе с тем при уголовно-правовой оценке соответствующих деяний необходимо обратить внимание на следующее.

Во-первых, в подобных ситуациях злоумышленники часто формулируют вымогательское требование с обещанием дальнейшего нераспространения негативных сведений. Иными словами, негативные сведения уже распространены, и угроза состоит в том, что такие сведения не будут удалены.

В этой связи приведем мнение ряда уважаемых специалистов о том, что «в момент размещения в телеграм-канале негативной информации о физическом или юридическом лице распространение порочащих сведений завершено», и поскольку конструкт «длящегося преступления» в этой ситуации неприменим, содеянное нельзя квалифицировать как вымогательство²⁰¹.

С нашей точки зрения данный подход вызывает сомнение, поскольку угроза нераспространения определенных сведений может быть интерпретирована как угроза продолжить дальнейшее распространение, что не препятствует квалификации данной угрозы как вымогательской.

Во-вторых, в рассматриваемых случаях следует внимательно изучать вопрос о том, что именно злоумышленники предлагают понимать под негативом. Речь может идти о самой разнообразной информации, и задача при

²⁰⁰ См. напр.: Архив Хамовнического районного суда г. Москва. Уголовное дело № 01-0029/2024. Приговор Хамовнического районного суда г. Москва от 17.05.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/cases/docs/content/49922900-1441-11ef-aafa-a91ff6c33f70> (дата обращения: 01.03.2025); Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 10-12071/24. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 28.08.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/a5616c80-654c-11ef-a948-8b9f089edc1b> (дата обращения: 01.03.2025); Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 10-16523/2023. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.08.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/092319a0-4256-11ee-8513-8bdac3c9f91e> (дата обращения: 01.03.2025).

²⁰¹ См. напр.: Ображиев К.В. Уголовно-правовые риски при оказании услуг по управлению репутацией в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/251507> (дата обращения: 12.01.2025).

квалификации состоит в том, чтобы определить уголовно-правовой статус такой информации:

а) как «сведений, позорящих потерпевшего или его близких»;

б) как «сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

Приведем типовое для судебного решения уголовно-правовое описание рассматриваемых признаков: «Преступление совершено под угрозой распространения не являющихся общедоступными и не подлежащими распространению сведений о коммерческой, трудовой и иной деятельности, личной, семейной и общественной жизни, а также негативной, компрометирующей, дискредитирующей и иной позорящей информации, в том числе порочащей честь, достоинство и подрывающей деловую репутацию, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего и его близких, в отношении граждан, из числа материально обеспеченных лиц, являющихся публичными личностями, распространение в отношении которых в публичных, доступных для ознакомления неограниченного круга лиц источниках... негативных, компрометирующих, дискредитирующих и иных вышеуказанных сведений, может причинить существенный вред их правам и законным интересам, а также правам и законным интересам их близких».

Как видно, суд, раскрывая, что подразумевали вымогатели под негативом, который за вознаграждение обещали «блокировать», привел все указанные и не указанные в ст. 163 УК РФ виды сведений, распространением которых может угрожать вымогатель. Из приведенного судебного решения отметим ряд не уголовно-релевантных для квалификации вымогательства характеристик угрожающих сведений: «общедоступные», «сведения об общественной жизни», «негативные сведения», «компрометирующая и дискредитирующая информация».

Суд, очевидно понимая, что данные характеристики сведений не являются юридическими признаками вымогательской угрозы (из буквального толкования

положений ст. 163 УК РФ), объединил все вышеуказанные негативные сведения в один признак вымогательства: признак «сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Однако суд в приговоре не привел обоснования того, какой именно вред мог быть причинен распространением таких сведений, кому именно и в чем заключалась бы его существенность. На это необходимо обращать внимание при постановлении соответствующих правоприменительных решений.

2.2. Вопросы уголовно-правовой квалификации угрозы распространения сведений, способных причинить вред законным интересам юридического лица.

Как показывает практика, угроза распространения сведений, которые могут причинить вред законными интересам юридических лиц, часто совершаются в условиях корпоративных споров и конфликтов.

Так, органами следствия Л. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

Л., реализуя преступный умысел на совершение вымогательства денежных средств в особо крупном размере, принадлежащих АО «П.», потребовал у М., являющегося генеральным директором АО «П.», передачи данных денежных средств. При этом Л. угрожал распространить сведения, позорящие АО «П.», а именно компрометирующих сведений о противоправной деятельности АО «П.».

Суд, квалифицируя действия Л., не согласился с уголовно-правовой их оценкой, данной органами следствия, по следующим основаниям. По мнению суда, как следует из предъявленного подсудимому обвинения, требование о передаче денежных средств в особо крупном размере было высказано потерпевшему М., и было выдвинуто под угрозой распространения сведений, касающихся неправомерной деятельности АО «П.», позорящих последнее. Однако обвинение не содержало описания того, какие конкретно сведения был намерен распространить подсудимый в случае невыполнения его требований. Данное обстоятельство сделало, по мнению суда, невозможным оценить,

являлись ли данные сведения позорящими (компрометирующими) АО «П.». Кроме того, обвинение, предъявленное Л., не содержало указания на обязательный признак вымогательства – описания того, каким образом и в какой степени разглашение указанных сведений, могло нарушить интересы юридического лица АО «П.»²⁰².

Приведем другой характерный пример, в котором правильная оценка следствием и судом угрожающих сведений позволила дать верную уголовно-правовую квалификацию содеянного как самоуправства, но не как преступления против собственности.

Ленинским районным судом г. Севастополя В. осуждена по ч. 2 ст. 330 УК РФ за совершение преступления при следующих обстоятельствах. В., действуя во исполнение умысла на предъявление незаконного требования о передаче недвижимого имущества (комплекса зданий и сооружений), находящегося в собственности г. Севастополя, с целью последующего владения, пользования и распоряжения данным имуществом в своих интересах, высказала угрозу распространения сведений об имеющейся причастности должностных лиц к экономическим спорам. В., осознавая характер угрожающих сведений как публичной диффамации, действовала с целью создания негативного общественного мнения о якобы незаконных действиях руководства ГУП «С.», учредителем которого является г. Севастополь. Кроме этого, В. угрожала распространить сведения о том, что группа должностных лиц в составе руководителя ГУП «С.» и других лиц путем мошенничества неправомерно завладела и воспользовалась имуществом г. Севастополя, в связи с чем в отношении них проводится проверка с целью привлечения к уголовной ответственности за мошенничество.

Квалифицируя действия В., суд указал, что ее действия повлекли причинение существенного вреда законным правам и интересам потерпевшего (ГУП «С.»), поскольку на протяжении длительного периода была нарушена

²⁰² Архив Псковского городского суда Псковской области. Уголовное дело № 1-267/2018. Постановление судьи Псковского городского суда Псковской области от 29.06.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ntRsG4GBN0Yq> (дата обращения: 01.03.2024).

нормальная, регламентированная нормативными правовыми актами и законом деятельность государственных органов, учреждений, предприятий, права и законные интересы граждан²⁰³.

Особого внимания в настоящее время требуют ситуации так называемого корпоративного шантажа. Такие ситуации в литературе иногда именуют гринмейлом (от англ. *greenmail*)²⁰⁴.

В практическом понимании под гринмейлом подразумевается тип шантажа, в основе которого лежит приобретение заинтересованным лицом миноритарного пакета акций или миноритарного объема доли корпорации с последующей за этим попыткой реализовать их путем продажи мажоритарному акционеру или участнику, фирме-эмитенту или текущему владельцу фирмы-эмитента по значительно более высокой цене под угрозой осуществления неблагоприятных для юридического лица действий. Речь идет, например, о создании помех, препятствующих нормальному функционированию предприятия: инициирование проверок, угроза нанесения ущерба репутации предприятия, раскрытие коммерческой тайны и т.п. Далеко не всегда рассматриваемые действия возможно оценивать как преступление против собственности и вымогательство в частности. Проблема заключается в том, что сведения, распространением которых угрожает в таких случаях шантажист, зачастую нельзя отнести к категории тех, которые могут причинить вред деловой репутации или законным интересам юридического лица.

Так, приговором Вологодского городского суда Вологодской области С. оправдан по предъявленному им обвинению в совершении преступления,

²⁰³ Архив Ленинского районного суда города Севастополя. Уголовное дело № 1-27/2019. Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 14.06.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/y4MIP9CS1KoX> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁰⁴ См.: Демченко А.С. Правовые способы защиты от «Недружественных поглощений» в РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 86; Колосовская Т.В., Жаркая О.А. Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 18; Котляр Э. Гринмейл: русская версия // Консультант. 2005. № 5. С. 1; Круглова А.В. Гринмейл как новое явление в акционерном праве // Безопасность бизнеса. 2011. № 3. С. 27; Подпятникова Н.М. Современные технологии «Черного PR» // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 5-1. С. 62; Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия): монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 203 и др.

предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Органами следствия установлено, что С., имея претензии к банку «А.» в части неисполнения протокола встречи по предоставлению условий кредитования, обратился к Р. и предложил ему выступить в качестве его представителя и создать видимость урегулирования конфликта, якобы возникшего между С. и банком «А.». Далее С. обратился в Объединенную комиссию по корпоративной этике Российского союза промышленников и предпринимателей (далее РСПП) с претензией по работе банка «А.»: уклонение руководителя банка от исполнения обязательств перед ним. При этом С. оформил доверенность на имя Р., в соответствии с которой последний выступает его представителем на комиссии по корпоративной этике с правом ведения необходимых переговоров и участия на комиссии. В последующем Р., участвуя на заседаниях РСПП, предоставлял сведения, касающихся работы банка «А.» и взаимоотношений между С. и банком. После чего С. и Р. обратились к представителям банка «А.» с требованием о выплате им 43 000 000 руб. за неразглашение сведений, порочащих по их мнению деловую репутацию банка «А.», высказывая угрозу распространения среди клиентов данного банка и в СМИ сообщений о якобы предстоящем отзыве лицензии банка, что приведет банк к ликвидации с последующим причинением ущерба клиентам и акционерам банка.

Объединенной комиссией по корпоративной этике РСПП было принято решение о выплате денежной компенсации С. При этом С. и Р. заведомо знали, что не имеют кредитных обязательств по выплатам денежных средств перед банком «А.», не являются клиентами банка, и решение, принятое Объединенной комиссией по корпоративной этике РСПП, будет носить лишь рекомендательный характер и не обязательно для исполнения банком «А.».

Далее С. неоднократно выдвигали требования к представителям банка «А.» о выплате им денежных средств, увеличив при этом в итоге сумму незаконных требований до 49 222 183 руб., обосновывая их решением РСПП. Представители банка «А.», воспринявшие вышеуказанные угрозы реально, опасаясь их осуществления, выполнили требования С. с целью сохранения

деловой репутации банка, продолжения его коммерческой деятельности и передали им денежные средства в указанной сумме.

По делу установлено, что С. и Р. сообщили свидетелям К. и Ф. информацию о наличии Объединенной комиссией по корпоративной этике РСПП после того, как данная информация стала носить публичный характер.

Суд принял во внимание, что в случае размещения на сайте РСПП информации о включении банка «А.» в список неблагонадежных партнеров, которую представители банка оценивают как позорящую, банк вправе был обратиться в Арбитражный суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, как в отношении комиссии, так и иных лиц, распространивших подобную информацию. На день сообщения в СМИ указанной информации не имелось, она была выложена в сети Интернет после задержания С. и Р. При этом банк «А.» с соответствующим иском в суд не обращался. Ссылки Р. в разговорах с представителями банка «А.» на фамилии высокопоставленных лиц, наличие у него связей с различными госорганами, о его возможностях приостановить размещение информации на сайте ссылаясь на болезнь программиста сайта, а также употребление в частных телефонных разговорах таких фраз, как «а банк я сегодня сделаю по полной программе», «банку все равно конец», «банк все-таки мы нагнули» суд расценил как показную браваду и хвастовство, что, по мнению суда, не могло быть принято как доказательство виновности в совершении вымогательства²⁰⁵.

Подведем итоги.

В условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий угроза информацией насильственного, имущественного и компрометирующего характера как способ совершения преступлений против собственности приобретает новые общественно опасные качества, характеризуется иным характером и степенью общественной опасности. Прежде всего, это выражается

²⁰⁵ Архив Вологодского городского суда Вологодской области. Уголовное дело № 1-110/2018. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 24.09.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Vu2AT5TWifdl> (дата обращения: 01.03.2024).

в появлении новых, технологически и тактически изощренных форм выражения и реализации такой угрозы.

Выявленные в правоприменительной практике сложности уголовно-правовой квалификации данных, новых видов угрозы связаны, в частности:

1) с недостаточностью законодательного закрепления в рамках составов преступлений против собственности признаков имущественной угрозы, в том числе когда имеет место угроза блокировки доступа к определенной компьютерной информации, иному бестелесному имуществу либо выражается угроза совершения с информацией и имуществом других противоправных действий, не подпадающих под определения «уничтожение» и «повреждение» чужого имущества (незаконное копирование, модификация, декомпиляция и т.д.);

2) с мимикрией современных видов имущественных и компрометирующих угроз под гражданско-правовые отношения, в том числе:

а) при вымогательстве под видом оказания консалтинговых услуг по вопросам рафинирования медийного имиджа публичных персон (услуги «блок на негатив»);

б) при маскировке шантажистских требований корпоративными гражданско-правовыми отношениями (при корпоративном шантаже).

Соответствующие вопросы уголовно-правовой квалификации рассмотрены, предложены рекомендации по их решению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования сформулированы основные выводы, предложения и рекомендации.

«Угроза» является самостоятельной уголовно-правовой категорией, содержание которой не находится в соотношении «частного» и «общего» с содержанием смежных категорий: психическое насилие, принуждение, понуждение.

Содержание угрозы как способа совершения преступлений, в том числе преступлений против собственности, составляет определенная информация, причем не обязательно негативного свойства. Рассмотрение категории «угроза» нужно осуществлять в русле «информационного воздействия» на потерпевшего.

Имеются предпосылки для формирования относительно нового концептуального подхода к пониманию угрозы как способа совершения преступлений против собственности. С известной долей условности, данный подход можно обозначить как концепцию «чувствительной» информации.

«Чувствительная» информация – это информация негативного, социально-нейтрального либо, в ряде случаев, социально-положительного характера, которая в зависимости от контекста ее передачи адресату и его субъективного восприятия данной информации, при ее распространении и других противоправных действиях с ней представляет угрозу правам и законным интересам адресата, его близких либо иных лиц, а также способна причинить указанным лицам моральный вред и (или) имущественный ущерб.

Концепт «чувствительной» информации для целей рассмотрения угрозы как способа совершения преступлений против собственности представляется адекватно отражающим современные криминальные реалии информационного общества. Данный концептуальный подход видится перспективным для преодоления тех сохраняющихся в науке уголовного права трудностей объяснения сущности угрозы как способа совершения преступлений против

собственности. В частности, предлагаемый подход, как представляется, способен дать объяснение сущности такой угрозы как комплексной уголовно-правовой категории безотносительно ее конкретного содержания (насильственного, клеветнического, диффамационного, компрометирующего и иного деструктивного). В этом смысле, концепт «чувствительной» информации выступает интегративной сущностной характеристикой угрозы как способа совершения рассматриваемых преступлений. Концепция «чувствительной» информации позволяет выделить более полный спектр актуальных криминально-релевантных угроз, в том числе тех, которые могут формироваться злоумышленниками с использованием как информации ограниченного доступа (при формально-юридическом подходе), так и общедоступной информации. Концепция дает возможность более четко определить понимание угрозы с учетом традиционных взглядов о критериях ее реальности, путем характеристики механизма конвертации определённой информации в криминально-релевантную угрозу: от фактического содержания (характера) информации через контекст трансляции к ее субъективному восприятию. Подход обеспечивает рассмотрение в числе криминально-релевантных закамуфлированную угрозу (с объяснением вопросов декамуфляжа угрозы информацией социально-нейтрального и социально-положительного характера), а также многоадресную угрозу (угрозу без конкретизации адресата), угрозу-дезинформацию и др.

В свете предлагаемого подхода качество угрозы может приобрести любая информация, исходя из определенных факторов. Во-первых, характер информации (здесь укажем, что такой характер может быть негативным, социально-нейтральным и, в ряде случаев, социально-положительным). Во-вторых, контекст передачи (объективации, выражения, трансляции) информации, учитывающий форму и обстановку выражения, а также сопутствующую транслируемым сведения дополнительную информацию (фон). В-третьих, особенности субъективного восприятия конкретным адресатом информации.

В зависимости от информационного содержания угрозы, выделены и рассмотрены три ее разновидности в качестве способа совершения преступлений против собственности:

- угроза информацией насильственного характера;
- угроза информацией имущественного характера;
- угроза информацией компрометирующего характера.

Угроза насильственной информацией (так называемое информационное насилие или кибер насилие, кибер агрессия и т.п.) проявляется в различных формах девиантного онлайн-поведения. Отдельные формы такого поведения могут выступать информационным содержанием угрозы, используемой для совершения вымогательства или иных преступлений против собственности. В соответствующем уголовно-правовом дискурсе требуется дальнейшее изучение таких онлайн-девиаций, как кибер буллинг, троллинг, флейминг, хейтинг и др. Исследование показывает, что информация, транслируемая в рамках указанных онлайн-девиаций, часто носит психотравмирующий характер и, соответственно, может использоваться злоумышленниками в качестве насильственной угрозы. При этом такие угрозы оказываются не всегда связаны с угрозой применения насилия в традиционном смысле (угрозой убийством и т.д.). Угрозы насильственной информацией по содержанию могут выражаться в высмеивании, троллинге, преследовании спам-сообщениями, выражении онлайн-остракизма в отношении потерпевшего и других психотравмирующих деяниях, которые непосредственно не связаны с угрозой применения физического насилия. Отдельного перспективного внимания требует вопрос о проявлениях насильственного информационного воздействия в условиях иммерсивной реальности.

Рассмотрение угрозы имущественного характера в русле заявленной концептуальной идеи позволило выделить такие актуальные и явно недостаточно изученные уголовно-правовые проблемы, как:

— проблема использования преступниками в качестве угрозы для совершения преступлений против собственности самого факта незаконного обладания «чувствительной» для потерпевшего информацией (при этом для потерпевшего угрожающее воздействие выражается, прежде всего, в том, что он не может контролировать и обеспечить сохранность информации);

— угроза осуществить с «чувствительной» информацией не только ее уничтожение (повреждение), но другие разнообразные противоправные деяния (копирование, модификация, декомпиляция, копирование, блокировка), часто используется как способ совершения преступлений против собственности (при отсутствии адекватного уголовно-правового обеспечения противодействия им);

— угроза кибер вандализма связана не только с проявлениями хулиганства в онлайн-пространстве; часто такие деяния являются угрозой уничтожить, повредить или оказать иное негативное воздействие на виртуальное имущество, а данная угроза, в свою очередь, используется как способ совершения преступлений против собственности (как правило, в физическом аспекте).

Угроза компрометирующей информацией может выступать как способ завуалированного шантажа, при этом содержание такой информации составляют не только позорящие, порочащие и другие подобные сведения, но и любая «чувствительная» для потерпевшего информация (нейтрального или, в ряде случаев, положительного характера). Уголовно-правовая характеристика компрометирующей информации постепенно выходит за пределы дискредитации, и часто связана с любыми фактами жизни конкретного человека (место жительства, привычки, круг знакомств, родословная, особенности карьеры, деловые контакты, имидж и пр.). Особого уголовно-правового внимания требуют недобросовестные практики интернет-блогерства, оказания так называемых услуг «блок на негатив» и т.п.

При решении вопросов квалификации угрозы как способа совершения преступлений против собственности правоприменителям можно рекомендовать обратить внимание на следующее.

При определении характера и интенсивности угрозы неопределенной (неявной) информацией необходимо большее внимание уделять оценке контекста (информационного фона) выражения такой угрозы. Определенный контекст в условиях современного развития информационно-телекоммуникационных технологий существенно влияет на общественную опасность используемых угроз. В особенности это касается ситуаций намеренного моделирования преступниками такого контекста, создания и использования ими определенного информационного фона для оказания большего устрашающего воздействия на потерпевшего. Информация о чрезвычайных происшествиях, террористических актах, вооруженных нападениях, эпидемиях, эпизоотиях, массовых панических настроениях, а также различная социально значимая дезинформация, используемые злоумышленниками как контекст для выражения определенных угроз, являются обстоятельством, заслуживающим отдельной уголовно-правовой оценки в рамках квалификации способа совершения преступлений против собственности, а также при назначении наказания за данные преступления.

При уголовно-правовой квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением комбинированной угрозы (сочетающей в себе угрозу применения насилия и применение насилия как такового), требуется внимательно изучать вопрос о самостоятельной уголовной релевантности такой угрозы как способа совершения данных преступлений. Не исключаются ситуации, когда данная угроза не может поглощаться признаком применения насилия, поскольку имеет непосредственное, обособленное уголовно-правовое значение.

Выявленные в правоприменительной практике сложности уголовно-правовой квалификации данных, новых видов угрозы связаны, в частности:

- 1) с недостаточностью законодательного закрепления в рамках составов преступлений против собственности признаков имущественной угрозы, в том числе когда имеет место угроза блокировки доступа к определенной компьютерной информации, иному бестелесному имуществу либо выражается

угроза совершения с информацией и имуществом других противоправных действий, не подпадающих под определения «уничтожение» и «повреждение» чужого имущества (незаконное копирование, модификация, декомпиляция и т.д.);

2) с мимикрией современных видов имущественных и компрометирующих угроз под гражданско-правовые отношения, в том числе: при вымогательстве под видом оказания консалтинговых услуг по вопросам рафинирования медийного имиджа публичных персон; при маскировке шантажистских требований корпоративными гражданско-правовыми отношениями (при корпоративном шантаже) и т.п.

Для правильного решения данных проблем следует исходить из того, что (а) вымогательская угроза распространением определенных сведений является концептом длящегося преступления; (б) псевдо услуги по рафинированию медийного имиджа публичных персон не носят гражданско-правовой характер, являются вымогательством; (в) квалификация угрозы компрометирующей информацией высказанных суждений возможна как утверждению о факте, так и при выражении личного мнения; (г) угроза компрометирующей информацией при корпоративном шантаже является вымогательской угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред, и не поглощается угрозой деловой репутации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 01.02.2025)
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 10 дек. 1998.
3. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3452 (XXX) от 9 декабря 1975 г.) // Права человека: сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1990.
4. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Российская газета. 2001. № 249.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.10.2023) // Российская газета. 1994. № 238-239.
8. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 05.01.2024) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2017. № 31. Ст. 4765.

10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 6 авг. 2020. № 173.

11. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон РФ от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. 28.12.2024) // Российская газета от 9 августа 2001 г. № 151

12. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (в ред. от 17.11.2011) // СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308; 2011. № 47. Ст. 6664.

13. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (в ред. от 18.01.2012) // Российская газета. 2008. 5 сент.; 2012. 16 марта.

Акты судебного толкования и правоприменительной практики

14. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. 2003. № 9.

15. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 // Российская газета. 2015. № 294.

16. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Российская газета. 2005. № 50.

17. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. 2008. № 265.

18. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.06.2017 по делу № 81-АПУ17-5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09062017-№81-apu17-5/> (дата обращения: 01.08.2023).

19. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.06.2017 по делу № 81-АПУ17-5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09062017-№81-apu17-5/> (дата обращения: 01.08.2024).

20. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.08.2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/092319a0-4256-11ee-8513-8bdac3c9f91e> (дата обращения: 01.03.2025).

21. Апелляционное определение Томского областного суда от 02.12.2022 г. по делу № 22-2304/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

22. Архив Агинского районного суда Забайкальского края. Уголовное дело № 1-170/2023. Приговор Агинского районного суда Забайкальского края от 23.11.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/6SgB814o8bU6> (дата обращения: 01.03.2025).

23. Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга. Уголовное дело № 1-382/22. Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 06.07.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://verhisetsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=25

[8206328&delo_id=1540006&new=0&text_number=1](#) (дата обращения: 01.03.2025).

24. Архив Вологодского городского суда Вологодской области. Уголовное дело № 1-110/2018. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 24.09.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Vu2AT5TWifdl> (дата обращения: 01.03.2024).

25. Архив Кировского районного суда г. Кемерово. Уголовное дело № 1-199/2017. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 23.08.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kirovsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=94460417&delo_id=1540006&nw=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

26. Архив Клявлинского районного суда Самарской области. Уголовное дело № 1-2-12/2024. Приговор Клявлинского районного суда Самарской области от 25.07.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/9nzqBt№ALZbq> (дата обращения: 01.03.2025).

27. Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска. Уголовное дело № 1-70/2020. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 30.12.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/qKUnKoGIN3HY> (дата обращения: 01.03.2024).

28. Архив Ленинского районного суда города Севастополя. Уголовное дело № Дело № 1-27/2019. Приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 14.06.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/y4MIP9CS1KoX> (дата обращения: 01.03.2024).

29. Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 10-12071/24. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 28.08.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/a5616c80-654c-11ef-a948-8b9f089edc1b> (дата обращения: 01.03.2025); Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 10-16523/2023.

30. Архив Первомайского районного суда г. Мурманска. Уголовное дело № 1-70/2020. Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 22.05.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/kVks3reJ4Zmp> (дата обращения: 01.03.2024).

31. Архив Псковского городского суда Псковской области. Уголовное дело № Дело № 1-267/2018. Постановление судьи Псковского городского суда Псковской области от 29.06.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ntRsG4GBn0Yq> (дата обращения: 01.03.2024).

32. Архив Самарского областного суда. Уголовное дело № 22-4215/2022. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 25.08.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://oblsud--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=31751285&_uid=0abccc2f-2f8f-4482-8dc2-04503eaeef456&_deloId=1540006&_caseType=&_New=4&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 01.03.2025).

33. Архив Седьмого кассационного суда общей юрисдикции. Уголовное дело № 77-3642/2024. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31576075&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

34. Архив Советского районного суда г. Самары. Уголовное дело № 1-76/2021. Приговор Советского районного суда г. Самары от 14.12.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sovetsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=53771992&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

35. Архив Советского районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 1-112/2022. Приговор Советского районного суда г. Воронежа от 29.03.2022 г. /

[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sovetsky--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15752131&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

36. Архив Третьего кассационного суда общей юрисдикции. Уголовное дело № 77-2610/2023. Кассационное определение Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15675540&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

37. Архив Хамовнического районного суда г. Москва. Уголовное дело № 01-0029/2024. Приговор Хамовнического районного суда г. Москва от 17.05.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/cases/docs/content/49922900-1441-11ef-aafa-a91ff6c33f70> (дата обращения: 01.03.2025);

38. Архив Харабалинского районного суда Астраханской области. Уголовное дело № 1-237/2022. Приговор Харабалинского районного суда Астраханской области от 21.12.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://harabalinsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=182264936&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

39. Архив Шестого кассационного суда общей юрисдикции. Уголовное дело № 77-2685/2023. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4549649&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.03.2025).

40. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2023 г. по делу № 77-1831/2023. Доступ из справ.-

правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

41. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.11.2023 г. по делу № 88-УДП23-7-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

42. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.11.2023 г. по делу № 88-УДП23-7-К8 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

43. Определение № 33-8111-10 от 17.11.2010 Иркутского областного суда; Постановление № А82-7538/12 от 01.10.2015 Арбитражного Суда Волго-Вятского округа; Определение № А40-132453/2021 от 04.05.2022 Арбитражного Суда Московского округа; Определение № А40-132453/2021 от 18.05.2022 Арбитражного Суда Московского округа // Чувствительная информация – гражданское законодательство и судебные прецеденты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lawnotes.ru/podborki-gk-rf/chuvstvitelnaya-informatsiya> (дата обращения: 22.02.2025).

44. Приговор Советского районного суда г. Томска от 23.05.2022 по делу № 1-31/2022 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

45. Приговор Коченевского районного суда Новосибирской области от 25.09.2019 по делу № 1-147/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/44473737> (дата обращения: 01.08.2023).

Учебная, монографическая и справочная литература

46. Базаров, Р.А. Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия / Р.А. Базаров. Екатеринбург, 1995. 282 с.

47. Гаухман, Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами / Л.Д. Гаухман. М., 1969. 120 с.
48. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. / Л.Д. Гаухман. М., 2003. 557 с.
49. Гаухман, Л.Д. Насилие как средство совершения преступления / Л.Д. Гаухман. М.: Юрид. лит., 1974. 166 с.
50. Гаухман, Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / Л.Д. Гаухман; под ред. проф. И.С. Ноя. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 150 с.
51. Иванова, В.В. Преступное насилие : учеб. пособие для вузов / В.В. Иванова. М.: ЮИ МВД РФ, 2002. 83 с.
52. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для акад. Бакалавриата : в 2 т. / Н.Г. Иванов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. Т. 1. 383 с.
53. Изосимов, С.В. Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью : учеб. пособие / С.В. Изосимов, М.А. Овчинников; Нижегородский образовательный консорциум, Волго-Вятская акад. гос. службы. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2006. 109 с.
54. Кизилов, А.Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти / А.Ю. Кизилов; отв. ред. А.И. Чучаев; М-во образования РФ. Ульян. гос. ун-т. Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2002. 158 с.
55. Курс уголовного права : учеб.: в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 3. 468 с.
56. Левертова, Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву : учеб. пособие / Р.А. Левертова. Омск: Омск. высш. шк. милиции, 1978. 103 с.
57. Насильственная преступность: новые угрозы: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко. Рязань; М.: Академия права и управления Минюста России, Ин-т гуманитарного образования, 2004. 246 с.

58. Овсюков, Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-коммуникационных сетей: вопросы квалификации: монография / Д.А. Овсюков; под ред. С.М. Кочои. М.: Проспект, 2023. 184 с.

59. Сердюк, Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем : учеб. пособие / Л.В. Сердюк. Волгоград: ВСШ, 1981. 62 с.

60. Симонов, В.И. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация посягательства на собственность : учеб. пособие / В.И. Симонов, В.Г. Шумихин; Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. Пермь: ПГУ, 1992. 119 с.

61. Социально-правовые проблемы борьбы с насилием : межвуз. сб. науч. тр. / Омский юрид. ин-т; [редкол.: А.В. Иващенко (отв. ред.) и др.]. Омск : ОмЮИ, 1996. 167 с.

62. Сухарев, А.Я. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Сов. энцикл., 1984. 415 с.

63. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности [Н.В.Тарабрина, Н.Е. Харламенкова, М.А. Падун, И.С. Хажуев, Н.Н. Казымова, Ю.В. Быховец, М.В. Дан и др.] / под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с.

64. Уголовное право России. Особенная часть : учеб. для акад. Бакалавриата : в 2 т. / О.С. Капинус и др.; под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. 941 с.

65. Федоров, А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия) : монография / А.Ю. Фёдоров. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. 493.

66. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. СПб., 1912. 440 с.

67. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 296 с.

68. Luciano Floridi. 4-th revolution. How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford univ. press, 2014. P. 43.

Диссертации и авторефераты диссертаций

69. Борщов, Н. А. Социально-философские проблемы информационного насилия : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Н.А. Борщов. Саратов, 2004. 18 с.

70. Бунева, И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Ю. Бунева. Омск, 2000. 23 с.

71. Гребенкин, Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ф.Б. Гребенкин. М., 2004. 26 с.

72. Данелян, Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области : автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.В. Данелян. Тюмень, 2011. 22 с.

73. Девятковская, С.В. Физическое или психическое принуждение в Российском уголовном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Девятковская. Ростов н/Д, 2011. 27 с.

74. Жданухин, Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика шантажа : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Ю. Жданухин. Екатеринбург, 2005. 146 с.

75. Иванов, В.Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Ф. Иванов. Саратов, 1986. 16 с.

76. Конорезов, Н. А. Понуждение к действиям сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Н.А. Конорезов. Краснодар, 2022. 184 с.

77. Коростылев, О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.И. Коростылев. Ставрополь, 2004. 163 с.

78. Костров, К.Г. Уголовно-правовое значение угрозы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.Г. Костров. М., 1970. 19 с.
79. Плютина, Е.М. Уничтожение или повреждение имущества: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений (по материалам судебной практики Краснодарского края) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.М. Плютина. Краснодар, 2005. 28 с.
80. Радостева, Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.В. Радостева. Екатеринбург, 2006. 165 с.
81. Семенов, К.П. Животные как предмет и средство преступления : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.П. Семенов. СПб., 2015. 227 с.
82. Сердюк, Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.В. Сердюк. М., 1979. 18 с.
83. Стерехов, Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Стерехов. Свердловск, 1972. 24 с.
84. Фомичева, М.А. Угроза как способ совершения преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.А. Фомичева. М., 2008. 28 с.
85. Чернявский, А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Д. Чернявский. М., 1991. 22 с.
86. Шевелева, С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Шевелева. М., 2015. 48 с.

Статьи в периодических изданиях и сборниках

85. Алавердов, О.С. Распространение компрометирующих сведений в глобальной сети Интернет: уголовно-правовой аспект / О.С. Алавердов // Право и образование. 2010. № 11. С. 167.

86. Амирова, Д.К. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг / Д.К. Амирова, Ю.В. Куницына // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 12-16.

87. Ананьева, Е.О. К вопросу о кибербуллинге и защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию: пути и способы решения / Е.О. Ананьева, П.В. Ивлиев // Закон и право. 2022. № 1. С.105.

88. Аникаева, О.В. Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в современных условиях / О. В. Аникаева, И.Н. Бобровнический // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 565–577.

89. Артюшина, О.В. Философские представления о насилии и уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности личности / О.В. Артюшина, Д.Е. Шабанов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 4 (58). С. 25-31.

90. Архипов, В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права / В.В. Архипов // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 1 (34). С. 73-87.

91. Асеев, А.Ю., Чекмезова Е.И. Вымогательство: спорные вопросы квалификации / А.Ю. Асеев, Е.И. Чекмезова // Уголовное право. 2024. № 11. С. 3-15.

92. Ахмедова, Э.М. Кибербуллинг как социальное явление проявления агрессии в интернет-пространстве / Э.М. Ахмедова, Г.О. Цебро // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3(100). С. 163-165.

93. Бабук, А.В. Кибербуллинг как форма угрозы в интернет-коммуникации / А.В. Бабук // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 69. С. 95-106.

94. Бабурин, В.В. Травля в информационном пространстве кибербуллинг и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц / В.В. Бабурин, Н.А. Черемнова // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3(39). С. 54-59.

95. Бабурин, В.В. Угрозы как способ совершения вымогательства / В.В. Бабурин, О.В. Шарипова, М.Г. Ильина // Закон и право. 2021. № 9. С. 86-88.
96. Бальжинимаева, В.В. Уголовно-правовые риски: репутация и имидж бизнеса / В.В. Бальжинимаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 81-89.
97. Баранов, В.В. Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства / В.В. Баранов, В.М. Пашин // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 200–212.
98. Барковская, Я. В. Особенности правовой защиты несовершеннолетнего от информационного насилия нормами российского уголовного права / Я.В. Барковская, А.М. Годовникова, С.Т. Гаврилов // Территория науки. 2019. № 2. С. 54-60.
99. Бархатова, Е.Н. К вопросу о квалификации угона: насильственный угон / Е.Н. Бархатова // Преемственность и новации в юридической науке: материалы межвуз. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей / отв. за вып. А.А. Морозов. Омск, 2014. С. 46–50.
100. Барышева, К.А. Преследование как новый вид уголовно-наказуемого деяния / К.А. Барышева // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 178-182.
101. Батурин, Ю.М. Что делает виртуальные преступления реальными / Ю.М. Батурин, С.В. Полубинская // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35.
102. Безверхов, А.Г. О некоторых вопросах квалификации вымогательства / А.Г. Безверхов // Уголовное право. 2016. № 2. С. 4-11.
103. Безверхов, А.Г. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России / А.Г. Безверхов, Ю.С. Норвартян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 4. С. 522-534.

104. Беликова, К.М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом / К.М. Беликова // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 1-28.

105. Бельский, А.И. Корыстно-насильственные преступления против собственности, сопряженные с убийством потерпевшего: проблемы квалификации / А.И. Бельский, И.А. Михайлова // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2012. № 1. С. 44-47.

106. Бердников, С.В. Имущественная выгода: вымогательство или понуждение к совершению сделки? / С.В. Бердников // Актуальные научные исследования : сб. ст. XXI Междунар. научн.-практ. конф., Пенза, 10 сент. 2024 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 141-143.

107. Блинова, Д.Н. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике / Д.Н. Блинова, О.Д. Гурина // Психология и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 150-160.

108. Богданович, Н.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи / Н.В. Богданович, В.В. Делибалт // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 45-66.

109. Борщов, Н.А. Информационное насилие в современном обществе / Н.А. Борщов // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. № 1 (45). С. 282–290.

110. Бочкарева, Е.В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е.В. Бочкарева, Д.А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 91-97.

111. Бруньковский Н. Н. Актуальные проблемы правового регулирования индустрии компьютерных игр / Н.Н. Бруньковский // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 2 (67). – С. 86-90.

112. Бугера, Н.Н. Уголовно-правовая оценка применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия / Н.Н. Бугера // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №3 (33). С. 55-62.

113. Бурова, Т. Чем завершился первый в России судебный процесс над создателем и продавцом читов и ботов для игр World of Tanks и World of Warships / Т. Бурова, П. Ворожцов, И. Черноусов // Сетевое издание «Областная газета». 2022. 7 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.oblgazeta.ru/society/criminal/136974> (дата обращения: 27.02.2025).

114. Быкова, Е.Г. Неявная угроза как способ вымогательства / Е.Г. Быкова // Уголовное право. 2021. № 1(125). С. 13-16.

115. Вандышева, А.В. Альтернативные способы представления негативной информации о физическом либо юридическом лице: опыт лингвиста-эксперта / А.В. Вандышева, П.В. Середа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №10 (143). С. 184-189.

116. Ванина, А.В. Определение признаков виртуального объекта при совершении преступлений против собственности / А.В. Ванина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. №2 (55). С. 178-182.

117. Векленко, В.В. Угроза неопределенного характера при завладении имуществом / В.В. Векленко, О.А. Буркина // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. №2. С. 16-17.

118. Вертепова, Т. А. Актуальные вопросы квалификации вымогательства, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Т.А. Вертепова, П.А. Павелко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4 (62). С. 50-54.

119. Вещикова, М.И. Обзор исследований восприятия опасности и перспективы его изучения в клинической психологии развития / М.И. Вещикова // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 171.

120. Волколупова, В.А. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя / В.А. Волколупова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4 (11). С. 49-56.

121. Волошин, П.В. Оптимизация законодательного определения насильственного хищения чужого имущества / П.В. Волошин // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 1 (48). С. 8-10.

122. Волошин, П.В. Проблема законодательного определения психического насилия, сопровождающего хищение чужого имущества / П.В. Волошин // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1 (33). С. 76–78.

123. Волчегорская, Е.Ю. Буллинг как актуальная проблема современной начальной школы / Е.Ю. Волчегорская, М.В. Жукова, Е.В. Фролова и др. // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 5 (158). С. 239-252.

124. Волчецкая, Т. С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 578-591.

125. Вторушина, Ю.С. Буллинг как особый вид конфликта в детской и подростковой среде / Ю.С. Вторушина, С.В. Митрухина, Е.Н. Власова и др. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2022. – №4 (42). – С. 90-99.

126. Гаджиалиева, Н.Ш. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров / Н.Ш. Гаджиалиева, Д.К. Абдурахманов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. № 3. С. 129-133.

127. Гаразовская, Н.В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования / Н.В. Гаразовская // E-SCIO. 2020. № 4 (43). С. 276–290.

128. Гармышев, Я.В. Правовая характеристика преступного насилия в преступлениях против собственности / Я.В. Гармышев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1(23). С. 36-43.

129. Геворков, Г.Э. Отграничение грабежа с применением насилия от разбоя / Г.Э. Геворков // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 111-113.

130. Гертель, Е.В. Угроза применения насилия при грабеже и разбое / Е.В. Гертель // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2002. № 4. С. 55-61.

131. Гладких, В.И. Принуждение или вымогательство? (О проблемах разграничения ст. 179 и 163 УК РФ) / В.И. Гладких // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 32-38.

132. Гнилицкая, Д.А. Сексуальное принуждение и сексуальное понуждение как формы сексуального насилия / Д.А. Гнилицкая // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5. С. 10-14.

133. Горелкин, А.В. Проблема негативного информационного воздействия в Интернет-среде и основные направления обеспечения информационной безопасности молодежи / А.В. Горелкин, М.С. Яницкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (43). С. 212.

134. Грачева, Ю.В. Преступления в сфере компьютерной информации: критический взгляд / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 152-176.

135. Гребеньков, А.А. Кибервымогательство как информационное преступление / А.А. Гребеньков // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. 2017. С. 152-154.

136. Григорьев, Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ / Н.Д. Григорьев // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34-38.

137. Григорьев, Н.Ю., Родюков, Э.Б. Современный кибернетический терроризм и информационная безопасность / Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков // Наука. Культура. Общество. 2016. № 4. С. 67-77.

138. Грудинин, Н.С. Вымогательство как непосредственная угроза экономике Российской Федерации / Н.С. Грудинин // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества: сб. докл. по итогам IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Тула, 2018. С. 42–47.

139. Демченко, А.С. Правовые способы защиты от «Недружественных поглощений» в РФ / А.С. Демченко // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 86.

140. Джемелинский, В. А. Предъявление имущественного требования и психическое насилие (угроза) как основные составляющие объективной стороны вымогательства / В.А. Джемелинский, В.К. Лукин // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2017. № 3 (75). С. 25-28.

141. Дмитренко, А. П. Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости / А.П. Дмитренко, А.М. Подгайный, Ж.Э. Супатаева // Право и практика. 2019. № 4. С. 98-101.

142. Дмитриева, О.А. Зумбомбинг как объект лингвистического исследования / О.А. Дмитриева, Н.А. Ванюшина // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (1). С. 37-42.

143. Дохоян А.М. Кибербуллинг в современном мире: психологические аспекты / А.М. Дохоян, И.А. Маслова // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-4. С. 369-371.

144. Дудкин, Н.И. Исследование популярных приложений для обмена мгновенными сообщениями на предмет сбора чувствительных данных о пользователях / Н.И. Дудкин, В.И. Никонов // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2020. Т. 7. № 4. С. 18-23.

145. Елин, В.М. Правовые инструменты предотвращения кибербуллинга в России и США / В.М. Елин // Юридический мир. 2022. № 3. С. 55-59.

146. Иванова, К.А. Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу мнения в сети Интернет / К.А. Иванова, А.А. Степанов, Е.В. Немчинова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1(98). С. 96-101.

147. Епихин, А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации незаконного понуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) / А.Ю. Епихин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4(34). С. 86-90.

148. Ефремова, М.А. Дипфейк (deerfake) и уголовный закон / М.А. Ефремова, Е.А. Рускевич // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97-105.

149. Ефремова, М.А. Уголовно-правовые средства противодействия преступности в условиях цифровизации / М.А. Ефремова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2024. Т. 24. № 2. С. 21-26.

150. Жариков, Ю.С. Насильственный грабеж: проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности / Ю.С. Жариков, Н.В. Сарапулова // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 3. С. 200-205.

151. Жмуров, Д.В. Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве / Д.В. Жмуров // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2. С. 85-98.

152. Жмуров, Д.В. Цифровая кража: понятие, содержание, жертвы и их классификация / Д.В. Жмуров // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 35-43.

153. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для акад. Бакалавриата : в 2 т. / Н.Г. Иванов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. Т. 1. 383 с.

154. Идиятуллов, А.Д. Общественная опасность преступлений, связанных с понуждением к суициду / А. Д. Идиятуллов // Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. Конф. : в 3-х ч., Белгород, 30 марта 2018 г. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Ч. I. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2018. С. 121-124.

155. Иликбаева, Е.С. К вопросу об уголовной ответственности за «скулшутинг» и «кибербуллинг» / Е.С. Иликбаева // Юридическая гносеология. 2024. № 8. С. 162-168.

156. Капинус, О.С. Цифровизация преступности и уголовное право / О.С. Капинус // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 1.

157. Капитонова, Е.А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации / Е.А. Капитонова // Уголовное право. 2024. № 2 (162). С. 24-34.

158. Капитонова, Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации / Е.А. Капитонова // Уголовное право. 2021. № 6(130). С. 19-27.

159. Каплунов, А.И. О понятиях «использование» и «применение» огнестрельного оружия как элементах оборота оружия / А.И. Каплунов // Государство и право. 2003. № 7. С. 51-58.

160. Карманов, М.Л. Разбой и грабёж: проблемы правоприменительной практики / М.Л. Карманов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №2-2. С. 110-113.

161. Карпов, К.Н. Квалификация вымогательства при угрозе распространения сведений о совершенном лицом правонарушении либо аморальном поступке / К.Н. Карпов // Современное право. 2018. № 5. С. 77-83.

162. Каштанов С.А. Защита «чувствительной» информации в органах государственной власти с точки зрения информационной безопасности / С.А. Каштанов // Информационная безопасность регионов. 2011. № 2(9). С. 97-100.

163. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве / Л.В. Жихарева, И.С. Лучинкина, А.А. Гребенюк, А.И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8- № 4. С. 115-126.

164. Килинкаров, В.В. К вопросу о понятии деловой репутации в российском праве / В.В. Килинкаров, В.В. Килинкаров // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 14. Вып. 1. С. 16-30.

165. Кириллов, С.И. Вопросы толкования действующего уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с применением насилия или с угрозой его применения / С.И. Кириллов, А.Б.

Кирюхин // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 111-114.

166. Кирюхин, А.Б. Сущность психического насилия / А.Б. Кирюхин // Закон и право. 2009. № 2. С. 50-52.

167. Клейманов, М.С. Проблема криминализации stalking в Российской Федерации / М.С. Клейманов // Закон и право. 2021. №5. С. 133-135.

168. Ключкова, А.В. Влияние цифровой среды на формирование девиантного поведения подростков и молодежи // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения) : сб. мат-лов I Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В. Агапов; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. С. 127-131.

169. Ключко, Р.Н. К вопросу об объектах уголовно-правовой охраны в информационной сфере / Р.Н. Ключко // Состояние, проблемы и перспективы развития юридической науки и практики: белорусский и зарубежный опыт : сборник научных статей / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; гл. ред. С.Е. Чебуранова ; редкол.: А.М. Вартанян [и др.]. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. С. 204-209.

170. Кобец, П.Н. Противодействие компьютерному мошенничеству, кибервымогательству и иным опасным преступным посягательствам, совершаемым в современном цифровом пространстве / П.Н. Кобец // Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности : Сб. мат-лов XIV Междунар. науч.-практ. Конф., Москва, 18 марта 2024 г. М.: Изда-во АНО ДПО «ЦРОН», 2024. С. 31-39.

171. Кобец, П.Н. Противодействие терроризму в информационной сфере: опыт и проблемы / П.Н. Кобец // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 18-26.

172. Кобозева, Т.Ю. Социально-правовая характеристика принуждения в уголовном праве России / Т.Ю. Кобозева // Журнал российского права. 2008. № 9 (141). С. 77-83.

173. Ковлагина, Д.А. Информационный терроризм / Д.А. Ковлагина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 181-184.

174. Колосова, В.И. Психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия как способ совершения мошенничества / В.И. Колосова, А.Н. Поднебесный // Уголовное право. 2007. № 3. С. 35-38.

175. Колосовская, Т.В. Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами / Т.В. Колосовская, О.А. Жаркая // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 16-22.

176. Конев Д.А. Риски использования искусственного интеллекта и систем дипфейк в VR-среде и метавселенной: анализ, перспективы, пути противодействия / Д.А. Конев // Юрист-Правоведь. 2024. № 3(110). С. 171-176.

177. Коновалов, Н.Н. Понимание зависимости как способа совершения понуждения к действиям сексуального характера / Н.Н. Коновалов // Российский следователь. 2018. № 6. С. 19-22.

178. Коробеев, А.И. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации / А.И. Коробеев, Р.И. Дремлюга, Я.О. Кучина // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 416–425.

179. Котляр, Э. Гринмейл: русская версия / Э. Котляр // Консультант. 2005. № 5. С. 28-30

180. Круглова, А.В. Гринмейл как новое явление в акционерном праве / А.В. Круглова // Безопасность бизнеса. 2011. № 3. С. 26-28.

181. Красильников, О.Ю. Проблемы обеспечения безопасности экономического следа личности в интернете / О.Ю. Красильников // Известия

Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2022. № 2. С. 152-159.

182. Красненкова, Е.В. Анализ уголовно-правового понятия насилия в преступлениях против собственности и личности / Е.В. Красненкова, А.С. Толмачева // Современное право. 2023. № 5. С. 85-88.

183. Крупин, С.М. Информационная безопасность войск и защита личного состава от негативного информационного воздействия // Новые информационные технологии в нефтегазовой отрасли и образовании : мат-лы VI Всерос. научно-техн. конф. с междунар. участием, Тюмень, 10–11 нояб. 2015 г. / под ред. О.Н. Кузякова. Тюмень: Тюм. гос. нефтегазовый ун-т, 2015. С. 135-138.

184. Кузина, С.И. Информационное насилие: подход к постановке вопроса / С.И. Кузина // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3 (131). С. 20-23.

185. Кузина, С.И. Информационное насилие: аспекты национальной безопасности / С.И. Кузина, Д.А. Мякинченко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 200-209.

186. Кузнецов, С.К. Игровое имущество как предмет хищения / С.К. Кузнецов // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 299-308.

187. Кузьмичева, Л.Н. Проблема буллинга в российских школах – социологический анализ / Л.Н. Кузьмичева, Е.С. Окулич // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №12-1. С. 65-68.

188. Кукушкина, О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? / О.В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 132-145.

189. Кулеша, Я. Уголовное право в виртуальных мирах. Kulesza J. Prawo karne w wirtualnych swiatach // panstwo i Prawo. W-wa, 2014. № 5. S. 45-59 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4 «Государство и право». Реферативный журнал. 2015. № 2. С. 153-157.

190. Куликов, А.В. Проблемы и перспективы криминализации stalking в России / А.В. Куликов, Е.А. Егорычева // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. №3. С. 29-35.
191. Курбатова, А.О. Об особенностях объективной стороны вымогательства / А.О. Курбатова // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 67-69.
192. Курбатова, А.О. Понятие и виды вымогательских угроз / А.О. Курбатова // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3(37). С. 42-44.
193. Курганов, С.И. Категория «принуждение» в уголовном праве / С.И. Курганов // Российское правосудие. 2007. № 6 (14). С. 58-63.
194. Лавицкая, М.И. К вопросу об отграничении вымогательства от смежных составов преступлений / М.И. Лавицкая, О.В. Ефремова // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 24-27.
195. Ларина, Е.В. О современном состоянии проблемы кибербуллинга / Е.В. Ларина // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 299-305.
196. Лебедев, И.М. Негативное информационное воздействие на военнослужащих. Психологические способы противодействия / И.М. Лебедев, Е.А. Шныренков // Человеческий капитал. 2024. № 4 (184). С. 138-146.
197. Левашова, О.В. Кибербуллинг в современном интернет-пространстве / О.В. Левашова, И.Л. Сотников // Закон и право. 2022. № 11. С. 175-177.
198. Лобанова, Л. Понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию / Л. Лобанова // Российская юстиция. 1998. № 5. С. 12-13.
199. Лопатина, Т. М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж Т. М. Лопатина // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 118-126.
200. Мальцева, В.А. Защита детей от кибербуллинга. Вопросы уголовно-правового регулирования / В.А. Мальцева // Закон и право. 2019. № 10. С. 95-99.

201. Мансуров, Г.З. Правовой режим аватаров NFT в метавселенной / Г.З. Мансуров // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С.47-51.

202. Маргушев, А.А. Вопросы квалификации насильственного грабежа / А.А. Маргушев // Закон. Право. Государство. 2023. № 2(38). С. 210-213.

203. Матросова, Л.Д. Системный анализ понятия средств реализации и принятия решений по совершенствованию мер защиты от вымогательства в сети Интернет / Л.Д. Матросова // Закон и право. 2018. № 11. С. 152-154.

204. Митрохина, Т. Н. Компрометирующие материалы в прессе как средство борьбы за политическую власть / Т.Н. Митрохина, С.А. Федорова // ПОЛИТЭКС. 2009. № 3. С. 156-166.

205. Могунова, М.М. Уголовно-правовой анализ киберугроз в деловой среде / М.М. Могунова // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2021. Т. 18, № 1. С. 89-95.

206. Мосечкин, И.Н. Совершенствование перечня угроз, регламентированного в статье 163 УК РФ, как мера противодействия вымогательству / И.Н. Мосечкин // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 257-267.

207. Мурсалимов, А.Т. Метавселенная - новое пространство совершения мошенничества в сфере кредитования / А.Т. Мурсалимов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1(51). С. 118-123.

208. Мясникова, А.М. Криминализация сталкинга / А.М. Мясникова, Е.Г. Цуканова // Виктимология. 2016. №3 (9). С. 53-56.

209. Нигамаева, А.Р. Шантаж как способ вымогательства // Актуальные вопросы современных исследований: мат-лы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск, 2020. С. 141–145.

210. Никитин, Ю.А. Проблемы толкования объективной стороны вымогательства / Ю.А. Никитин // Законодательство и практика. 2016. № 1(36). С. 70-72.

211. Никульченкова, Е.В. Неопределенность терминологии и проблемы квалификации киберпреступлений (по материалам судебной практики) / Е.В. Никульченкова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3 (98). С. 361-366.

212. Ображиев, К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации / К.В. Ображиев // Журнал российского права. – 2022. Т. 26, № 2. С. 71–87.

213. Овсяков, Д.А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства / Д.А. Овсяков // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 16, № 2. С. 140-145

214. Огарков, А.В. Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности / А.В. Огарков // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4(47). С. 114-118.

215. Пантюхина, И.В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера / И.В. Пантюхина // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1(55). С. 118-128.

216. Пархоменко, С.В. Угроза как способ преступного воздействия на личность в процессе доказывания в российском судопроизводстве / С.В. Пархоменко, А.А. Радченко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3. С.5-10.

217. Пермяков, М.В. Преступность в киберспорте / М.В. Пермяков, С.Г. Банных, Р.В. Краснов // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 223-224.

218. Петрякова Л.А. Социально-правовая и информационно-технологическая обусловленность криминализации и проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / Л.А. Петрякова // Сибирский юридический вестник. 2023. №3 (102). С. 63-69.

219. Пинкевич, Т. В. Проблемы обеспечения безопасности цифровых технологий в Российской Федерации / Т. В. Пинкевич, А.В. Нестеренко // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 4. С. 161- 165.

220. Плешаков, А.М. Преступное психическое насилие с использованием животных / А.М. Плешаков // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122–128.

221. Подпятникова, Н.М. Современные технологии «Черного PR» / Н.М. Подпятникова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 5-1. С. 61-65.

222. Помнина, С.Н. Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как квалифицирующий признак разбоя / С.Н. Помнина, О.А. Николаева // Актуальные проблемы права и правоприменения: Материалы региональной научно-практической конференции, Саранск, 26 ноября 2019 г. / Отв. ред. Ю.Н. Сушкова. Саранск: ООО «ЮрЭксПрактик», 2019. С. 71-80.

223. Попова, О.А. Распространение негативного информационного контента (фейков) как детерминанта роста криминального поведения личности в информационном обществе / О.А. Попова // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : Сб. мат-лов III Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 марта 2023 г. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. С. 536-544.

224. Потемкина, А.Т. Потребности дифференциации ответственности за различные виды насилия / А.Т. Потемкина, И.Г. Цопанова // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3(28). С. 32-35.

225. Правоторов, В.В. Имидж работодателя: как репутация компании помогает управлять персоналом и бизнесом / В.В. Правоторов // Управление развитием персонала. 2005. № 4. С. 55-58.

226. Пристанская, О.В. Совершенствование законодательства в сфере противодействия кибербуллингу и другим видам психологического насилия в отношении несовершеннолетних посредством сети «Интернет» // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [науч. ред. В.В. Меркурьев, П.В.

Агапов; сост. М.В. Ульянов, Н.В. Сальников]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. С. 142-151.

227. Простосердов, М.А. Вымогательство, совершенное в сети Интернет / М.А. Простосердов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 150-152.

228. Прудников, И.Д. Уголовно-правовая оценка кибервымогательства / И.Д. Прудников // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 3 (65). С. 426-433.

229. Пугачев, А.В. Понятие «оружие» в современной уголовно-правовой науке / А.В. Пугачев, Г.В. Суханов // Закон и право. 2016. № 9. С. 81-83.

230. Радченко, К.Н. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки психического насилия / К.Н. Радченко // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2 (36). С. 68-76.

231. Распопова, Т.А. Утверждение о фактах, мнение, предположение и оценочное утверждение как формы выражения высказываний в лингвистической экспертизе / Т.А. Распопова // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2017. № 1(9). С. 121-128.

232. Решетников, А.Ю. Корпоративный шантаж (гринмейл) как вид психического насилия / А.Ю. Решетников, Л.Н. Клоченко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2(64). С. 104-108.

233. Рожков, С.А. Отграничение преступлений против собственности, совершаемых с применением насилия, от преступлений смежных составов / С.А. Рожков, О.А. Буркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 164-173.

234. Рускевич, Е.А. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации / Е.А. Рускевич, А.П. Дмитренко, Н.Г. Кадников // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 585–598.

235. Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 127-150.

236. Сапранкова, Т.Ю. К вопросу о совершенствовании направлений уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни / Т.Ю. Сапранкова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №3. С. 389-391.

237. Сафаров, Э.А. Кибербуллинг и уголовное право России: аргументы в пользу криминализации / Э.А. Сафаров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 89-94.

238. Сафин, Ф.Ю. Угроза как форма психического насилия в составе вымогательства / Ф.Ю. Сафин // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 198–203.

239. Сафронюк, А.О. К вопросу об уголовной ответственности за кражу игровых виртуальных предметов и аккаунтов в Российской Федерации / А.О. Сафронюк, С.А. Гримальская // Образование и право. 2023. № 5. С. 378-381.

240. Сверчков, В.В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства и практики его применения / В.В. Сверчков // Russian Journal of Economics and Law. 2018. № 1 (45). С. 101-111.

241. Семенова, Д.А. Гипноз как вид психического принуждения в уголовном праве / Д.А. Семенова // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S3-2 (38). С. 210-211.

242. Серебренникова, А.В. Преступления в сфере информационных технологий: кибербуллинг и кибермоббинг / А.В. Серебренникова // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 2. С. 283-287.

243. Середа, А.Ю. Особенности кибербуллинга как одного из видов современных правонарушений в виртуальном пространстве / А.Ю. Середа // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12, № 11. С. 360-366.

244. Сидак, А.А. Вопросы применения на объектах критической информационной инфраструктуры инновационных автоматизированных

рабочих мест Интернет, обеспечивающих защиту чувствительной речевой и визуальной информации / А.А. Сидак, В.В. Василенко, С.В. Рыженко, Д.А. Сидак // Информационные войны. 2023. № 4(68). С. 42-46.

245. Скрипченко, Н.Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: комментарий законодательных новелл / Н. Ю. Скрипченко // Уголовное право. 2023. № 11. С. 59-65.

246. Смирнова Е. Треш-стрим как образ жизни / Е. Смирнова // Эксперт. 2020. № 51 (1189). С. 52-54.

247. Солдатова, Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431-450.

248. Сон, Э.В. Спорные вопросы уголовно-правовой оценки признаков объективной стороны в составе разбоя / Э.В. Сон // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2(51). С. 63-70.

249. Степанов, П.П. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества / П.П. Степанов, М.А. Филатова // Russian Journal of Criminology. 2021. № 6. С. 744-755.

250. Степанов, П.П. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества / П.П. Степанов, М.А. Филатова // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 744-755.

251. Сторублёнкова, Е.Г. Сталкинг: синдром навязчивого преследования / Е.Г. Сторублёнкова, В.Л. Самуткин // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 278-281.

252. Стяжкина, С.А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и систематизации / С.А. Стяжкина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 4. С. 722-728.

253. Тарабрина, К.С. Влияние цифровых технологий на совершение насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних / К.С. Тарабрина // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 8. С. 161-166.

254. Тарасова, М.Ю. О современных способах и видах мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / М.Ю. Тарасова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (73). С. 42-45.

255. Теунаев, А.С.У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению / А.С.У. Теунаев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3(29). С. 72-77.

256. Токарчук, Р. Е. Социально-правовая природа и вопросы квалификации разбоя, совершаемого путем угроз насилием, опасным для жизни или здоровья / Р. Е. Токарчук // Научный портал МВД России. 2013. № 4 (24). С. 27-33.

257. Тыдыкова, Н. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством / Н. Тыдыкова // Юрислингвистика. 2023. № 28(39). С. 36-42.

258. Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве / И.Р. Бегишев, В.В. Денисович, Р.А. Сабитов [и др.] // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 58-62.

259. Улезько, С.И. Кибертерроризм в сетевом пространстве: актуальность квалификации и способы предупреждения / С.И. Улезько, В.А. Овсянников // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2 (141). С. 115-119.

260. Ханов, Т.А. Кибербуллинг: правовые меры по борьбе с онлайн насилием и угрозами / Т.А. Ханов, А.С. Смагулова // Актуальные проблемы современности. 2024. № 4 (46). С. 32-41.

261. Хилjuta, В.В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество / В.В. Хилjuta // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 68-82.

262. Хилjuta, В.В. Подлежит ли расширительному толкованию признак угрозы распространения сведений в составе вымогательства? / В.В. Хилjuta // Законность. 2024. № 4. С. 48-51.

263. Хилjuta, В.В. Противоречивые признаки вымогательской угрозы / В.В. Хилjuta // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 3(21). С. 89-97.

264. Хилjuta, В.В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники / В.В. Хилjuta // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 111–118.

265. Ходневич, В.В. Кибербуллинг: реальная угроза / В.В. Ходневич // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2023. № 1. С. 61-64.

266. Цой, Л.В. Реальность как признак угрозы при вымогательстве / Л.В. Цой // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2019. № 17. С. 72-75.

267. Челябова, З.М. Вопросы отграничения вымогательства от насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации / З.М. Челябова // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 34-36.

268. Челябова, З.М. Особенности завладения чужого имущества с применением угрозы насилием, носившей неопределенный характер: проблемы квалификации / З.М. Челябова // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2(31). С. 62-65.

269. Чучаев, А.И. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски / А.И. Чучаев, Ю.В. Грачева, С.В. Маликов // Правосудие. 2019. № 1 С. 133-155.

270. Черноусов, И. Метавселенные могут стать раем для киберпреступников / И. Черноусов // Российская газета. 2022. 6 февр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/06/metavselennye-mogut-stat-raem-dlia-kiberprestupnikov.html> (дата обращения: 27.02.2025).

271. Уголовно-правовое значение метавселенных: коллизии в праве / И.Р. Бегишев, В.В. Денисович, Р.А. Сабитов [и др.] // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 58-62.

272. Улезько, С.И., Овсянников В.А. Кибертерроризм в сетевом пространстве: актуальность квалификации и способы предупреждения / С.И. Улезько, В.А. Овсянников // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2 (141). С. 115-119

273. Шалагинова, К.С. Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга / К.С. Шалагинова, Т.И. Куликова, С.А. Залыгаева // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. Психологические науки. 2019. №3. С. 126-138.

274. Шаталов, А.С. Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий / А.С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 68-83.

275. Швединская, Г.И. Соотношение понятий «применение оружия», «демонстрация оружия», «угроза оружием» в уголовном праве России / Г.И. Швединская, А.А. Грасько // Научные меридианы-2017: сб. мат-лов VII Междунар. науч.-практ. конф., Новороссийск, 5–6 октября 2017 г. Т. VII. Новороссийск: Научно-издательский центр «Академия знаний», 2017. С. 12-16

276. Шевко, Н.Р. Кибербезопасность: проблемы и пути решения / Н.Р. Шевко, С.Я. Казанцев // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 185-189.

277. Шевчук, Д.А. Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений / Д.А. Шевчук // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36-42.

278. Шилова, В.А. Потребление информации как форма проявления идентичности (часть 1) / В.А. Шилова, А.А. Яковлева // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6, № 2. С. 98-119.

279. Шляхин, Ф.В. Особенности оценки психического насилия и определения момента окончания разбойного нападения / Ф.В. Шляхин // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2 (77). С. 37–40.

280. Шмыгина, О.В. Вопросы разграничения смежных составов преступлений против собственности, сопряженных с угрозой / О.В. Шмыгина // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 354-362.

281. Шмыгина, О.В. Признак реальности в угрозе как способе совершения преступлений / О.В. Шмыгина // Современные проблемы государства и права: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Сиб. ун-та потреб. кооперации (СибУПК) / под ред. Р.А. Прощалыгина. Новосибирск, 2020. С. 282–285.

282. Шмыгина, О.В. Теоретические аспекты понятий «принуждение» и «понуждение» / О.В. Шмыгина // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2018. № 3 (25). С. 84-86.

283. Шпак, А.А. Современные угрозы информационной безопасности / А.А. Шпак // Современное право. 2024. № 1. С. 106-108.

284. Шпаковский, С.Н. Насилие как уголовно-правовая категория / С.Н. Шпаковский // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием : межвуз. сб. науч. тр. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. С. 34–35.

285. Ювачев, М.Ю. Информационно-пропагандистская деятельность террористических и экстремистских организаций в контексте развития цифровой технологии «метавселенной» (metaverse): вызовы и угрозы национальной безопасности государства / М.Ю. Ювачев // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 4. С. 47-52.

286. Юрченко, И.А. Уголовно-правовые основы обеспечения безопасности корпоративной информации / И.А. Юрченко // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 53-58.

287. Юрченко, И.А. Сталкер как субъект уголовной ответственности / И.А. Юрченко // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С. 53-61.

288. Яни, П.С. Вопросы квалификации вымогательства / П.С. Яни // Законность. 2015. № 11 (973). С. 40-45.

Электронные источники информации

289. Mash: зафиксировано первое вымогательство с применением дрона с муляжом СВУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/4403131> (дата обращения: 20.03.2025).

290. Александров, А. Блок не помешал процессу. Администраторов Telegram-каналов судят за вымогательства [Электронный ресурс] / А. Александров // Газета «Коммерсантъ». 2024. 3 янв. // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6428797> (дата обращения: 27.02.2025).

291. Амасьянц, А. Вымогательство или мошенничество? Поддержав доводы защиты, суд переквалифицировал действия подсудимого со ст. 163 на ст. 159 УК РФ [Электронный ресурс] / А. Амасьянц // Интернет-портал «Адвокатская газета». Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vymogatelstvo-ili-moshennichestvo/?ysclid=lgxh6w0b9c438229608> (дата обращения: 12.01.2025).

292. Аналитический центр «НАФИ» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: <https://nafi.ru> (дата обращения: 07.02.2025).

293. В Совфеде предложили сажать иноагентов за сбор чувствительной информации [Электронный ресурс] // Информационный портал «РБК». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2020/5fc14a0d9a79476ebc96b739> (дата обращения: 22.02.2025).

294. Вязовая, Д. Первое в России дело о кибербуллинге рассматривают в Башкирии [Электронный ресурс] // Интернет-портал «NTV.ru». Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2875332> (дата обращения: 07.02.2025).

295. Гордеев, В. Полиция задержала владельцев сети телеграм-каналов с «токсичными» именами [Электронный ресурс] / В. Гордеев, Д. Серков // РБК. 2023. 17 мая. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2023/6464bc639a7947ee6cb65e3d> (дата обращения: 27.02.2025).

296. Доспехов, А. Олимпийская вакханалия добралась до суда. Он рассмотрит дело о кибербуллинге в отношении режиссера церемонии открытия парижских Игр Тома Жолли [Электронный ресурс] / А. Доспехов // Интернет-портал «Коммерсантъ». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7552679> (дата обращения: 07.02.2025).

297. Заключение комиссии специалистов-лингвистов № 33-09/12 от 17.09.2012 [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам». Режим доступа: <https://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/8.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

298. Законопроект № 1057914-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности» [Электронный ресурс] / Портал «Система обеспечения законодательной деятельности». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057914-7> (дата обращения: 22.02.2025).

299. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Отчеты Главного информационно-аналитического центра МВД России. Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 12.05.2023).

300. Лавринова, К. Эффект Стрейзанд: что такое и как с его помощью можно повлиять на репутацию компании [Электронный ресурс] / К. Лавринова // Интернет-портал «1PS.ru». Режим доступа: <https://1ps.ru/blog/serm/2021/effekt-strejzand-chto-takoe-i-kak-s-ego-pomoshhyu-mozhno-povliyat-na-reputaciyu-kompanii> (дата обращения: 12.01.2025).

301. Лялин, Р. Школьники воруют у родителей миллионы на виртуальное оружие в играх и несут мошенникам. Как это остановить [Электронный ресурс] / Р. Лялин // Комсомольская правда. 2023. 8 февр. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27463/4717883> (дата обращения: 27.02.2025).

302. Марков, М. С текущей недели начнётся вал вымогательств денег у россиян на самоизоляции [Электронный ресурс] / М. Марков // Портал «NEWS.RU». Режим доступа: <https://news.ru/economics/uspeshno-vymogayut-dengi-u-rossiyan-na-samoizolyacii> (дата обращения: 20.03.2025).

303. Мартынова, П. Фигуранты дела телеграм-канала «Что-делать» получили до 8 лет колонии [Электронный ресурс] / П. Мартынова // Интернет-портал «RBC.ru». 2024. 5 апр. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2024/660fe52b9a79472985cd4f42> (дата обращения: 27.02.2025).

304. Микуляк, Л. Задумавшего взрыв здания ФСБ в Minecraft школьника осудили на пять лет колонии [Электронный ресурс] / Л. Микуляк // Портал «Lenta.ru». Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/02/10/minecrap> (дата обращения: 27.02.2025).

305. Митин, Ю.Д. Правовая защита цифровых аватаров и личных данных в виртуальной реальности [Электронный ресурс] / Ю.Д. Митин // Интернет-портал «VC.ru». Режим доступа: <https://vc.ru/legal/1826222-pravovaya-zashita-cifrovyyh-avatarov-i-lichnyh-dannyh-v-virtualnoi-renosti> (дата обращения: 11.03.2025).

306. НАФИ: аналитики назвали вымогательства и угрозы проблемами молодежи при онлайн-знакомствах [Электронный ресурс] // Интернет-портал «RBC.ru». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/life/news/64057c069a79473a3910451b> (дата обращения: 07.02.2025).

307. Нефёдова, М. Главы компаний получили бумажные письма, якобы от вымогательской группы BianLian [Электронный ресурс] / М. Нефёдова //

Интернет-портал «Xakep.ru». Режим доступа: <https://xakep.ru/2025/03/06/fake-bianlian> (дата обращения: 11.03.2025).

308. Новая эра конфликтов и насилия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence> (дата обращения: 07.02.2025).

309. О чем должны подумать родители, прежде чем публиковать фотографии детей в интернете [Электронный ресурс] // Информационный портал «Kaspersky». Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/children-photos-and-online-safety> (дата обращения: 27.02.2025).

310. Ображиев, К.В. Уголовно-правовые риски при оказании услуг по управлению репутацией в интернете [Электронный ресурс] / К.В. Ображиев // Интернет-портал «ПРАВО.ru». Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/251507> (дата обращения: 12.01.2025).

311. Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93980 (дата обращения: 25.02.2025).

312. Словарь финансовых терминов [Электронный ресурс] // Информационный портал «Finam.ru». Режим доступа: <https://www.finam.ru/publicatiobs/item/chuvstvitelbaya-ibformatsiya-20230629-1119> (дата обращения: 27.02.2025).

313. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года [Электронный ресурс] / Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России. Режим доступа: <https://мвд.пф/reports/item/35396677> (дата обращения: 12.05.2023).

314. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года [Электронный ресурс] / Отчет Главного информационно-аналитического центра

МВД России. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (дата обращения: 12.03.2025).

315. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] / Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 12.03.2025).

316. Слащев, В. Последствия неверного толкования диспозиции, предусмотренной ст. 163 УК [Электронный ресурс] / В. Слащев, А. Шеляшкова // Интернет-портал «ПРАВО.RU». 2024. 16 янв. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/250964> (дата обращения: 27.02.2025).

317. Суд вынес приговор трем администраторам Telegram-каналов по делу о вымогательстве у Канделаки [Электронный ресурс] / Интернет-портал «Известия». 2023. 29 мая. Режим доступа: <https://iz.ru/1520195/2023-05-29/sud-vynes-prigovor-trem-administratoram-telegram-kanalov-po-delu-o-vymogatelstve-u-kandelaki> (дата обращения: 27.02.2025).

318. Уникальный идентификатор дела 70RS0004-01-2020-004372-23 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Советский районный суд г. Томска. Режим доступа: https://sovetsky--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2993773&case_uid=cd977079-7097-4e4f-84db-193df18328b3&delo_id=1540006 (дата обращения: 11.03.2025).

319. Что могут сделать хакеры, зная адрес вашей электронной почты? [Электронный ресурс] // Информационный портал «Kaspersky». Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/hackers-and-email-addresses> (дата обращения: 27.02.2025).

320. Что такое доксинг – определение и описание [Электронный ресурс] // Информационный портал «Kaspersky». Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-doxing> (дата обращения: 27.02.2025).

321. Чувствительная информация: когда утечка становится шоком [Электронный ресурс] // Информационный портал «Infowatch.ru». Режим доступа: <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/chuvstvitelnaya-informatsiya-kogda-utechka-stanovitsya-shokom> (дата обращения: 27.02.2025).

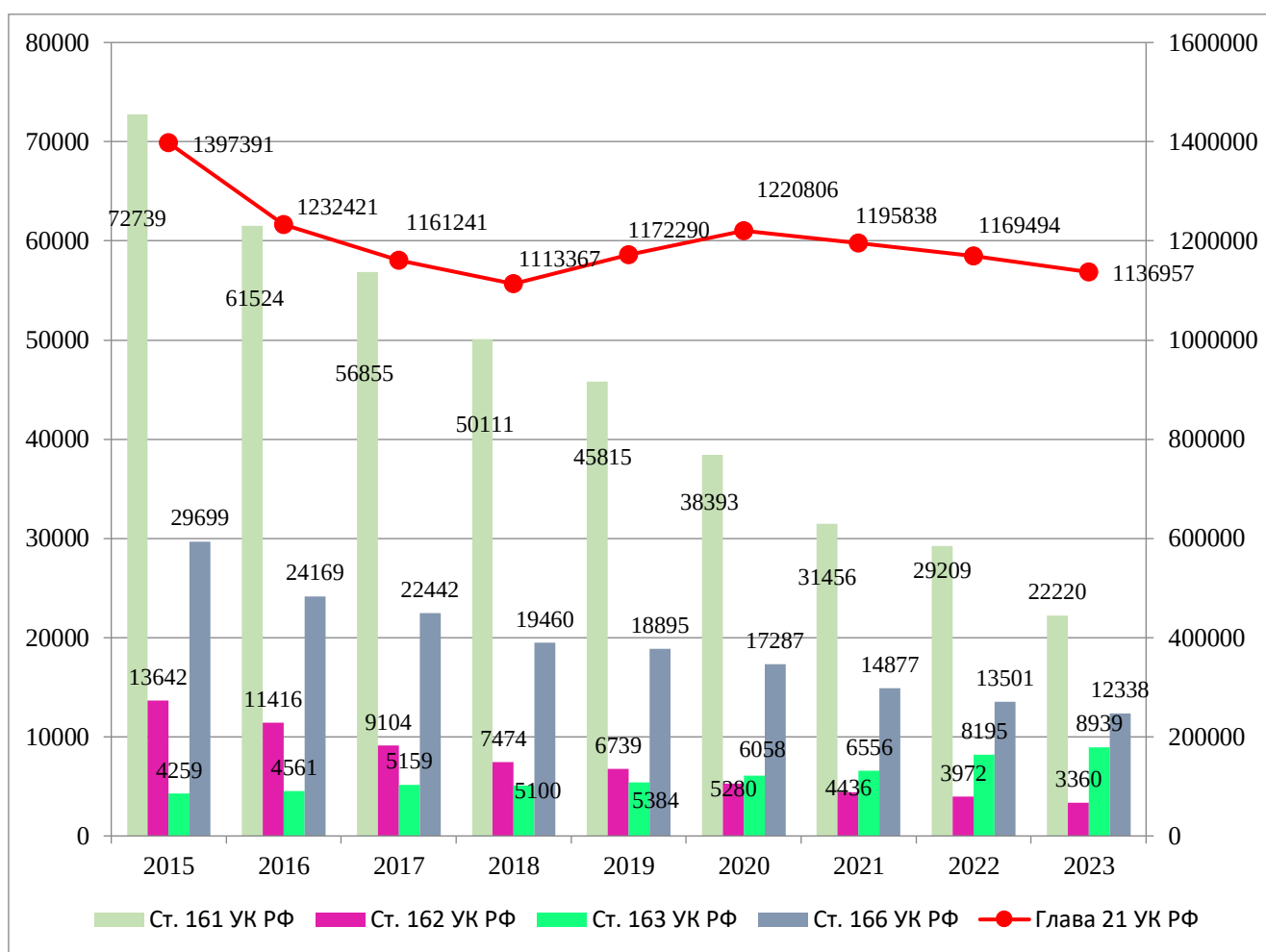
322. Чувствительные данные: как отделить важное от обычного [Электронный ресурс] Информационный портал «Securitymedia.org». Режим доступа: <https://securitymedia.org/info/chuvstvitelnye-dannye-kak-otdelit-vazhnoe-ot-obychnogo.html> (дата обращения: 27.02.2025).

323. Японец арестован за виртуальное вымогательство [Электронный ресурс] // Портал «Gameplus.ru». Режим доступа: <http://www.gameplus.ru/news/76.html> (дата обращения: 27.02.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

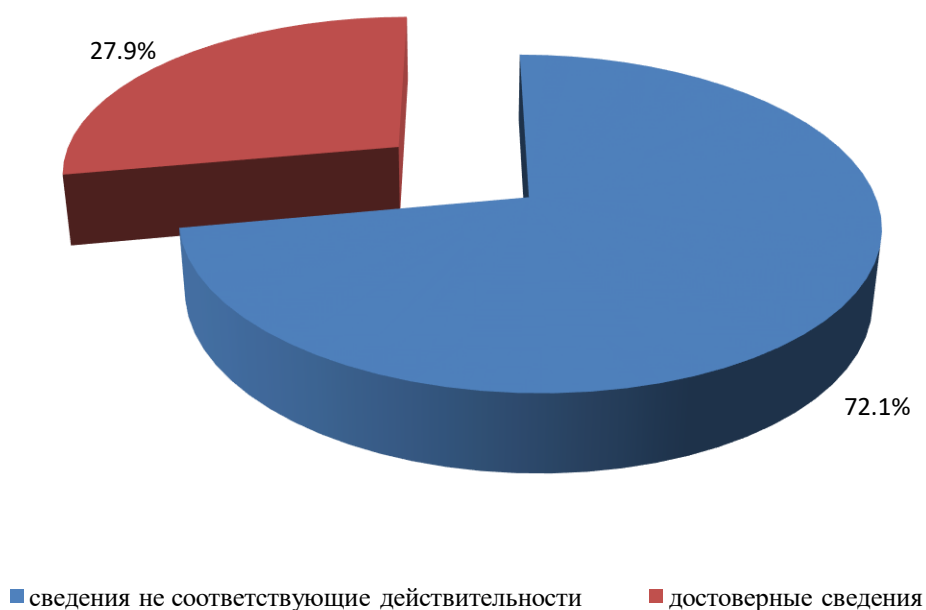
Приложение 1

**Количество зарегистрированных преступлений,
предусмотренных ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ
в общей структуре преступлений против собственности**

Анализ судебных решений за 2008–2023 годы по характеру сведений, содержащихся в угрозе при шантаже (ст. 163 УК РФ)

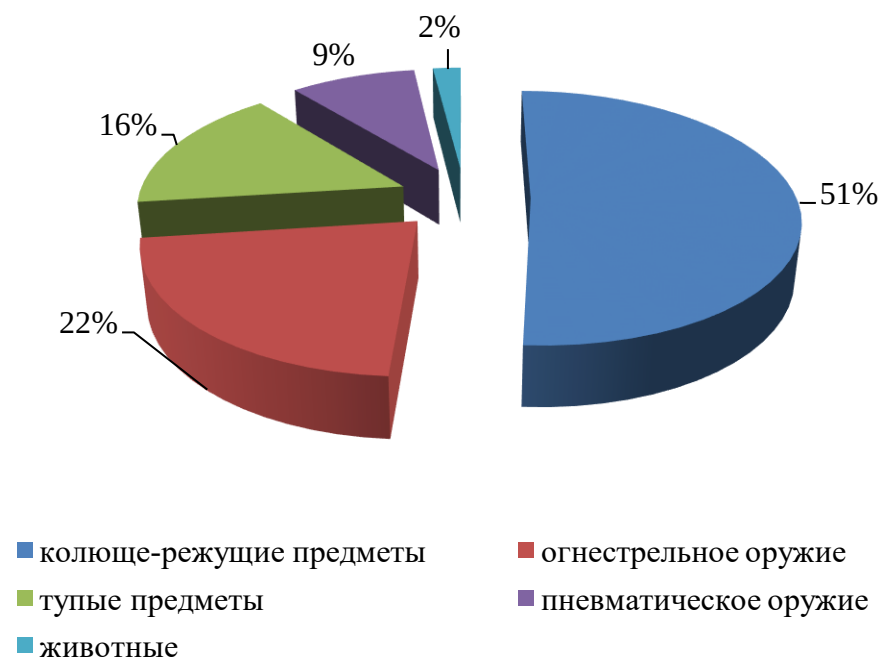
Характер сведений, содержащихся в угрозе при шантаже	Количество
сведения, не соответствующие действительности	75 (72,1 %)
достоверные сведения	29 (27,9 %)
Кол-во судебных решений	104

Сведения по результатам изучения судебной практики о применении угроз, соединенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ст. 163 УК РФ)

Сведения по результатам изучения судебной практики о характеристике предметов, используемых при совершении вымогательства

Анализ судебных решений за 2008–2023 годы по способам выражения угроз

Статья УК РФ	Способы выражения угроз в преступлениях против собственности				Кол-во судебных решений
	смешанные угрозы	сложные угрозы	вербальные угрозы	невербальные угрозы	
п. «Г» ч. 2 ст. 161	37 (66,1 %)	10 (17,8 %)	9 (16,1 %)	—	56
ст. 162	76 (69,1 %)	32 (29,1 %)	2 (1,8 %)	—	110
ч. 1 ст. 163	9 (14,6 %)	16 (25,8 %)	37 (59,6 %)	—	62
п. «В» ч. 2 ст. 166	43 (81,2 %)	7 (13,2 %)	3 (5,6 %)	—	53
ч. 4 ст. 166	51 (78,5 %)	12 (18,5 %)	2 (3,0 %)	—	65
Всего	216 (62,4 %)	77 (22,2 %)	53 (15,3 %)	0%	346

Анкета

(в качестве респондентов выступили 32 судьи районных судов)

1. По Вашему мнению, что следует понимать под психическим насилием в уголовном праве?

- принуждение — 2 (6,25 %)
- понуждение — 2 (6,25 %)
- запугивание — 4 (12,15 %)
- различного рода угрозы — 7 (21,88 %)
- гипноз — 1 (3,13 %)
- любое давление на психику человека — 15 (46,88 %)
- иное — доставление психических страданий — 1 (3,13 %)

2. Как следует понимать угрозу в составах против собственности?

- как основной признак — 13 (40,63 %)
- как квалифицирующий признак — 10 (31,25 %)
- как отягчающее обстоятельство — 9 (28,13 %)

3. Как Вы считаете, возникают ли трудности в правоприменительной практике доказывания применения угрозы при совершении преступлений против собственности?

- да — 17 (53,13 %)
- нет — 11 (34,38 %)
- затрудняюсь ответить — 4 (12,15 %)

4. Влияет ли на квалификацию деяния восприятие потерпевшим высказанной угрозы в момент совершения преступления?

- да — 23 (71,88 %)
- нет — 6 (18,75 %)
- затрудняюсь ответить — 3 (9,38 %)

5. Какие угрозы можно отнести к психическому насилию?

- угроза убийством — 32 (100 %)
- угроза причинением вреда здоровью — 32 (100 %)
- угроза применения насилия — 29 (90,63%)
- угроза уничтожением или повреждением имущества — 28 (87,5%)
- угроза совершения взрыва, поджога — 17 (43,75%)
- угроза иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий — 18 (56,25 %)
- угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких — 16 (50 %)
- шантаж — 12 (37,5 %)

6. Можно ли рассматривать гипноз как форму психического насилия?

- да — 7 (21,8 %)
- нет — 22 (68,75 %)
- затрудняюсь ответить — 3 (9,38 %)

7. Можно ли рассматривать клевету как форму психического насилия?

- да — 2 (6,250 %)
- нет — 28 (87,5 %)
- затрудняюсь ответить — 2 (6,25 %)

8. Доказательствами совершения преступления с применением угроз следует считать:

- показания свидетелей и потерпевших — 25 (78,13 %)
- показания лица, совершившего преступление — 4 (12,15 %)
- наличие письменных документов — 3 (9,38 %)

9. Тожественны ли, по Вашему мнению, понятия «понуждение» и «принуждение»?

- да, обоснование — 24 (75 %)
- нет, обоснование — 6 (18,75 %)
- затрудняюсь ответить — 2 (6,25 %)

10. Необходимо ли разъяснение на законодательном уровне категории «угроза»?

- да — 30 (93,75 %)
- нет — 2 (6,25 %)
- затрудняюсь ответить — 0

11. Что следует понимать под шантажом?

- угрозу распространения сведений, которые могут причинить существенный вред охраняемым уголовным законом благам, ценностям и интересам потерпевшего или его близких — 13 (40,63 %)
- направленное манипулятивное воздействие на эмоциональную сферу конкретного человека с целью извлечения личной выгоды под угрозой разглашения компрометирующей информации — 14 (43,75 %)
- угрозу разоблачения, разглашения каких-нибудь неприятных, позорящих сведений с целью добиться чего-нибудь — 5 (15,62 %)
- иное — 0

12. Дайте собственное определение шантажу.

Анкета

(в качестве респондентов выступили 57 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации)

1. По Вашему мнению, что следует понимать под психическим насилием в уголовном праве?

- принуждение — 4 (7,02 %)
- понуждение — 3 (5,27 %)
- запугивание — 6 (10,53 %)
- различного рода угрозы — 10 (17,55 %)
- гипноз — 4 (7,02 %)
- любое давление на психику человека — 27 (47,37 %)
- иное — доставление психических страданий — 3 (5,27 %)

2. Как следует понимать угрозу в составах против собственности?

- как основной признак — 24 (42,11 %)
- как квалифицирующий признак — 17 (29,83 %)
- как отягчающее обстоятельство — 16 (28,07%)

3. Как Вы считаете, возникают ли трудности в правоприменительной практике доказывания применения угрозы при совершении преступлений против собственности?

- да — 49 (85,97 %)
- нет — 6 (10,53 %)
- затрудняюсь ответить — 2 (3,51 %)

4. Влияет ли на квалификацию деяния восприятие потерпевшим высказанной угрозы в момент совершения преступления?

- да — 44 (77,2 %)
- нет — 10 (17,55 %)
- затрудняюсь ответить — 3 (5,27 %)

5. Какие угрозы можно отнести к психическому насилию?

- угроза убийством — 57 (100 %)
- угроза причинением вреда здоровью — 57 (100 %)
- угроза применения насилия — 54 (94,74 %)
- угроза уничтожением или повреждением имущества — 28 (49,13 %)
- угроза совершения взрыва, поджога — 17 (29,83 %)
- угроза иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий — 18 (31,58 %)
- угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких — 32 (56,14 %)
- шантаж — 28 (49,13 %)

6. Можно ли рассматривать гипноз как форму психического насилия?

- да — 13 (8,2 %)
- нет — 40 (70,18 %)
- затрудняюсь ответить — 4 (7,02 %)

7. Можно ли рассматривать клевету как форму психического насилия?

- да — 2 (3,51 %)
- нет — 54 (94,74 %)
- затрудняюсь ответить — 1 (1,76 %)

8. Доказательствами совершения преступления с применением угроз следует считать:

- показания свидетелей и потерпевших — 49 (85,97 %)
- показания лица, совершившего преступление — 2 (3,51 %)
- наличие письменных документов — 6 (10,53 %)

9. Тожественны ли, по Вашему мнению, понятия «понуждение» и «принуждение»?

- да, обоснование — 48 (84,21 %)
- нет, обоснование — 6 (10,53 %)
- затрудняюсь ответить — 3 (5,27 %)

10. Необходимо ли разъяснение на законодательном уровне категории «угроза»?

- да — 54 (94,74 %)
- нет — 2 (3,51 %)
- затрудняюсь ответить — 1 (1,76 %)

11. Что следует понимать под шантажом?

- угрозу распространения сведений, которые могут причинить существенный вред охраняемым уголовным законом благам, ценностям и интересам потерпевшего или его близких — 14 (24,57 %)
- направленное манипулятивное воздействие на эмоциональную сферу конкретного человека с целью извлечения личной выгоды под угрозой разглашения компрометирующей информации — 25 (43,86 %)
- угрозу разоблачения, разглашения каких-нибудь неприятных, позорящих сведений с целью добиться чего-нибудь — 18 (31,58 %)
- иное — 0

12. Дайте собственное определение шантажу.

Анкета

*(в качестве респондентов выступили 82 адвоката)
данные, представлены в абсолютных цифрах и их процентном выражении*

1. По Вашему мнению, что следует понимать под психическим насилием в уголовном праве?

- принуждение — 2 (2,44 %)
- понуждение — 2 (2,44 %)
- запугивание — 4 (4,88 %)
- различного рода угрозы — 10 (12,2 %)
- гипноз — 1 (1,22 %)
- любое давление на психику человека — 62 (75,61 %)
- иное — доставление психических страданий — 1 (1,22 %)

2. Как следует понимать угрозу в составах против собственности?

- как основной признак — 20 (24,39 %)
- как квалифицирующий признак — 56 (40,5 %)
- как отягчающее обстоятельство — 6 (7,32 %)

3. Как Вы считаете, возникают ли трудности в правоприменительной практике доказывания применения угрозы при совершении преступлений против собственности?

- да — 69 (84,15 %)
- нет — 10 (15,86 %)
- затрудняюсь ответить — 3 (3,66 %)

4. Влияет ли на квалификацию деяния восприятие потерпевшим высказанной угрозы в момент совершения преступления?

- да — 71 (86,59 %)
- нет — 10 (12,2 %)
- затрудняюсь ответить — 1 (1,22 %)

5. Какие угрозы можно отнести к психическому насилию?

- угроза убийством — 82 (100 %)
- угроза причинением вреда здоровью — 82 (100 %)
- угроза применения насилия — 82 (100 %)
- угроза уничтожением или повреждением имущества — 80 (97,56 %)
- угроза совершения взрыва, поджога — 77 (93,91 %)
- угроза иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий — 49 (59,76 %)
- угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких — 50 (60,98 %)
- шантаж — 48 (58,54 %)

6. Можно ли рассматривать гипноз как форму психического насилия?

- да — 1 (1,22 %)
- нет — 81 (98,78 %)
- затрудняюсь ответить — 0

7. Можно ли рассматривать клевету как форму психического насилия?

- да — 7 (8,54 %)
- нет — 74 (90,25 %)
- затрудняюсь ответить — 1 (1,22 %)

8. Доказательствами совершения преступления с применением угроз следует считать:

- показания свидетелей и потерпевших — 56 (68,3 %)
- показания лица, совершившего преступление — 8 (9,76 %)
- наличие письменных документов — 18 (21,96 %)

9. Тожественны ли, по Вашему мнению, понятия «понуждение» и «принуждение»?

- да, обоснование — 63 (76,83 %)
- нет, обоснование — 19 (23,17 %)
- затрудняюсь ответить — 0

10. Необходимо ли разъяснение на законодательном уровне категории «угроза»?

- да — 82 (100 %)
- нет — 0
- затрудняюсь ответить — 0

11. Что следует понимать под шантажом?

- угрозу распространения сведений, которые могут причинить существенный вред охраняемым уголовным законом благам, ценностям и интересам потерпевшего или его близких — 71 (86,59 %)
- направленное манипулятивное воздействие на эмоциональную сферу конкретного человека с целью извлечения личной выгоды под угрозой разглашения компрометирующей информации — 8 (9,76 %)
- угрозу разоблачения, разглашения каких-нибудь неприятных, позорящих сведений с целью добиться чего-нибудь — 3 (3,66%)
- иное — 0

12. Дайте собственное определение шантажу